

В. Г. Кондратьев

**Грамматический
строй языка
памятников
древнетюркской
письменности
VIII–XI вв.**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. Г. КОНДРАТЬЕВ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
VIII—XI вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1961

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии исследуются фонетика, морфология и синтаксис языка памятников рунической, уйгурской и манихейской письменности VIII-XI вв.; рассматривается проблема отношения древнетюркского языка к современным тюркским языкам, развитие тюркских языков. На основе использования материала древнетюркского языка выявляются типологические особенности агглютинативных языков.

Книга рассчитана на специалистов-тюркологов и лингвистов, занимающихся проблемами общего языкознания, а также на студентов, обучающихся в вузах тюркоязычных республик СССР и на факультетах восточных языков.

Рецензенты: акад. А.Н.Кононов,
проф. С.Н.Иванов

К 70104 - 056
076(02) - 81 129-81. 4602010000

© Издательство Ленинград-
ского университета,
1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

В этой работе мы попытаемся разрешить следующие задачи:

1. Дать описание основных особенностей грамматического строя языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI вв. (ЦДТН) и определить основные тенденции в развитии тюркских языков, исследовать характер изменений, происходящих в их грамматических категориях, путем сопоставления языка ЦДТН с современными тюркскими языками.

2. Выявить общие черты в грамматическом строе языка ЦДТН и некоторых современных тюркских языков с целью установления возможных генетических связей языка ЦДТН.

При решении данных задач мы используем метод, который был успешно применен С.Н.Ивановым для исследования грамматического строя тюркских языков на материале староузбекского и современного турецкого языков.¹ Этот метод, основанный на положениях диалектической логики, исходит из следующих принципов:² а) системности (общее относится к единичному как система, в которую включено это единичное); б) относительности (каждое явление языка определяется лишь по отношению ко всем другим явлениям того же языка); в) субстанциональности (грамматическая форма является носителем всех своих значений как свойств, проявляющихся в ее отношениях - синтаксических функциях); г) противоречивости (сущность каждой грамматической формы противоречиво двойственна).

¹ Иванов С.Н. 1) Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана; Грамматический очерк. Ташкент, 1969; 2) Курс турецкой грамматики, ч.1. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975; 3) Курс турецкой грамматики, ч.2. Грамматические категории глагола. Л., 1977.

² Иванов С.Н. Родословное древо тюрков, с.26.

При исследовании грамматического строя языка ЦДТП, определении основных тенденций в развитии тюркских языков и установлении генетических связей языка ЦДТП с современными тюркскими языками мы исходим из следующих положений:

1. Грамматическая форма представляет собой противоречивую сущность. В грамматических категориях с двучленным противопоставлением форм, например в категории числа, двойственность значений каждой формы связана с ее двояким отношением: к своему корреляту-антиподу (внешнее противоречие) и ко всей категории в целом, т.е. к самой себе и к корреляту (внутреннее противоречие). В грамматических категориях с многочленным противопоставлением форм, например в категории склонения, двойственность грамматической формы проявляется в ее вхождении в два ряда грамматических оппозиций. Грамматическая категория образует большой ряд, который делится на два малых ряда. Грамматическая форма противостоит, с одной стороны, ближайшим коррелятам в "своем" малом ряду, а с другой - большому ряду в целом.

2. Каждый синхронный срез языка представляет собой совокупность данных, свидетельствующих не только о фиксируемой структуре языка, но также и о предшествовавших ей состояниях.³

3. Грамматические категории не являются неизменными. Оппозиции грамматических форм и характер раздвоенности их значений изменяются в процессе развития языка.

4. Часть значений грамматической формы связана с отражаемой действительностью, конкретна, мотивирована, часть же этих значений более абстрактна, немотивирована.

5. В основе развития языка лежат внутренние противоречия, противоречивые тенденции. Так, во всех языках действует тенденция к выражению различных значений и функций различными формальными средствами и противоположная ей тенденция - к выражению одинаковых или близких значений и функций одинаковыми средствами. Эти противоположные тенденции являются важным внутренним противоречием языка, обуславливающим его постоянное изменение.

6. При сопоставлении различных тюркских языков необходимо учитывать их наиболее существенные отличительные особенности в

³ И в а н о в С.Н. О сохранении в строе языка его прежних состояний. - СТ, 1973. № 6, с.9-16.

совокупности. При установлении генетических связей между тюркскими языками следует принимать во внимание только те общие черты, которые сближают сопоставляемые языки и в то же время отличают их от других тюркских языков.

В зависимости от используемой письменности ПДТН можно разделить на рунические, уйгурские и манихейские.⁴

Рунические памятники представлены прежде всего шестью большими надписями на стелах: памятник Кюль-Тегину (732 г.), памятник Бильге-кагану (735 г.), памятник в честь Тоньжука (предположительно между 712 и 716 гг.), Онгинский памятник (предположительно 731 г.), памятник Кули-чуру (предположительно 721 г.), памятник Мохн-чуру (предположительно 759 г.). Эти надписи находятся в Северной Монголии и получили название орхонских по названию долины Орхон, где были обнаружены памятники Кюль-Тегину и Бильге-кагану. Рунические памятники были также найдены в верховьях Енисея и Тувинской АССР (енисейские памятники). В большинстве случаев они датируются IX-X вв. Отдельные рунические надписи встречаются на Алтае, в Киргизии и Фергане. В Дуньхуане и Миране (Северо-Западный Китай) были найдены рукописные фрагменты, представляющие собой собрание примет и предсказаний (Ырк битиг - Гадательная книга), и фрагменты религиозного содержания. Ориентировочно они датируются IX в. Ценность рунических памятников заключается в том, что это древнейшие оригинальные тексты. Однако они относительно ограничены по объему и содержанию, в них много шаблонных выражений. Эти памятники дают много ценных сведений о фонетике и значительно меньше для исследования грамматического строя, особенно значимых грамматических форм.

Древнеуйгурские памятники - в основном переводы. Самый крупный из них - Сутра Золотого блеска (Алтун Яарук), переведенная с китайского языка предположительно в X в., что подтверждается фонетическим обликом китайских заимствований. Количество древнеуйгурских памятников очень велико. Они обнаружены в Турфане и других районах Северо-Западного Китая, относятся к X-XIII вв.

⁴ Генишев Э.Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. - СТ, 1976, № 1, с.27-33.

Манихейские памятники обнаружены в Северо-Западном Китае, в основном в Турфане. Наиболее значительный из них — Хуастуанит (покаянная молитва манихейцев), предположительно относящаяся к VII в. Остальные манихейские памятники представлены фрагментами.

Уйгурские и манихейские памятники являются главным образом переводами, датировать их довольно трудно, но они имеют большую ценность, потому что объем их значительно больше, чем объем рунических памятников, а содержание представляет собой философские рассуждения, которые дают богатый материал для исследования грамматических форм и синтаксиса.

Памятники древнетюркской письменности VIII—XI вв. имеют определенные различия. Ряд тюркологов пытался дать классификацию памятников. Так, В. Радлов выделял три группы:⁵ северную (рунические надписи), южную (уйгурские тексты) и смешанную (манихейские тексты, включая и тексты манихейского содержания уйгурским письмом). Особенности северной группы он находил в следующем: в анлауте — только глухие согласные (кроме ǰ), начальный ǰ сохраняется в словах, оканчивающихся на н и ң (оэн 'я'), аффикс местно-исходного падежа — да, аффикс родительного падежа после согласного начинается с гласного (—нн), аффикс 2-го л. ед.ч. прошедшего категорического времени — дн. Особенности южной группы: ǰ может переходить в м в основах, оканчивающихся на н и ң, аффикс родительного падежа после согласного начинается с н (—нн), аффикс 2-го л. ед.ч. прошедшего категорического времени — дн. Смешанный диалект (к нему относятся и Сутра Золотого блеска) включает особенности обеих групп. В. Радлов исходит из графики и из морфологических и фонетических особенностей памятников. Однако эта классификация не вполне удовлетворительна. В памятнике Киль-Тегину ǰ переходит в м в основах, оканчивающихся на н (мэн 'я'), в памятниках Тонькуку и Моичуру используется аффикс исходного падежа — дан, аффикс 2-го л. ед.ч. прошедшего категорического времени имеет форму — дн. Все эти памятники, по классификации В. Радлова, относятся к северной группе, между тем указанные особенности характерны для южной группы памятников.

⁵ В а д л о в В. Alttürkische Studien. IV. v. Известия АН УИ сер. Спб, 1911, № 5, с. 305—326; № 6, с. 427—452.

А.Габен⁶ делит древнетюркские памятники на три группы в зависимости от первого согласного в слове аныг 'плохой'. В рунических памятниках оно имеет форму аныг (по терминологии А.Габен "н-диалект"), в части манихейских памятников и рукописях руническим письмом - аыг (по терминологии А.Габен "н-диалект"), в большинстве уйгурских и позднеманихейских памятников - аыг (по терминологии А.Габен "й-диалект"). А.Габен берет за основу язык третьей группы памятников, отмечая те особенности, которые отличают от него язык первой и второй групп. Особенности первой группы памятников: согласный б отсутствует, ему соответствует о (суб 'вода'), начальный б сохраняется в словах, оканчивающихся на н и ң, аффикс родительного падежа после согласного начинается с гласного (-нң), аффикс исходного падежа -дан отсутствует, аффикс мн.ч. -лар используется редко, множественность может выражаться словами эл-ку, сайу, копан или аффиксом -гун, 2-е л. прошедшего категорического времени образуется с помощью аффиксов -дыг (ед.ч.) и -дыгыз (мн.ч.), аффикс принадлежности 2-го л.ед.ч. иногда имеет форму -г, аффикс принадлежности 2-го л.мн.ч. - форму -гыз (в третьей группе памятников употребляются аффиксы прошедшего категорического времени и аффиксы принадлежности 2-го л. с согласным ң), повелительное наклонение в 3-м л. имеет аффикс -сун (в третьей группе памятников -зун), долженствование выражается формой -сын (в третьей группе памятников -гулук), деепричастие -пан употребляется так же часто, как и деепричастие -ң (в третьей группе памятников преобладает деепричастие -ң), встречается глагольная форма -чы, предположение выражается словом эринч (в третьей группе памятников - словом эрки).

Классификация А.Габен, как и классификация В.Радлова, не вполне четко выделяет основные особенности языка различных групп памятников. А.Габен считает, что в рунических памятниках согласный б в конце слога еще не перешел в в. Однако вполне возможно, что уже в этих памятниках согласный б в конце слога произносился не как смычный согласный, а как губно-губной целевой

⁶ G a b e n A. Altürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974, S. 3-8.

согласный [w], будучи позиционным вариантом q. Согласный q в некоторых рунических текстах может переходить в m в основах, оканчивающихся на n и h. Это явление наблюдается в памятниках Кюль-Тегину и Бильге-кагану. Слова алку, сайу, коп выражают множественность и в уйгурских текстах. Аффикс исходного падежа используется в памятнике Тонъюкуку. 2-е л. прошедшего категорического времени имеет аффикс, оканчивающийся на n в ед. ч. в этом же памятнике, долженствование выражается формой -тудук, деепричастие -пап не встречается. Аналогичные особенности мы находим и в памятнике Мовн-чуру. Не одинаковы в языковом отношении и енисейские памятники.

В связи с проблемой классификации различных групп памятников древнетюркской письменности необходимо остановиться на соотношении языка рунических и древнеуйгурских памятников (манихейские памятники сочетают особенности языка обеих групп). Как показывает изучение грамматического строя языка рунических и древнеуйгурских памятников, обе группы памятников имеют общие особенности, которые отличают их от большинства современных тюркских языков. Эти особенности следующие: винительный падеж образуется с помощью аффикса -r, отсутствующего в современных тюркских языках. Используются формы дательного-направительного падежа (аффикс -гару) и инструментального падежа (аффикс -н). Аффикс -да может передавать аблативные значения. В двузначных числительных единицы предшествуют десяткам (бир олуз 'двадцать один'). Порядковые числительные, кроме числительных илик 'первый' и экинчи 'второй', образуются с помощью аффикса -нч (без конечного узкого гласного). Аффиксы дательного и местного падежей присоединяются к форме родительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го л.мн.ч. (бизиниз, сизиниз). Помимо аффиксов, образующих глаголы от имен, которые мы находим в современных тюркских языках, используются аффиксы -ад, -сыра (с привативным значением). Форма понудительного залога образуется посредством аффиксов -тыз и -уз (наряду с аффиксами -тур и -р). Формы возможности и невозможности образуются с помощью сочетания деепричастия -а ~ -у со вспомогательным глаголом у - 'мочь'

⁷ Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1969, с.118-119.

в положительном (аспект возможности) и отрицательном (аспект невозможности) аспектах. Личные формы времен (кроме прошедшего категорического времени -ды) образуются аналитически: основы временных форм сочетаются с личными местоимениями, сохраняющими свой звуковой состав неизменным независимо от состава гласных основы. Во 2-м л.ед.ч. повелительного наклонения к основе глагола может присоединяться аффикс -гыл, усиливающий значение повелительного наклонения. Аффикс 3-го л. повелительного наклонения (-сун ~ -зун) всегда имеет губной гласный. Используются формы -дачи и -гулук (выражают будущее время с оттенками долженствования и возможности), а также деепричастие -пан (имеет те же значения, что и деепричастие -п) и деепричастия -маты, -матын (соответствуют деепричастиям -п, -пан в отрицательном аспекте). Условие выражается формой, образуемой с помощью аффикса -сар. Различия в грамматическом строе между руническими и древнеуйгурскими памятниками очень незначительны. В древнеуйгурских памятниках аффикс родительного падежа имеет форму -нын не только после основ на гласный, но и после основ на согласный. Встречается аффикс винительного падежа -ны, однако чаще используется аффикс -г. Наряду с аффиксом локатива-аблатива -да широко используется аффикс собственно исходного падежа -дан / -днн. Следует при этом отметить, что форма исходного падежа встречается и в рунических памятниках (памятник Тоньюкуку). Форма -мын употребляется шире, чем в рунических памятниках. Она может выступать не только в функции развернутого определения, но и в функции других развернутых членов предложения, принимая падежные аффиксы. В рунических памятниках в этой функции используется форма -дук.

Таким образом, рунические и древнеуйгурские памятники имеют определенные различия, однако они незначительны. В то же время обе группы памятников имеют много общих особенностей, отличающих их от современных тюркских языков. Тесная связь между языком рунических памятников и языком древнеуйгурских памятников, традиционно называемым древнеуйгурским, не подлежит сомнению. В.М.Насилов пишет: "Этногенетическая общность и длительное историческое соседство связывает язык древних уйгуров

о языке орхонских тюрков".⁸ Именно на основе тюркского рунического койне сложился древнеуйгурский язык.⁹ Язык рунических текстов выступал как язык-эталон, который постепенно изменялся под действием уйгурских племенных диалектов.¹⁰ В целом основные черты грамматического строя языка рунических памятников сохраняются в древнеуйгурском языке. На близость языка рунических и древнеуйгурских памятников указывал и А.Н.Самойлович. Он писал: "Памятники енисейско-орхонской и уйгурской письменностей не дают, по-моему, достаточных доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я поэтому не склонен резко разграничивать эти языки; хотя, конечно, не смогу отрицать за каждым из них некоторых особенностей".¹¹ Памятники манихейской письменности сочетают особенности языка рунических и древнеуйгурских памятников. Поэтому при исследовании грамматического строя всех трех групп памятников их следует рассматривать в совокупности, учитывая в то же время определенные различия, которые существуют между ними.

Исследованию грамматического строя языка ЦДП посвящен ряд работ (подробный обзор этих работ дается в монографиях Т.Текина, Г.Айдарова, А.Н.Кононова и статьях А.Н.Кононова и Д.М.Насилова).¹² В основном они посвящены особенностям языка орхонских памятников. Особенности древнеуйгурских и манихейских па-

⁸ Н а с и л о в В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963, с.12.

⁹ Т е н и ш е в Э.Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. - СТ, 1976, № 1, с.30-31.

¹⁰ Т у г у ш е в а Д.Ю. Орхон-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие. - В кн.: Тюркологический сборник, 1974. М., 1978, с.122.

¹¹ С а м о й л о в и ч А. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. III, 1922, с.7.

¹² Т е к и н Т. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968; А й д а р о в Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности УШ в. Алма-Ата, 1971, с.7-11; К о н о н о в А.Н. 1) Грамматика языка тюркских рунических памятников УП-IX вв. Д., 1980; 2) Развитие тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов. - СТ, 1974, № 2, с.11; Н а с и л о в Д.М. Памятники древнетюркской письменности в отечественных тюркологических исследованиях последних лет. - СТ, 1976, № 1, с.82-95.

мятников рассматриваются в монографиях В.М.Насилова¹³ и А.Габен.¹⁴ Работа А.Габен, в отличие от остальных исследований по грамматике языка ПДТП, представляет собой описание фонетики и грамматики языка ПДТП в целом, т.е. языка рунических памятников и памятников уйгурской и манихейской письменности. Таким образом, тематика монографии А.Габен в известной мере совпадает с тематикой нашей работы. А.Габен подробно перечисляет формы словообразования и словоизменения, однако значения грамматических форм даны ею очень кратко, различие между морфологией и синтаксисом проводится недостаточно четко, часто одни и те же формы описаны в различных частях работы. В целом работа носит описательный характер.

О ТРАНСКРИПЦИИ И СОКРАЩЕНИЯХ

Примеры даются в русской транскрипции. В сочетании с гласными заднего ряда г обозначает заднеязычный г, к - заднеязычный к, д в сочетании с гласными переднего ряда обозначает мягкий д, сочетание нь - назализованный й. Аффиксы приводятся в вариантах с негубным гласным заднего ряда и с начальным звонким согласным, если аффикс начинается с согласного и имеет варианты с глухим и звонким согласным. Например, аффикс прошедшего категорического времени -ды имеет формы с начальным звонким согласным после гласных и звонких согласных и с глухим начальным согласным после глухих согласных, с негубным гласным заднего ряда после негубных гласных заднего ряда, с негубным гласным переднего ряда после негубных гласных переднего ряда, с губным гласным заднего ряда после губных гласных заднего ряда и с губным гласным переднего ряда после губных гласных переднего ряда: -ды / -ты / -ди / -ти / -ду / -ту / -дү / -тү. В работе дается вариант -ды. Аффиксы, состоящие из одного согласного и начинающиеся с двух согласных, непосредственно присоединяются к гласным основам. Если основа оканчивается на согласный,

¹³ Н а с и л о в В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.

¹⁴ G a b e n A. Altürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974.

перед аффиксом появляется соединительный гласный, как правило, узкий и подчиняющийся палатальной и губной гармонии гласных. Указанные аффиксы приводятся в вариантах, употребляемых после гласных основ. Например, аффикс винительного падежа -г после гласных имеет форму -г, после согласных - форму с соединительным гласным, подчиняющимся действию палатальной и губной гармонии гласных. Таким образом, аффикс винительного падежа имеет формы -г/ -иг/ -иг/ -уг/ -уг. В работе приводится вариант -г.

В работе использованы следующие сокращения:

Издания памятников, монографии, статьи, словари

- А. - Агазаде Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке. Баку, 1967.
- БК - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959, с.11-25 (памятник Бильге-кагану).
- БК - надпись на лицевой стороне грани, БК Ха, БК Хь, БК Хс - надписи на боковых гранях памятника. - Цифры обозначают номера строк соответствующей части памятника.
- Г. - Галжиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- ДТС - Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Е - Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Кб - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.21-33 (памятник в честь Коль-Тегина, большая надпись). - Цифры обозначают номера строк.
- Км - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.10, 27, 28 (памятник в честь Коль-Тегина, малая надпись). - Цифры обозначают номера строк.
- КП - Pelliot P. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyanankara et Paramkara. T'oung Pao, v. XV. Leide, 1914, p.225-272. - Первая цифра обозначает номер страницы списка, вторая цифра - номер строки на странице списка.
- Куан - R a c l o f f W. Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe

des Saddharmapundarika. St.-Petersburg, 1911. -

Цифры обозначают номера строк.

- КЧ - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959, с.25-30 (памятник Кули-чүрү). - Цифры обозначают номера строк.
- Ман - L e C o q A. Türkische Manichaica aus Chotscho. - ARAW., phil.-hist. Klasse. Berlin, 1911(I), 1919(II), 1922(III). - Первая арабская цифра обозначает номер страницы издания, вторая арабская цифра - номер строки на странице.
- МЧ - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959, с.30-43 (памятник Мокун-чүрү). - Цифры обозначают номера строк.
- О - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959, с.7-II (Онгинский памятник). О - надпись на лицевой грани, Оа - надпись на боковой грани; цифры обозначают номера строк соответствующей части памятника.
- Рах.I - R a c h m a t i G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW, 1930. - Арабские цифры обозначают номера строк.
- Рах.II - R a c h m a t i G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. IL SPAW, 1932. - Первая арабская цифра обозначает номер фрагмента, вторая арабская цифра - номер строки фрагмента.
- С - B a n g W. und G a b a i n A.von. Uigurische Studien. I. Das Sündenbekenntnis aus dem Suvarnaprabhasa. Uigurische Jahrbücher. Berlin - Leipzig. Bd X, Heft 3, 1930, S. 193-207. - Первая цифра обозначает номер страницы, вторая цифра - номер строки по всему памятнику.
- СА - B a n g W. und G a b a i n A.von. Uigurische Studien. Anhang. Uigurische Jahrbücher. Bd X, Heft 3, 1930, S. 208-210. - Цифры обозначают номера строк.
- СЗВ - S u v a n p r a b h a s a - (Сутра Золотого блеска). - Bibliotheca Buddhica, ХVII, СПб.; Пгр., 1913-1917, Л., 1930. - Первая цифра обозначает номер страницы издания, вторая цифра - номер строки на странице.
- Су - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.76-77 (Суджинская надпись). - Цифры обозначают номера строк.

- T - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.56-70 (Памятник в честь Тонькука). - Цифры обозначают номера отрок.
- ТБ - Thompson V. Ein Blatt in türkischer "Runen"-schrift aus Turfan. SPAW, 1910, S.296-306. - Цифры обозначают номера отрок.
- ТС II - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.80-92 (Гадательная книга).
- ТТ - Bang W. und Gabain A. von. Türkische Turfan-Texte, I - SPAW, XV, Berlin, 1929; II - SPAW, XXII, 1929; III - SPAW, XIII, 1930; IV - SPAW, XXIV, 1930; V - SPAW, XIV, 1931; Bang W., Gabain A. von und Rachmatti G.R. Türkische Turfan - Texte; VI - SPAW, X, Berlin, 1934; VII - Rachmatti G.R. Türkische Turfan - Texte, APAW, N 12, Berlin, 1936; VIII - Gabain A. von. Türkische Turfan - Texte, ADAW, 1952, N 7; IX - Gabain A. von und Winter W. Türkische Turfan - Texte, ADAW, 1956, N2; X - Gabain A. von. Türkische Turfan - Texte, ADAW, 1958, N 1.
- В изданиях I, III, VI, IX, X арабская цифра указывает на номер отроки по всему изданию. В изданиях II, IV, V, VII третья буква указывает на фрагмент, арабская цифра - на номер отроки по каждому фрагменту, в издании VII первая арабская цифра обозначает номер фрагмента, вторая арабская цифра - номер строки по каждому фрагменту.
- У. - Убрятова В.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950.
- Угг. - Müller F.W.K. Uigurica, I - APAW, phil.-hist. Klasse, Abh. II, Berlin, 1908; II - APAW, Abh. III, 1910; III - APAW, N 2, 1922; IV - SPAW, XXIV, 1931. - В изданиях I, II, III первая арабская цифра обозначает номер страницы, вторая арабская цифра - номер строки на странице. В издании IV буквы А, В, С, Д указывают на соответствующие тексты по изданию, арабские цифры - номера строк по каждому тексту.
- УСп - Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928. - Первая цифра обозначает номер памятника, вторая цифра - номер отроки в памятнике.

Хуаст. - Дмитриева Л.В. Хуастуанифт. - В кн.: Туркологические исследования. М.; Л., 1963, с.214-232. - Цифры обозначают номера строк по сводному тексту.

Хуен - G a b a i n A. von. 1) Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsang. SPAW, 1935, S.151-180; 2) Briefe der uigurischen Hüen-tsang Biographie. SPAW, 1938, S. 371-415. - Цифры обозначают номера строк.

ЯРС - Якутско-русский словарь. М., 1972.

ЯС - Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. М., 1938.

Периодические издания и сборники

ВЯ - Вопросы языкознания.

ЗВОРАО - Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб, 6. г.

ИСТЯ - Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., ч.I, 1955; ч.II, 1956; ч.III, 1961.

СТ - Советская тюркология. Баку.

ADAW - Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Berlin.

APAW - Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.

JSPOM - Journal de la société Finno-Ougrienne. Helsingfors - Helsinki.

SPAW - Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.

Названия языков

азерб. - азербайджанский

алт. - алтайский

башк. - башкирский

монг. - монгольский

рус. - русский

скр. - санскрит

тат. - татарский

тув. - тувинский

тур. - турецкий

туркм. - туркменский

узб. - узбекский

уйг. - уйгурский

хак. - хакасский

чув. - чувашский

якут. - якутский

Прочие сокращения

Алд	– автореферат докторской диссертации
Акд	– автореферат кандидатской диссертации
афф.	– аффико
дат. – напр.	– дательно-направительный
инстр.	– инструментальный
исх.	– исходный
местно-исх.	– местно-исходный

ФОНОЛОГИЯ

ГЛАСНЫЕ

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В рунической письменности графически различаются следующие группы гласных: а/э, ы/и, о/у, ö/ү. Рядность негубных гласных и различие между узкими и широкими губными гласными на письме не отражаются. На рядность негубных гласных указывают знаки для некоторых согласных: один согласный передается двумя различными знаками, в зависимости от того, с гласным какого ряда он сочетается. В уйгурской письменности и манихейской письменности графически различаются гласные а, э и группы гласных ы/и, о/у, ö/ү. Не передается рядность узких негубных гласных и различие между узкими и широкими губными гласными, а также иногда рядность широких негубных и всех губных гласных. На рядность гласных в уйгурской письменности и манихейской письменности указывают знаки для согласных к и ғ: согласные к и ғ употребляются только с гласными заднего ряда.

С учетом данных современных тюркских языков система гласных фонем языка ПДТП может быть реконструирована следующим образом:

Гласные заднего ряда		Гласные переднего ряда	
негубные	губные	негубные	губные
широкие а	о	э	ö
узкие и	у	и	ү

Можно предположить, что в языке ПДТП существовали долгие гласные. В древнеуйгурских памятниках часто встречается удвоенное написание гласных, в отдельных случаях это наблюдается и в манихейских памятниках.¹

Редукция гласных в языке ПДТП имеет случайный характер. Редукции подвергаются узкие гласные во втором и последующих слогах: огрынта < огурынта 'при случае', оглы < огулы 'его сын', иштил- < иштил- 'быть услышанным'. Однако наряду с формами огрынта, оглынта, иштил- используются и формы огурынта, огулынта, иштил-.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Палатальная гармония гласных в языке ПДТП действует регулярно; после гласных заднего или переднего ряда следуют гласные того же ряда: барып 'пойдя', илмяз 'не посылает', бэртимиа 'мы дали', иди 'господин', йазукумузта 'от наших грехов', болмак 'существование', күчлүг 'сильный', эдгүлүк 'добро', этүз-теки 'находящийся в теле'.

При губной гармонии гласных узкие негубные гласные во втором и последующих слогах переходят в узкие губные гласные, если в предшествующем слоге есть губной гласный. В рунической письменности узкие гласные обозначаются только в первом слоге и в аудлауте. Поэтому очень часто трудно сказать, происходила лабиализация или нет. В древнеуйгурских памятниках узкие гласные обычно обозначаются во всех позициях, что дает возможность точно определить, какой характер имело действие губной гармонии гласных. Данные древнеуйгурских памятников показывают, что губная гармония гласных проявляется менее регулярно, чем палатальная. Близость языка древнеуйгурских и рунических памятников позволяет предположить, что действие губной гармонии гласных имело одинаковый характер в обеих группах памятников. Узкий негубной соединительный гласный лабиализуется перед словообразовательными аффиксами (-г, -м, -ш, -нч образуют имена от гла

¹ Ш е р б а к А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 53-54; Р я с я н е в М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 43, 50.

голов; -рка - глаголы от имен, -гса, -л, -н, -к, -ш, -з - глаголы от глаголов), перед словоизменительными (-т - аффикс вин. пад., -н - аффикс род. пад., -н - аффикс инструмент. пад., лабиализация этого аффикса имеет спорадический характер, -м - аффикс принадлежности 1-го л. ед. ч., -н - аффикс принадлежности 2-го л. ед. ч., -мнз - аффикс принадлежности 1-го л. мн. ч., -ннз - аффикс принадлежности 2-го л. мн. ч., -нч - аффикс порядковых числительных, -н - аффикс 2-го л. мн. ч. повелит. наклонения, -п, -пан - аффиксы деепричастий). Узкий гласный также лабиализуется в словообразовательных аффиксах (-лты, -лнык, -сныз, -тын образуют имена от имен) и аффиксе -ды прошедшего категорического времени, в сочетании с личными показателями. Если после губного гласного основы следуют два согласных, то в отдельных случаях это препятствует лабиализации: бэлгүртип 'заставляя появиться' (ТТ 7, А II 6).²

При исследовании действия губной гармонии гласных выявляется следующая закономерность: лабиализация происходит обычно в закрытом слоге. Аналогичное явление наблюдается и в современном уйгурском языке. В открытом слоге, особенно конечном, лабиализации не происходит. С нашей точки зрения, это объясняется более четким произношением гласного в данной позиции, что и препятствует уподоблению гласного предшествующим гласным.

Отсутствие последовательной губной гармонии гласных в древнейших рунических памятниках, где узкий гласный в ауслaute никогда не лабиализуется (болты, ölti), свидетельствует о том, что уже в древнейший известный нам период существования тюркских языков губная гармония гласных представляла собой нерегулярное явление.

² G a b a i n A. von. Altürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974, S. 48.

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В рунической письменности различаются согласные п, б, м, т, д, в, с, н, нь, ч, к, к', г, н, р, л, й, ш. Для согласных б, ч, д, с, н, р, л, й руническая письменность использует различные знаки в зависимости от того, с какими гласными - заднего или переднего ряда - они сочетаются. В манихейской письменности различаются согласные п, б, м, т, д, з, с, н, ч, к, к', г, н, р, л, й, ш, в, х, ж. В уйгурской письменности характер передачи согласных близок манихейской письменности, однако фонемы п, б и часто к, г не различаются по глухости - звонкости. В рунической письменности для в нет особого знака в словах, где в современных турецких языках используется в, ему соответствует б. В манихейской письменности для в используется модификация знака, обозначающего б, в уйгурской письменности в обозначается тем же знаком, что губной гласный заднего ряда. Можно предположить, что графика памятников отражает превращение фонетического варианта фонемы б (видимо, уже в языке рунических памятников в конечной позиции б в ряде слов произносился как губно-губной согласный в, например в слове суб 'вода') в самостоятельную фонему в. Согласный ш передается в памятниках крайне непоследовательно. В памятниках Каль-Тегину и Бильге-кагану он обозначается особым знаком, в памятнике Тонькуку - знаком для согласного с, употребляемым в сочетании с гласными переднего ряда. В памятнике Можи-чуру используется один знак для с и ш. В древнеуйгурских памятниках графическая разница между знаками для с и ш очень невелика, часто с и ш передаются одним знаком.³ (Когда мы говорим о согласном ш, мы имеем в виду те слова, где в современных турецких языках в той же позиции употребляется ш.)

На основании данных графики ПДТП и материала современных турецких языков систему согласных фонем в языке ПДТП можно

³ Ibid., s.55.

представить следующим образом: п, б, т, д, к, к, р, г, с, з, ш, й, ч, м, н, ң, л, р. Эти фонемы существовали во всех памятниках. В языке рунической письменности была фонема нь, которой в других группах памятников – уйгурских и манихейских – соответствует й или ң. В языке манихейской и уйгурской письменности существовала особая фонема в. В рунических памятниках ей соответствовала фонема б. В манихейской и уйгурской письменности есть особые знаки для х и ж. Фонема ж встречается только в заимствованиях, х представляет собой вариант фонемы к; ⁴ вм. ж часто используется в, вм. х – к: акун (ТТ УП. 52, 137) и азун (Уйг. II, 29, 10) 'земная жизнь', бурхан (СЗБ 121, 6) и буркан (ТТ У1, 02) 'буdda'.

О ГЛУХОСТИ И ЗВОНКОСТИ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В рунических и манихейских памятниках глухие и звонкие смычные согласные графически различаются. В уйгурской письменности они часто не различаются. Специфической особенностью языка памятников рунической письменности является то, что согласные п, т, к и соответствующие им звонкие согласные б, д, г в ряде случаев встречаются в сочетаниях, необычных для современных тюркских языков. В рунических памятниках после сонантов, гласных и звонких согласных аффиксы начинаются с глухих согласных т и к, а после глухих согласных – со звонкого д: кылым 'я сделал' (Км 10), калуртум 'я привел' (Км 11), каганта 'от кагана' (Км 11), йертэ 'на земле' (Км 13), бодунка 'народу' (Кб 7), бадизтим 'я вырезал' (Км 11), капырка 'к воротам' (Кб 8), таңрикэ 'небу' (ТС II, 31), сүкс 'войску' (ТС II, 50), өгүзкэ 'реке' (Т 18), йашда 'в возрасте' (Кб 30), сунүшдүмүз 'мы сразились' (Т 16), ичикди 'подчинился' (Т 2).

Следует отметить, что и в памятниках рунической письменности часто наблюдается ассимиляция по глухости – звонкости: сабымда 'в моих словах' (Км 10), булундакы 'находящийся в углу' (Кб 2), яң йардакы 'в какой-либо земле' (Т 56), бардымиз 'мы пошли' (Т 26), буздумуз 'мы разгромили' (Кб 31), огузданта

⁴ Н а с и л о в В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963, с.8.

'от отгузов' (Т 8). Явление ассимиляции по глухости - звонкости особенно широко распространено в рунических памятниках из района Енисея: ⁵ адырьлым 'я отделился' (Е 6, 4), кылдым 'я оделал' (Е 6, 2), эрдым 'я был' (Е 6, 2).

С нашей точки зрения, написание глухих и звонких согласных в сочетаниях типа звонкий + глухой и глухой + звонкий отражало реальное произношение. Во-первых, нет никаких оснований для написания глухих смычных после сонорных вместо звонких или же звонких после глухих. Если бы эта особенность была лишь орфографическим приемом, то во всех случаях последовательно писали бы либо глухой (к, т), либо звонкий (г, д). Во-вторых, данные современных тюркских языков показывают, что сочетание глухих и звонких могло иметь место и в языке ЦДТТ.

Смычные согласные в языке памятников рунической письменности исследованы Э.Р.Тенишевым.⁶ Основываясь на том, что глухие ц, т, к встречаются там, где они не должны быть по нормам современных тюркских языков (в интервокальной позиции, после сонантов, звонких смычных и звонкого щелевого), а глухие щелевые аффрикаты могут сочетаться со звонкими смычными ц, д, г, он приходит к выводу, что в языке памятников существовала система смычных, аналогичная саларской и сарыг-югурской. В саларском и сарыг-югурском языках смычные согласные различаются как глухие слабые и глухие сильные (с аспирацией). По мнению ученого, эта система развилась в результате существования в древности тюрко-китайского двуязычия. Оно было сильнее развито там, где было значительно влияние китайского языка, - в Монголии. Поэтому в енисейских памятниках сочетаний сонантов со звонкими смычными согласными больше, чем в орхонских. В енисейских памятниках встречаются сочетания мг, нг, бд, не свойственные орхонским надписям. Э.Р.Тенишев полагает, что система фонем сарыг-югурского языка находит себе полную аналогию и в языке памятников уйгурской письменности. Эти языки имели сходную фонетическую

⁵ Б а т м а н о в И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с.40.

⁶ Т е н и ш е в Э.Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. - СТ, 1973, № 2, с.40-45.

фонологическую структуру и подвергались сильному влиянию китайского языка.

Следует согласиться с тем положением Э.Р.Тенишева, что в языке ЦТТ глухие смычные согласные противопоставлялись полувзвонким. В то же время необходимо подчеркнуть, что существование системы полувзвонких смычных согласных в языке памятников нельзя объяснить влиянием китайского языка. Полувзвонкие согласные существуют в ряде современных тюркских языков. Так, в чувашском языке смычные согласные произносятся с незначительным напряжением голосовых связок.⁸ В тувинском языке глухие согласные ц и т произносятся в начале слова в одних словах с придыханием (сильные), в других – без придыхания (слабые) и с некоторой, еле заметной звонкостью, начинающейся лишь в конце смычки и далеко не доходящей до той нормы, которой она достигает в произношении обычных звонких согласных, употребляемых в тувинском языке в интервокальном положении.⁹ В туркменском языке после глухих согласных могут следовать полувзвонкие смычные согласные.¹⁰ Таким образом, полувзвонкий характер смычных согласных, противопоставление глухих смычных согласных полувзвонким, а не полновзвонким согласным присущи ряду тюркских языков. Объяснить это влиянием китайского языка невозможно, например для чувашского языка. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что полувзвонкие смычные согласные являлись специфической чертой значительной части тюркских языков в период создания рунической письменности и в последующий период, когда стала широко использоваться уйгурская письменность. Усиление звонкости смычных согласных постепенно привело в большинстве тюркских языков к четкому противопоставлению полновзвонких и глухих согласных. Однако в некоторых языках сохранились следы более древнего состояния тюркского консонантизма, например в чувашском, тувинском, сарыг-ягурском.

⁷ Тенишев Э.Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. – В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков, т.3. Баку, 1963, с.124-135.

⁸ Дмитриев Н.К. Глухие и звонкие согласные в середине слова. – ИСГЯ, I, с.277.

⁹ Пальмбах А.А., Иоханов Ф.Г. Придыхательные и непридыхательные смычные согласные в тувинском языке. – ИСГЯ, I, с.234.

¹⁰ Ряснянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с.192.

МОРФОЛОГИЯ

ЧАСТИ РЕЧИ

С учетом семантических, морфологических и синтаксических признаков в языке ПДТП можно выделить те же части речи, что и в современных тюркских языках: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение (указанные части речи образуют группу имен), глагол, наречие, послелог, союз, частица. Одно и то же слово может в некоторых случаях входить в разные части речи. Слово входит одновременно в разные части речи в том случае, если оно, сохраняя целостность с лексико-семантической точки зрения, входит в разные функциональные ряды, характеризующие разные части речи. Так, слова типа *önce* 'до', 'прежде' входят и в класс наречий, и в класс послелогов-частиц, основы послелогов-имен входят и в класс существительных.

I Подробнее о проблеме частей речи в тюркских языках см. Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962; Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, с.69-70; Щербак А.М. О лингвистической природе частей речи. - В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968, с.229-233; Баскаков А.Н. Двойственная природа слова и проблема частей речи. - Там же, с.234-239; Кормушин И.В. О природе частей речи. Там же, с.250-253; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л., 1977, с.22-26; Нигматов Х.Г. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI-XII вв. - Азд. Баку, 1978, с.7-12; Гувезов В.Г. Староосманский язык. М., 1979, с.39.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имена существительные в языке ПДТН образуются от имен с помощью аффиксов -чи, -лик~-лук, -гу, -даш, -как~-ак, -сук. Аффиксы -гу, -даш, -как~-ак, -сук малопродуктивны и используются редко.

-чи образует имена существительные, обозначающие лиц, имеющих отношение к тому, что выражено исходной основой, деятельность которых связана со значением исходной основы: аңчи 'охотник', кәйикчи 'охотник на дичь', балыкчы 'рыбак', сабчы 'вестник', тамгачы 'хранитель печати', элчи 'правитель', йерчи 'проводник', тәһричи 'священнослужитель', эбчи 'жена' (тот, кто занимается домашним хозяйством), номчы 'религиозный наставник', сатигчы 'купец', таригчы 'земледелец', тапыгчы 'слуга', блүтчи 'убийца', блүмчи 'смертник', (человек, обреченный на смерть), йоңакчы 'клеветник'.

-лик~-лук образует имена существительные со значением места, где находятся предметы, обозначаемые исходной основой, и имена существительные с абстрактным значением от имен прилагательных: ағылык 'сокровищница', йәмишлик 'сад', чәчәклик 'цветник', кыйынлык 'место для истязаний', 'тюрма', казлук 'место, где много гусей' (название озера), әдгүлук 'добро'.

-гу образует имена существительные с абстрактным значением от имен прилагательных: инчкү 'покой', эсәңү 'адоренье' (<эсәң + -гү).

-даш образует имена существительные, обозначающие названия лиц со значением соучастия: кадаш 'родственник'.

-как~-ак (<-как)² образует имена существительные с уменьшительным значением: эркәк 'мужчина' (исторически это слово имело уменьшительное значение).

-сук образует имена существительные с конкретным значением от имен существительных: бағарсук 'внутренности' (бағыр 'печень').

² Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.128-129.

В языке ЦДТІ имя может часто передавать адъективные и субстантивные значения: алп 'трудный', 'трудность', ынч 'спокойный', 'покой', ач 'голодный', 'голод', йаш 'зеленый', 'зелень'. С нашей точки зрения, в данном случае нельзя говорить о субстантивации прилагательных. Г.Д.Санжеев отмечает, что в тюркских языках неправомерно подводить под понятие субстантивации все случаи неатрибутивного употребления имен прилагательных. Возможность использования в тюркских языках в субстантивной функции ряда имен, которым свойственно и атрибутивное и субстантивное употребление, не дает основания для того, чтобы говорить об их субстантивации. Подобное субстантивное употребление имен прилагательных качественных представляет собой основное свойство этой лексико-грамматической категории, а потому не может быть определено как субстантивация.³ Под субстантивацией мы понимаем только "переход в существительные самих названий признаков",⁴ когда имена со значением признака начинают употребляться "вместо имен существительных", при этом их значение суживается, и они обозначают уже не признак, а предмет, обладающий этим признаком. Следовательно, субстантивацией прилагательного следует считать только тот случай, когда прилагательное употребляется вместо своего возможного определяемого.

В современных тюркских языках адъективные и субстантивные значения обычно различаются формально, что связано с действием тенденции к выражению различных значений различными формами. Так, в большинстве современных тюркских языков имена существительные со значением названия качества образуются от имен прилагательных с помощью аффикса -лик в различных фонетических вариантах. Исключением является якутский язык, в котором формальная дифференциация имен с адъективным и субстантивным значением выражена слабее, чем в других тюркских языках. Многие имена в якутском языке могут передавать и адъективные и суб-

³ Санжеев Г.Д. Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка. - В кн.: Вопросы узбекского языкознания. Ташкент, 1954, с.51-52.

⁴ Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с.455.

стантинивные значения: эдэр 'молодой', 'молодость', ыраах 'далекий', 'отдаленность', үтүө 'хороший', 'добро'. Эта особенность якутского языка сближает его с языком ПДТП и в то же время отличает от остальных тюркских языков.

Таким образом, в языке ПДТП многие имена могут передавать субстантивные и адъективные значения, не изменяя своей формы. В то же время в языке ПДТП используется ряд аффиксов, образующих имена прилагательные от имен существительных, т.е. от имен с субстантивным значением. Имена прилагательные образуются от имен существительных с помощью аффиксов -дын, -дам, -ла, -л, -лыг ~ -лаг ~ -лык, -сыз, -кы. Аффиксы -дын, -дам, -л и -ла малопродуктивны и используются редко.

-дын: таштын 'наружный', оңтун 'правый', күнтүн 'южный' (аффикс -дын омонимичен аффиксу исходного падежа и связан с ним генетически).

-дам: күндэм 'солнечный', тэңридем 'божественный'.

-л: йашыл 'зеленый'.

-ла: көркөз 'красивый'.

Обычно к аффиксам, образующим прилагательные в тюркских языках, относят аффиксы -лыг ~ -лык, -сыз, -кы, использование которых имеет ряд особенностей, показывающих, что в формах, образованных с помощью этих аффиксов, наблюдается тесное переплетение словообразовательных и словоизменительных значений.⁵

Аффикс -лыг образует атрибутивные формы, обозначающие обладание тем, что выражено исходной основой. Если исходная основа представляет собой имя существительное, не обозначающее конкретный предмет, то аффикс -лыг образует качественные прилагательные: күчлүг 'сильный', атлыг 'славный', татиглиг 'сладкий'. Формы, образованные с аффиксом -лыг, могут сочетаться с аффиксом -рак, выражающим избыточность признака: Ношда татаглаграк тэңридам билгэ билит 'Божественное мудрое знание, более сладкое, чем напиток вечности' (Ман. I, 26, 18). В отличие от современных тюркских языков, где аффикс -лыг в различных фонетических вариантах образует преимущественно формы со значением

⁵ Ш е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.112.

обладания тем, что выражено исходной основой, в языке ПДП аффикс -лыг часто выступает в функции показателя относительной связи и только указывает на синтаксическую функцию осуществительного, с которым сочетается: *Өкүмөклит өрт 'огонь раскаяния'* (Уйг. Ш, 5, 1).

Аффикс -сыз образует формы, обозначающие отсутствие того, что выражено исходной основой: *Язуюсуз тынлыглар 'Безгрешные живые существа'* (ТТ IV, В прим. 14). *Бу өгсүз атүздө 'В этом безумном теле'* (Ман. I, 9, 2). *Билигсыз тэрс кылыч 'Наразумные, ложные дела'* (ТТ VI, 15).

-кү сочетается с именами и словосочетаниями, обозначающими отрезок времени или место: *Бир айкы чахшапатыт 'Месячный обет воздержания'* (Хуаст. 193). *Кышкы үч айларта 'В трех зимних месяцах'* (ТТ VII, 38, 7). *Сув ичреки тыныг 'Существа, находящиеся в воде'* (Хуаст. 95). *Төрт булуңдакы элгүси уйары 'Лучшие и самые могущественные четырех частей света'* (ТТ II, 42).

Имена прилагательные образуются от имен прилагательных с помощью аффикса -рак, выражающего избыточность признака: *бөкрөк 'высший' (букв. 'более крепкий'), татаглаграк 'более сладкий'*. Формы интенсива образуются посредством частичной редупликации: *кап кара 'совершенно черный'*.

МЕСТОИМЕНΙΑ

Личные местоимения

1-е л.		2-е л.		3-е л.	
ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
осн.п. бөн/мән	биз	сән	сиз/сизләр	ол	олар
род.п. бәниң	бизиң	сәниң	сизиң	аниң	оларниң
мәниң	бизниң		сизниң		
миниң			сизләрниң		
дат.п. баңа	бизиңә	саңа	сизиңә	аңа	оларка
маңа	бизкә		сизә		
			сизләркә		
			сизләрниңә		

1-е л.		2-е л.		3-е л.	
ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
дат. - баңару	-	-	-	аңару	-
напр.п.	-	-	-	-	-
вин.п. бичи	бизни	сини	сизни	аны	оларни
мини			сизлэрни		
мени					
местно- минтэ	бизниңтэ	сэнтэ	сизниңтэ	анта	оларта
исх.п. минтадэ	бизниңдэ	сэнтэдэ	сизниңдэ	антада	
		синтидэ	сизлэрдэ		
		сиздэ			
исх.п. -	-	-	-	антын	-
инстр.п. -	-	-	-	анын	-

В памятниках ряд надежных форм личных местоимений отсутствует. Так, в них не встречаются формы дательного-направительного падежа большинства личных местоимений, отмечена только одна форма инструментального падежа анын. Можно предположить, что в языке ПДТИ были все надежные формы, но они случайно не зафиксированы в памятниках. Форма личного местоимения 1-го л. ед.ч. с начальным б используется в памятниках Тонькуку, Морнчуру и некоторых енисейских памятниках. Исходная форма - с начальным б, б > м в результате регрессивной ассимиляции под действием н. Формы бизка, сиза, сизда употребляются в енисейских памятниках.

Аффиксы принадлежности

Аффиксы принадлежности восходят к личным местоимениям,⁶ поэтому мы рассматриваем их в разделе "Местоимения".

1-е л.		2-е л.		3-е л.	
ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
-м	-мыз	-ң	-ңыз	-и	-лары
		-г	-гыз	-си	

⁶ Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с.71; Щербаков А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.76-82.

Формы -г, -гыз употребляются в памятнике Коль-Тегину (-г < -н, -гыз < -ныз). В некоторых маньчжурских памятниках в аффиксах принадлежности вместо узкого гласного используется широкое каңмаз 'наш отец', сачымаз 'наши волосы', адашамыз 'наш друг'. Форма аффикса 3-го л.ед.ч. -ы употребляется после согласных, форма -сы — после гласных. Перед аффиксами падежей аффикс принадлежности 3-го л. имеет форму -ын, -сын, -ларын. В рунических памятниках аффикс принадлежности 3-го л. -н / -сы может обозначать принадлежность нескольким лицам: Уч көрүт киши калти сабы бир 'Пришли три лазутчика. Слова их одинаковы' (Т 33).

Аффиксы принадлежности восходят к личным местоимениям и находятся после определяемого. Б.А.Серебренников объясняет позицию аффиксов принадлежности тем, что они возникли еще в эпоху именного строя предложения в сфере глагола и только позднее были перенесены в сферу имени.⁷ С нашей точки зрения, аффиксы принадлежности возникли в сфере имени.

При формировании системы аффиксов принадлежности в тюркских языках большую роль играла необходимость выделить определение, что достигалось путем инверсии — постановкой определения, выраженного формой родительного падежа личного местоимения, после определяемого. В дальнейшем определение закрепилось в этой позиции и превратилось в аффикс. При этом происходила просто инверсия, а инверсированный повтор личного местоимения в родительном падеже в целях его уточнения и выделения. Такой процесс происходил в тунгусских языках.⁸ Тунгусские языки типологически близки к тюркским языкам.

Указательные местоимения

Указательные местоимения бу 'этот', ол 'тот'. Местоимение ол в языке ЦТТ употребляется и в качестве личного местоимения 3-го л.

⁷ С е р е б р е н н и к о в Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.: Л., 1965, с.17.

⁸ Ц и н ц и у с В.И. Соотношение аффиксов в агглютинативных языках. — Там же.

Единственное число

осн.п.	бу
род.п.	мунуң
дат.п.	муңа муңар
вин.п.	буны муны
местно-исх.п.	бунда
	мунта
	мунтада
	мунтуда
исх.п.	—

Множественное число

булар
буларниң
буларни
буларны
буларда
буларднн

Склонение указательного местоимения ол в ед. и мн.ч. см. с.28. Формы буны, бунда используются в рунических памятниках. Исходная форма — с начальным б, б > м в результате регрессивной ассимиляции под действием н. В памятниках ряд надежных форм местоимения бу отсутствует, например форма инстр.падежа. Можно предположить, что отсутствующие надежные формы существовали в языке ПДТН, но случайно не были зафиксированы в памятниках.

Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения следующие: ким 'кто', нэ 'что', канйу 'какой', каны 'где', канта 'где', канча 'куда', кантын 'откуда', кантыран 'откуда', качан 'когда', нэчэ 'сколько', кач 'сколько', нэчүк 'как', нэгү 'как', нэгүлүк 'каким образом', нэтэгин 'как': Ким сэн 'Кто ты?' (Уйг. I, 41, 5). Канча барыр мэн 'Куда я пойду?' (ТС II, 63). Нэчүк тутар биз 'Как мы удержим?' (КП 9, 3). Бодисатв тэгин качан ок өлийүк ол 'Когда же умер принц-бодисатва?' (СЗБ 635, 18).

Выделительные местоимения

Существительное өз 'сущность', 'жизнь' и прилагательное кэнтү 'собственный' приобретают значение местоимений в результате ослабления первоначального лексического значения.⁹ Кэнтү

⁹ К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.179-180; Ш е р б а к А.М. Очерки по

и öz в функции местоимений могут сочетаться с аффиксами принадлежности или использоваться без них: Özümin öyre быңа баты иди 'Он послал меня самого вперед начальником тысячи' (МЧ 6). Ман özüm каган олуртукум учун 'Так как я сам сел каганом' (БК 36). Öзләр нича билиләр 'Вы сами знайте о следующем' (Уйг. I, 25, 6). Кәнтү яңылтыг 'Ты сам совершил ошибку' (КБ 23). Слова öz и кәнтү могут сочетаться: Öз кәнтүңни бәк туттыл 'Держи себя крепко' (ТТ I, 34). Кәнтү бәүм тәңри бурканка ташыңгай мән 'Я сам буду поклоняться божественному будде' (ТТ X, 315). Слово öz в позиции определения перед существительным с аффиксом принадлежности подчеркивает принадлежность и имеет значение 'своей собственности': Öз ташыңча 'По твоей собственной воле' (ТТ I, 6).

Как показывают приведенные примеры, в языке ПДТП можно говорить не о наличии особых выделительных местоимений öz и кәнтү, но только об их прономинализации.

Неопределенные местоимения

В качестве неопределенных местоимений в языке ПДТП используются слово нәң 'вещь', 'предмет' и различные вопросительные местоимения. Слово нәң и вопросительное местоимение ким 'кто' могут удваиваться: ким ким 'кто-либо', нәң нәң 'что-либо'. В сочетании с отрицательным аспектом глагола неопределенные местоимения выступают в функции отрицательных местоимений: Нәң бә маз 'Он ничего не находит' (ТТ VI, 14).

Определительные местоимения

Определительные местоимения следующие: бары, барча, каму ~ камаг 'все', 'все', 'весь'. Биз барча аныг өгүнчүлүгин эру биз 'Мы все чрезвычайно обрадованы' (Ман. III, 33, 4). Карлу тириги бары тургшике кэлти 'Карлуки, сколько их еще было в живых, пришли к торговцам' (МЧ 40). Камаг адатын өзгай сән 'Ты освободился от всех опасностей' (ТТ I, 181). Камуг ташларның кә тү кәнтү эрдәми бәлгүси бар 'У всех камней есть свои особенные достоинства и признаки' (ТБ 12).

сравнительной морфологии тюркских языков, с.133-134; G a b a i n A. Alttürkische Grammatik, Wiesbaden, 1974, S.101-103.

Количественные числительные

Бир - 1, эки - 2, үч - 3, төрт - 4, беш - 5, алты - 6, йети - 7, сәкиз - 8, токуз - 9, он - 10, йәгирми - 20, отуз - 30, кырк - 40, элиг - 50, алтымыш - 60, йәтмиш - 70, сәкиз он - 80, токуз он - 90, йүз - 100, биң (в рунических текстах) и миң - 1000, түмән - 10 000.

Сложные числительные образуются так: сначала ставятся десятки, затем единицы: он алты - 16. Между десятками и единицами может стоять слово артук 'излишек' с аффиксом принадлежности 3-го л.: отуз артуку бир - 31, кырк артуку йети - 47. Наряду с этой системой используется другой способ: сначала ставятся единицы, а затем десятки следующего класса: эки йәгирми - 12, үч элиг - 43. Данная система употребляется преимущественно в более ранних памятниках - рунических надписях и манихейских текстах. Для выражения больших чисел используются заимствования из китайского языка (бан - 10 000) и санскрита (найут 'очень большое количество', 'мириады', колти - 10 000 000): Миң банча ырак бармыш кишилер 'Люди, удалившиеся за тысячи' (букв. 'тысячу и десять тысяч') [верст]) (ТТ Ун, 30, 7). Сәкиз түмән төрт миң колти найут саны 'Их число - восемьдесят тысяч, четные тысячи по десять миллионов, мириады' (Уйг. II, 72, 5).

Порядковые числительные

Порядковые числительные, кроме 'первый' и 'второй', образуются от количественных числительных с помощью аффикса -нч: үчүнч, төртүнч, бешинч, алтынч, йетинч, сәкизинч, токузунч, онунч, бир йәгирминч. Числительное 'второй' образуется с помощью аффикса -нти: экинти. В значении 'первый' используются слова бастинки и илик ~ илки. В большинстве современных тюркских языков порядковые числительные образуются с помощью аффикса -нчы в различных фонетических вариантах. Только в якутском и чувашском языках употребляются аффиксы без конечного гласного: якут. -нс, чув. -мёс. Они представляют собой фонетические варианты аффикса -нч. Первичная форма - -нч, конечный гласный - аффикс при-

надлежасти 3-го л.¹⁰ В пользу данной гипотезы говорит использование аффикса -нч в древнейших памятниках.

Порядковые числительные в языке ПДП могут иметь значения 'во-вторых', 'в-третьих': *Ўчунч эдгү номуг бэрти* 'В-третьих, одал хорошие законы' (Ман. I, 12, 3). Экинти кушлагагда эди бирлэ сүңүшлүмүз 'Во второй раз мы оразились с эдизами при Кушлагаке' (Кб 45).

Разделительные числительные

Разделительные числительные образуются от количественных числительных с помощью аффиксов -ар (после согласных) и -ра (после гласных): *бирар*, *икирар*, *алтырар*. *Бир сөгүт үзэ бире чинартгу асың* 'На каждое дерево повесьте по одному колокольчику' (КП 79, 7). *Икирэр таш алып* 'Взяв по два камня' (ТТ УШ, 13). *Ўчэр ката* 'По три раза' (Уйг. I, 29, 15).

Собирательные числительные

Собирательные числительные образуются от количественных числительных с помощью аффикса -(а)гү: *икигү*, *үчэгү*, *бәшәгү*. *Икигү калтылар* 'Они остались двое' (КП 36, 1). *Иәти энүкләринт бәшәгү* 'Пятеро из ее детенышей' (СЗБ 643, 1).

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

При рассмотрении категории числа мы используем традиционные термины "единственное число" для формы числа с нулевым показателем и "множественное число" для формы числа с аффиксом

¹⁰ Ш е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.146-147.

-лар. Соотношение формы с нулевым показателем и формы с аффиксом -лар значительно сложнее, чем противопоставление единственного и множественного числа в индоевропейских языках. Так, в языке ЦДТП имя существительное без аффикса -лар, т.е. с нулевым показателем (форма "единственного числа") может обозначать не только единичный предмет, но и множество предметов: Кызым 'дочери' 'У меня было три дочери' (Су 6). С.Н.Иванов указывает, что "несоответствие употребления тюркской категории числа привычным нормам функционирования форм числа в европейских языках свидетельствует о своеобразии значений категории числа в тюркских языках и ставит перед исследователем задачу уяснения механизма противопоставления двух морфологически различающихся форм числа".¹¹

Форма единственного числа обозначает: неопределенную единичность (а), определенную единичность (б), неопределенную собирательность, т.е. родовое название класса предметов (в), определенную собирательность (г). Сочетание формы единственного числа с количественными числительными представляет собой частный случай неопределенной единичности. В языке ЦДТП неопределенная единичность обычно выражается только контекстом (если речь идет об одном предмете). Таким образом, в языке ЦДТП, как и в современном турецком языке, значения (а) и (в), (б) и (г) соотносены попарно по линии единичность - собирательность, а значения (а) и (в) вместе противостоят значениям (б) и (г) по линии определенность - неопределенность.¹²

а) Анча йорнйу йаңы энүкләмиз бир тиши барсыг көртиләр Прогуливаясь так, они увидели" недавно окотившуюся тигрицу" (СЗБ 609, 16). Бир кары ёкүзүг бәлин биче комурса йәмиш 'Одного старого вола объели кругом маленькие муравьи' (ТС II, 55). Из табялку миң болты 'Из ста таволог стала тысяча' (ТС II, 48).

б) Бу ырк түз ол 'Это гадание истинно' (ТТ УП, 29, 3). Канымиз калыктин коды энтиңиз 'Когда же ты, наш свя-

¹¹ И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-ана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969, с.32.

¹² И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.1. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975, с.58.

той отец, спустился с неба?' (ТТ III, 35). Тәңри номын йадай
'Да буду я распространять божественное учение' (Ман. I, 33, 6).

в) Киши ара эдгүлүг йолуң алы 'Твой путь добродетели среди людей тяжок' (ТТ I, 160). Тонуз өлүргүчи болтум эрсар 'Его я стал убивать свиней' (Уйг. II, 84, 9). Кэйик йэйү табыштан йэйү 'Питаюсь оленями и питаюсь зайцами' (Т 8). Кудуг сувныда балык йок 'В колодезной воде рыбы не бывает' (ТТ VII, 42, 7). Эд кылынч кылгыл 'Твори добрые дела' (ТТ I, 111).

г) Кызым үч эрти 'У меня было три дочери' (Су 6). Огу кызы уругу тарыгы батыры бөшүки үкүш болур 'Сыновей, дочери, родственников и близких у него будет много' (ТТ VI, 105). Т бөсигерү бармыл үрүң ичени ботуг мын 'Он пошел к своим веролюбам. Его белая веролобница родила веролобонка' (ТС II, 8). Блыкта улушта тургучу кувраг катылмазун 'Живущие в городах и селениях не должны причисляться к общине' (УСп 88, 33).

Форма с аффиксом -лар обозначает: множественность, протвостоящую обозначению единичного предмета формой единственности (а), раздельность, расчлененность единиц, образующих множество (б). В последнем случае имя существительное часто сочетается с определением, выраженным количественным числительным или словом с количественной семантикой, а также словом, обозначающим тотальное множество, т.е. обозначает всю совокупность однородных предметов, имеющих в то же время определенные различия:

а) Аллыг чэвинлыг кишилер алдайу туруп үскүңдэ 'Лживые люди обманывают [тебя] при тебе же' (ТТ I, 26). Улуш сайу балык сайу ким бэглери азу кары башлары эрсар ийинүр басынур 'Во всех странах и во всех городах, в которых есть беки или старшины, [люди] преследуются и угнетаются' (ТТ VI, 9). Үзәликке ном бөшгунмын өз бакшыларым 'Мои учителя, от которых я воспринял непревзойденное учение' (ТТ VII, 40, 145).

б) Өңи өңи күзи түтөүкләриг түтүзүң 'Сжигая различные благоуханные свечи и благовония' (Уйг. II, 47, 77). Бу илэндэчи э синтэчи атлыг алты качыгларның иши көдүки 'Функции этих шести органов чувств, называемых "управляющие"' (ТТ VI, прим. 189). Ишти агылыг номлар 'Семь драгоценных учений' (ТТ III, 74). О түрлүг эдгүләр 'Десять разных благ' (ТТ V, В 13). Үкүш тәли

изванылар 'Много страстей' (Ман. III, 47, 3). Камаг барча сәвүг
сәүтлүг нигошақларка 'Всем любящим и преданным слушателям' (Ман.
, 28, 23). Ол тиши тагықлар камаган оңарлар эрмиш 'Все те ку-
ны выздоровели' (Ман. I, 36, 9).

Очень широко в языке ПДТН, значительно шире, чем в совре-
енных тюркских языках, используется выражение множественности
осредством сочетания синонимов ("экспрессивное выражение мно-
ественности"):¹³ Йәккә ичкәккә йүкүнтүмүз эрсәр 'Если мы покло-
ились демонам и вампирам' (Хуаст. 125). Адаң тудан кәтди 'Твоя
еды исчезли' (ТТ I, 140). Бәш түрлүг нда ы ичда 'В пяти раз-
овидностях растений и деревьев' (Ман. I, 9, 1). Эмин йүрүнтә-
н анутгыл 'Готовь их лекарства' (ТТ I, 109). Йавлак эш туш
наш кудаш савын алып 'Следуя словам дурных друзей и товарищей'
(Хуаст. 151).

При "экспрессивном" выражении множественности значение
множества создается объединением различных, но в чем-то сход-
ых предметов. Различие единиц при их сходстве и является од-
ним из значений формы множественного числа: форма множествен-
ного числа обозначает множество предметов, сходных друг с дру-
гом, но в то же время имеющих определенные различия. Таким об-
разом, экспрессивное выражение множественности соответствует
выражению множественности с помощью аффикса -лар.

Значение множественности в языке ПДТН передается также
аффиксами -т и -ан.¹⁴ Эти аффиксы используются параллельно с
аффиксом -лар в памятниках обозначают тотальное множество.
Аффиксы -т и -ан используются очень редко и сочетаются только
существительными, обозначающими лиц: Сабымын түкәти эшидгил
айу или йәгүнүм огланым бирики огушум бодунум бәрийә мадапнт
глар йырайа таркат буйрук бәгләр 'Слушайте полностью мою речь,
ущие за мной мои младшие родственники, мои союзные племена и
роды, стоящие справа мадапнт беки, стоящие слева тарханы и
бурук беки' (Км I). Таркат < таркан + -т, оглан < огул + -ан.
В языке памятников значение аффиксов -т и -ан ощущалось слабо,

¹³ И в а н о в С.Н. 1) Родословное древо тюрков, с.43; 2) Куро-
вешкой грамматики, ч.1, с.15.

¹⁴ К о н о н о в А.Н. Показатели собирательности-множе-
ственности в тюркских языках. Л., 1969, с.15-18.

о чем говорит возможность сочетания их с аффиксом -лар: тэгит-
лэр 'принцы' (Уйг. III, 42, 24), эрэнлэр 'мужчины' (СЗБ 355, 13)¹⁵
Аффикс -т продуктивен в монгольском языке, в якутском языке он
входит в состав сложного аффикса множественного числа -ттар.
тойоттор 'господа', хотуттар 'госпожи' (тойон, хотун). Вероят-
нее всего, что аффикс -т монгольского происхождения. Можно

предположить, что первоначально этот аффикс употреблялся в тюрк-
ских диалектах, которые находились на границе ареалов тюрк-
ских и монгольских диалектов, и затем проник и в другие тюрк-
ские диалекты. В дальнейшем он был вытеснен аффиксом -лар.

Материалы языка ПДТГ показывают, что в древнеуйгурских
манихейских памятниках двойственность категории числа имела то-
же характер, что и в современных тюркских языках.¹⁶

В рунических памятниках аффикс -лар употребляется редко
только с существительными со значением лица (титуты, названия
родства), образует форму, обозначающую совокупность лиц, хот-
и сходных, но в то же время имеющих какие-то различия с оттен-
ком тсталтности: Түрк бэглэр түрк атын ыты 'Все тюркские бе-
отказались от тюркских имен' (Кб 7). Ограниченность употребле-
ния аффикса -лар в рунических памятниках привела К.Грёнбека
и О.Прицака¹⁸ к выводу о том, что аффикс -лар в языке руниче-
ских памятников выражал не число, а собирательность, и что раз-
личение единственного и множественного числа было чуждо
носителям. По мнению К.Грёнбека, то, что мы рассматриваем в на-
стоящее время как множество, воспринималось турками в пери-
создания памятников рунической письменности как род, совокуп-
ность. Позднее, в древнеуйгурском языке, множество восприни-
лось как совокупность отдельных индивидуумов. Действительно,

¹⁵ Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии
тюркских языков, с.87-89.

¹⁶ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.1, с.6
16, 91-96.

¹⁷ G r ö n b e c h K. Der türkische Sprachbau. 1. Kopen-
hagen, 1936, S. 58, 61.

¹⁸ P r i t s a k O. Das Alt-türkische. - In: Handbuch der
Orientalistik. V. Altaistik, 1. Turkologie. Leiden - Köln, 1960
S.38.

языке рунических памятников аффикс -лар используется редко. Однако формы с аффиксом -лар выражали не собирательность (это значение передавалось формой единственного числа), а совокупность сходных, но в то же время в чем-то различных индивидуумов. Таким образом, уже в языке древнейших памятников достаточно четко осознавалось различие между отдельными индивидуумами, составлявшими множество. Вместе с тем форма с аффиксом -лар еще не передавала более общее понятие обычной множественности. В языке рунических памятников отразилось древнее состояние тюркских языков, когда категория числа окончательно еще не сложилась.

В период создания древнейших рунических памятников при выражении множественности противопоставление формы без аффикса -лар и формы с аффиксом -лар происходило по линии противопоставления значения собирательной множественности значению раздельной множественности. Аффикс -лар сочетался только со словами, обозначающими лиц. Если было необходимо передать значение множества сходных, но в чем-то различных предметов неллиц, использовалось парное сочетание слов с близким значением типа аркыш тэркыш 'караваны'. Употребление аффикса -лар лишь с существительными, имевшими определенную семантику, и объясняет очень широкое употребление парных сочетаний в языке ПДТН. В дальнейшем в связи с универсализацией использования -лар необходимость в парных сочетаниях отпала. Парные сочетания слов с близким значением продолжают использоваться и в современных тюркских языках, однако они имеют чисто экспрессивный характер. Впоследствии аффикс -лар стал использоваться со всеми существительными. Одновременно расширился круг его значений, и он начал передавать и более обобщенное значение — обычную множественность. В результате раздвоенность значений форм единственного и множественного числа приобрела тот же характер, что и в современных тюркских языках. Такие значения категория числа имеет в древнеуйгурских и манихейских памятниках. Широкое употребление парных сочетаний для выражения множественности в этой группе памятников можно рассматривать как реликт более древнего состояния тюркских языков, когда сфера употребления аффикса -лар была ограничена. Расширение сферы употребления аффикса -лар связано с тенденцией к выражению разных значений разными формами.

Формы падежей

Категория склонения представляет собой категорию с многочисленным противопоставлением форм. Для падежей в языке ЦДТП характерно тесное взаимодействие семантических и синтаксических значений.

Формы падежей следующие:

Основной падеж - нулевой аффикс.

Родительный падеж - -нн (после основ на согласный в рунических и части манихейских памятников), -ннн (после основ на гласный в рунических и части манихейских памятников и после основ в древнеуйгурских и большинстве манихейских памятников).

Дательный падеж - -ка, -а (после аффиксов принадлежности ед.ч.).

Дательно-направительный падеж - -гару, -ару (после аффиксов принадлежности ед.ч.).

Винительный падеж - -г, -н (после аффиксов принадлежности -нн (после личных местоимений во всех памятниках и после собственных имен в более поздних древнеуйгурских памятниках).

Местный падеж - -да.

Исходный падеж - -дан (в манихейских памятниках), -днн (в древнеуйгурских памятниках).

Инструментальный падеж - -(м)н, -(а)н (в части манихейских памятников). Узкий соединительный гласный н иногда полагается губной гармонии гласных, и аффикс падежа может иметь форму -ун / -үн.

Сравнительный падеж - -ча.

Формы аффиксов родительного и винительного падежей без начального н следует рассматривать как первичные. Формы дательного падежа -а и дательно-направительного падежа -ару являются результатом ассимиляции начального согласного аффикса падежа. В некоторых рунических (енисейских) памятниках начальный согласный аффикса падежа сохраняется и после аффиксов принадлежности ед.ч. Аффикс исходного падежа -дан в рунических памятниках употребляется редко, обычно в аблативном значении используется аффикс -да. В аблативном значении форма с аффиксом

употребляется и в некоторых манихейских и древнеуйгурских памятниках параллельно с формой исходного падежа -дан и -дын. В.Шотт,¹⁹ Н.И.Ашмарин,²⁰ И.Бенцинг²¹ и Н.Поппе²² считают, что аффикс -дан ~ -дын относительно позднего происхождения и представляет собой сочетание аффикса местного падежа -да и дополнительного морфологического элемента -н. По нашему мнению, следует признать правильной гипотезу А.М.Шербака, который полагает, что использование формы с аффиксом -да в аблативном значении отражает древнее диалектное совпадение формы исходного падежа с формой местного, произошедшее в результате утраты конечного н.²³ Необходимо отметить, что форма исходного падежа уже существовала в период создания рунических памятников (она употребляется в памятнике Тоньюкуку: тащдынтан 'снаружи', огуздантан 'от огузов', оңдэн 'с востока'). В дальнейшем форму с аффиксом -да в аблативном значении мы будем называть местно-исходным падежом.

Формы -йа, -ра ~ -ру в языке ПДТН уже полностью утратили продуктивность и не входят в систему падежей.

Значения падежей

Основной падеж. Имя в основном падеже может выступать в функции любого члена предложения.

В функции подлежащего основной падеж может иметь конкретно-предметное (а) или отвлеченно-предметное (б) значение:

а) Ол элиг бэг бурканларыг шлок тагшутын өгэр күләйүр эр-ти. Правитель воздавал хвалу буддам в стихах' (СЗБ 346, 7). Эр сүке бармыш 'Муж отправился к войску' (ТС II, 52). Йалли сүвлү

¹⁹ Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, S.57.

²⁰ Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. II. Морфология. Казань, 1898, с.124.

²¹ Benzing J. Tschuwassische Forschungen (IV). - ZDMG, 1942, S.463.

²² Poppe N. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien - Islamica. Leipzig, 1925, I, 4, S.421.

²³ Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.47.

тэбэрай кудуг ичин бэклэти 'Ветер и вода пришли в движение и замкнули внутренность колодца' (ТТ I, 104). Бурканлар бу ном битигиг батурлукки йарлыкадылар 'Будды самоотверженно проповедовали эту истину' (УСп 106, 31).

б) Кийи оглы йорыйу азти 'Люди (букв. 'сыны человеческие'), ходили и сбивались с пути' (ТС II, 21). Анта бтрү огул кыз тогар 'Затем будут рождаться дети' (Ман. I, 16, 4).

В функции сказуемого основной падеж выражает родовое понятие: Тэдри унамадук абынчу катуи болзун 'Пусть неугодная бог-у наперсница станет госпожой' (ТС II, 57). Биз динтар биз 'Мы манихейцы' (ТТ II, А 3). Азмышларка йолчы йерчи болтуруз 'Ты стал проводником для заблудших' (ТТ III, 69). Кейик оглы мэн 'Я иная газель' (ТС II, 69).

В функции определения основной падеж прежде всего обозначает родовое понятие: Бу огурта йылкы ажунынта тогдүмуз эрти 'Мы на сей раз родились в мире животных' (СЗБ 6, 15). Бу блүм күни кимни үзе кэлсэр 'И когда наступит для кого-либо этот день смерти' (Ман. III, 11, 12). Устүн тэдри йэри алтын таму йэри 'Вверху - страна богов, внизу - страна ада' (ТТ V, А 28). Браман көр-кин балгүртип 'Приняв вид брамина' (Уйг. III, 6, 2). Табгач алы тутупан - 'Приняв табгачские имена' (Кө 7).

Имя существительное в основном падеже может относиться к определяемому слову как его название: Буйанлыг сумир тагыг тургуртуруз 'Ты воздвиг благодатную гору Сумеру' (ТТ III, 54). Йэр-байырку йэриңе тэги 'До земли Йэр-Байырку' (Км 4).

Если имя существительное выступает в функции определения и обозначает родовое понятие или название определяемого, то определяемое может не принимать аффикса принадлежности 3-го л. Особенно часто это наблюдается в рунических текстах: Эки оглы-ма Дабгу шад ат бертим 'Моим двум сыновьям я дал титул' ябгу и шад' (МЧ 19). Ала атлыг йол тэдри мэн 'Я - бог судеб на этом коне' (ТС II, I).

Имя существительное в основном падеже в функции определения может иметь конкретно-предметное значение. Определяемое в этом случае принимает аффикс принадлежности 3-го л.: Бу ырк башынга аз эмгэки бар 'В начале этого предзнаменования есть небольшая неприятность' (ТС II, 89). Өз кадыны йэриңе тэгли 'Сам

же он достиг страны своего тестя' (КП 64, 3). Өтрү лу каны эрдэ-
 нилиг балытка ордука таттай сиз 'Потом вы достигнете украшен-
 ного драгоценностями города и дворца царя драконов' (КП 39, 3).
 Хоруг бурхан үний эшидим 'Я услышал голос Хоругбурхана' (Ман.
 Ш, 23, 10). Тона тигин йогынта 'На похоронах Тонга-тигина' (КБ
 47). Каным каган сүси 'Войско моего отца-кагана' (КБ 12). Тай
билге тутук йаблакын үчүн 'Из-за низости Тай Бильге-тутука' (МЧ
 17). Ол Иалануклар канын эдгү өгли йолчы йэрчи алынып 'Ведя се-
 бе отличным, мудрым проводником хана тех людей' (СЗБ 432, 10).

Конкретно-предметное значение приименного определения пе-
 редается с помощью формы основного падежа в якутском языке так
 же, как и в языке ЦДТП: Киһи аата 'Имя человека'. В других со-
 временных тюркских языках конкретность приименного определения
 всегда выражается родительным падежом.

В функции прямого дополнения имя существительное в основ-
 ном падеже обозначает весь класс данных предметов без соотне-
 сения с конкретным предметом (а) или единичный предмет (б): а) Кп
йерде амыг эмгек көртүкин 'Так как всюду видели они тяжёлые
 страдания' (Ман. I, 9). Кэнтү өзүн беглиг эр таплагыл 'Ты сам
 почитай знатных людей' (Уйг. II, 21, 14). Эдгү кылыч кылгыл
 'Твори добрые дела' (ТТ I, 111). Буш колты 'Он просил мило-
 стию' (Ман I, 32, 12). б) Койуннын бир кэгде битиг өнтүрүп
 маңа окыды 'Он вынул из-за пазухи бумагу-грамоту и прочел ее
 мне' (СЗБ 6, 8).

В современных тюркских языках прямое дополнение, не при-
 мыкающее к управляющему глаголу ("отстоящее прямое дополнение"),
 всегда оформляется винительным падежом.²⁴ В языке ЦДТП прямое
 дополнение, не имеющее значения определенности, может иметь
 форму основного падежа и в том случае, если оно не примыкает к
 глагольной форме, к которой относится: Кай аята йайладым 'Я там
 провел лето' (МЧ 20). Биң йунт түмөн конь бэн тутдум 'Я захва-
 тил тысячу коней и десять тысяч овец' (МЧ 49). Кичиг оглан йал
 тартсар 'Если маленького мальчика поразит нечистая сила' (ТТ УЦ,

²⁴ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.1, с.27.

27, 8). Такигу Нумуртгасы убу бирлэ кайынтуруп 'Сварив куриное яйцо со свинцовыми белилами' (Рах. II, I, 89).

Форму основного падежа имеет предикативное дополнение. Эти дополнения используются в конструкциях с двумя прямыми дополнениями, первое из которых стоит в винительном падеже: Өзүмин өңрө быңа башы илты 'Он послал меня самого вперед начальником тысячи' (МЧ 6). Тай билгэ тутукуг Ябогу атады 'Он дал Тай Бильге-тутуку титул ябогу' (МЧ II).

В обстоятельственной функции имя в основном падеже обозначает обстоятельство с определительно-качественным значением (а), обстоятельство с количественным значением (б), обстоятельство времени (в), обстоятельство места (г):

а) Сү Аорилым 'Пойдем в поход' (Т 29). б) Бир йылка баш йолы сүңүшдүмүз 'В один год мы сразились пять раз' (Кб 44). Бу ном битигиг үч ката окызун 'Пусть эту книгу прочтут три раза' (УСп 58, 22). в) Кача йарук батур эрикли сүңүшдүм 'Вечером, на закате солнца, я вступил в бой' (МЧ 13). Күн орту йүтүрүк түн орту канта 'В полдень он - изможденный, в полночь - в крови' (ТС II, 36). Лу бэчин йыл тогмыш киши 'Человек, родившийся в год дракона или обезьяны' (ТТ УП, 25, 28). г) Магы курган кышлап 'Перезимовав в укреплении Магы' (Кб 48).

Винительный падеж. В функции прямого дополнения имя существительное в винительном падеже обозначает предмет со значением определенности. В качестве таких дополнений выступают: местоимения (а), имена собственные (б), существительные, имеющие определение, выраженное указательным местоимением (в), существительные с аффиксами принадлежности (г), существительные с различными определениями, придающими им значение определенности (д), существительные, определенные контекстом (е), существительные во множественном числе в значении "тотальности" (ж):

а) Айыг кылычка эринчүкэ кэнтү озүмүзни эмгетир биз 'Мы мучаем нас самих скверными поступками и прегрешениями' (Хуаст. 200). Мэни сэниң йылдыг йыпарлыг йемишликиңизкэ кигүрүң 'Ввел меня в свой благоухающий сад' (Ман. III, 25, II).

б) Ышбара билгэ күлө чурыг йоглаты 'Они справили тризну по Кыле-Чуру' (МЧ 24).

в) Ким кайу тынлыг бу ном битигиг битисер 'Если кто-нибудь переписет эту сутру' (ТТ VI, 51).

г) Бир йылкы йазукумузны бошуу колмак кэргэк эрти 'Нужно было просить об отпущении наших грехов за год' (Хуаст. IX, Борлукумны күзэтсүн 'Пусть он наблюдает за моим виноградником' (КП 73, 3). Сизиң кызыңыңны арчуны тоңа кунуп элтү барды 'Твою дочь захватил и увел Арджуна Тонга' (Уйг. II, 25, 22).

д) Сиз йарлыкамыш йарлыгыг шымтаксыз көңүлүн күзэтди 'Отданный Тобой приказ они соблюдали ревностными сердцами' (ТТ III, 131). Куткаргу тынлыглариг таптукта 'Найдя живых существ, которых надо спасти' (Ман. III, 47, 1). Öтрү эмгектин озгулут куртулгулук йолуг йыңакыг тапарлар 'Затем они найдут путь избавления от мучений' (СЗБ 388, 17).

е) Ном эрдиниг тавраты бититигил 'Вели быстро переписать эту драгоценную книгу' (СЗБ 18, 19) (речь идет о конкретной книге - сутре "Золотой блеск"). Номуг учузладачылар үчүн 'Из-за пренебрегающих учением' (Хуэн IOI) (речь идет об определенном учении - буддизме).

ж) Камаг шастир битиглэриг бүтүрү билмиш сэн 'Ты познал все трактаты' (СЗБ 585, 21). Дунт уд чокар кой лагзын улати тынлыглариг өлүрүр 'Забивают лошадей и коров, убивают овец, свиней и всех других живых существ' (КП 3, 1).

В языке ПДТП можно отметить тенденцию к использованию формы винительного падежа в качестве формы прямого дополнения вне зависимости от понятия определенности: Бир кары өкүзүг балин биче комулсга йемиш 'Одного старого вола объели кругом маленькие муравьи' (ТС II, 55). Однако в языке ПДТП использование формы винительного падежа в качестве формы, указывающей только на синтаксическую функцию слова, не имело обязательного характера. Это была лишь тенденция, проявившаяся полностью в современных тюркских языках. Следует отметить, что в древнейших рунических памятниках форма винительного падежа как средство обозначения прямого дополнения вне связи с понятием определенности не употребляется.

Родительный падеж является формой определения с конкретно-предметным значением: Эжүк сөгүтнүң бутныкы 'Ветвь дерева Ашора' (Уйг. II, 31, 3). Бу лабайның үни 'Звук этого рожка' (ТТ

УИ, 28, 30). Учунчи эң кичиг оглының аты 'Имя третьего, самого младшего сына' (СЗБ 608, 4). Мэниң кызым 'Моя дочь' (Уйг. II, 221). Мэниң эвмитэ 'В моем доме' (ТТ I, прим.160). Определяемо чаще всего принимает соответствующий аффикс принадлежности, однако аффикс принадлежности 3-го л. может отсутствовать, если определение выражено именем существительным. Особенно часто это наблюдается в рунических надписях: Каганың ичреки бәдизчи 'Приворные мастера кагана' (Км 12). Йегин силиг бәгич кәдимлиг тогы ат 'Оседланный гнедой конь Йегин Силиг бека' (Кб 33). Байыркунуң ак адгыр 'Белый жеребец племени байырку' (Кб 36).

Имя в родительном падеже используется в функции сказуемого с указанием на принадлежность (а) и для оформления инверсированного определения (б):

а) Сизиң мән сизинтә булун болтум 'Я твой. Я стал для тебя пленником' (Ман III, 24, II). б) Нә огурка тәңри тәп аты болур оларның 'Почему имя у них "бог"?' (Уйг. I, 23, I7).

Дательный падеж обозначает пункт, которому направлено действие в пространстве (а), и объект: направленности действия с отвлеченным значением (б), а также с целевым значением (в) адресатным значением при глаголе инан- верить (г), по отношению к которому проявляется действие (д), которому что-либо уподобляется (е), противодействия (ж), вызывающий какую-либо реакцию, эмоцию (з), ответного действия (и), со значением причины (к), вызывающий ответное возмещение (л):

а) Ырак балыкка барыр 'Пойдет в далекий город' (ТТ УИ, 34, 5). Йайлыг тагыма агынан 'Поднимаясь на свое летнее пастбище в горы' (ТС, II, 96). Ол алтун тапка тәгсәр сиз 'Когда вы придете к той золотой горе' (КП 38, 2). Ёдум капычыңа кирип 'Вступив во врата смерти' (СЗБ 601, 10).

б) Бу ном битигкә тапынып удунуп 'Поклоняясь этому писанию' (ТТ УИ, 14, 10). Коп маңа көрти 'Все мне подчинились' (Кб 30). Аниг муңлуг динтарка бушь бәрәң ачынаң агрынаң 'Подавайте милостыню наиболее несчастным членам общины, проявляйте к ним сострадание' (Ман. III, II, 2). Бәш түрлүг номларка тайанып 'Опираясь на пять даров' (СЗБ 181, 7).

в) Эр әбкә бармыш 'Мужчина отправился на охоту' (ТС II, 17). Бурхан хутилыг йорыгларыг бүтүргүкә катыгланмак 'Старание за-

вершить движение к достижению достоинства будды' (СЗБ 181, 7).
Ном номламакка тавранур 'Он проявляет усердие в проповедовании учения' (Ман. III, 21, 4).

г) Бэгкэ ишике инангыл 'Беку и супруге бека доверяй' (ТТ I, 209).

д) Азмышларка йолчы йэрчи болтуңуз 'Ты (букв. 'Вы') стал проводником для заблудших' (ТТ III, 69). Камаг йэклеркэ багы болзун 'Да будет оковами для всех демонов' (Ман. I, 15, 20).

е) Коп өдүн ном эрдини вачырлыг йаракка мәңизетгүлүк 'Во все времена драгоценность учения может быть уподоблена оружию с алмазом' (Уйг. III, 29, 33).

ж) Бир отуз йашыңа чача сәңүңкә сүңүшдүмүз 'Когда ему был двадцать один год, мы оразились с Чача-сенгуном' (КБ 32). Табгач каганка йагы болмыш 'Он стал врагом табгачскому (китайскому) кагану' (КБ 9). Тәңрикә йазынып 'Погрешив против бога' (Хуаст. 128).

з) Элкә канка бәгкә ишикә йеринүр өвкиләйүр 'Он выражает недовольство государством, ханом, беком, женой бека' (ТТ UI, 18). Өгмишкә йәмз савинмәдин 'Не радуюсь и похвале' (Уйг. III, 73, 21). Анын сәзиндәм инимкә 'Поэтому я подозревал своего младшего брата' (СЗБ 619, 4). Сансарка коркдачы үрктәчи 'Боящийся бития' (СЗБ 291, 4).

и) Тәңрикә йагыш айнык бәрмәйүккә башын көзин агрытур 'Когда (букв. за то, что) кто-нибудь не приносит божеству жертвы и не блюдет обетов, это причиняет ему боль в голове и глазах' (ТТ UЦ 25, I).

к) Бу үрмән карт иг үкүши бөтрү илки ахунтакы йавлак кылычка төрүйүр 'Большинство этих язов появляется из-за дурных поступков в прежнем существовании' (Рах. II, 3, 12). Эл улуш ырыкыңа эдгү савын эшидгәли болмаз биз 'Из-за удаленности стран мы не можем слышать хороших вестей' (Хуэн 1870).

л) Йәник йазукка эртиңү агыр кыйыңка тәгүрүр 'За легкий проступок [им] назначают чрезвычайно тяжелые наказания' (ТТ UI, II).

В языке ПДТП дательный падеж иногда употребляется в значении местного падежа и обозначает место, где происходит действие (а), время, когда оно происходит (б), срок, в течение которого оно происходит (в):

а) Кбэки нэлүк тонгай ол кунашке олурур ол 'Как мож
замерзнуть его сосуд, ведь он находится на солнце' (ТС II, 88)
б) Анчин барс ылка чик тапа йорндим 'После этого в год тиг
я пошел против чиков' (МЧ I9). Уч йегирмике ициртэ көзүнүр 'П
кажется в тринадцатый день на рассвете' (ТТ VII, I, 22). в) Б
ылка төрт. Иолн сүнүшлүм 'За один год я сразился четыре ра
(БК 30).

Дательный падеж также выступает в значении местного в с
маркандско-бухарской группе говоров узбекского языка, в яку
ском языке и в отдельных случаях в тувинском и современном у
гурском языках.²⁵ Данное явление можно объяснить контаминацией
близких пространственных значений направления и места.

Дательно-направительный падеж обозначает объект, к кото
рому направлено действие в пространстве: 'Бег эр йунтиңару б
мыш 'Бек пошел к своим лошадям' (ТС II, 7). Уасыңару өгирэ с
бинү калир 'Радуюсь, он возвращается в свое логово' (ТС II, 4)
Тәңри йарукың йавлак йэргерү илтимыз эрсэр 'Если мы направля
божественный свет к дурной земле' (Хуаст. I72). Бәш тәңри йа
кың бизиңерү кәлүрди эрсэр биз 'Если мы направляли на себя с
пяти богов' (Хуаст. I66). Биз уйгургару кәлтүк 'Мы пришли
уйгурам' (Ман. III, 40, 3). Тәңрилигиңерү барды 'Он пошел
направлению к храму' (Ман. I, 33, I5). Тәңри йэриңерү капат
ачты 'Он открыл врата в земли божества' (Ман. I, 33, 6).
өдүн тәңри әлиг бөгү хан кәнтү динтарлар эригли кувраггару к
ти 'И тогда сам божественный правитель Бөгю-хан пришел на о
бращение, где находились избранные (манихейцы)' (ТТ II, 34).

В современных тюркских языках форма дательно-направител
ного падежа -гару не используется. В якутском языке форма д
тельного падежа после аффиксов принадлежности образуется с по
мощью аффикса -гар, аффикс сравнительного падежа имеет форм
-даагар.²⁶ Аффикс дательного падежа -гар и элемент -гар в со

²⁵ Ш е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии
тюркских языков, с.67.

²⁶ Х а р и т о н о в Л.Н. Современный якутский язык. Фо
нетика и морфология. Якутск, I947, с.II6.

ставе аффикса -даагар представляют собой фонетический вариант аффикса дательного-направительного падежа -гару.²⁷

Местный падеж выражает местно-временные значения. В местных, пространственных значениях местный падеж имеет статическое значение местонахождения и является формой обстоятельства места.²⁸ Талуида йатыпан тапладукумы тутар мән 'Находясь на море, я ловлю то, что мне нравится' (ТС II, 4). Балыкда эрсәр корайур 'Если он будет в городе, он понесет убиток' (ТТ I, 67). Иртинчүдәки тынлыглар йинтәм нирванта тогсуллар 'Пусть находящиеся в мире существа постоянно возрождаются в нирване' (ТТ III, 167). Азу бу сабымда игид бар гу 'Разве есть ложь в этих моих словах?' (КМ IO).

Во временных значениях местный падеж показывает временные координаты какого-либо события.²⁹ Местным падежом оформляются как слова, обозначающие время, так и слова, не имеющие собственно временного значения, к которым приурочивается по времени какое-либо событие. Во временном значении местный падеж является формой обстоятельства времени ("когда?"): Ол күнтә тәгти түрк бодун темир капыгга 'В те дни турецкий народ достиг Темир капыга' (Т 46). Күн ортуда асурсар 'Если он чихнет в полдень' (ТТ VII, 35, 4). Ол сүңүшә отуз йашайур эрти 'В том сражении (во время того сражения) ему было тридцать лет' (Кб 42). Бодисатвиң түлнәтә көрмиш алтун көврүктин 'Из золотого барабана, который бодисатва видел во сне' (СЗБ 345, 16).

В языке ПДТН местный падеж иногда употребляется в значении объекта направленности действия: Өзүти антаг куртулур тәңри йаринте барыр 'Их души будут спасены и отправятся в божественную страну' (ТТ VI, 125). Йәкниң прианнига коркынчонз көңүлин кирип кәлти 'Он бесстрашно вошел в жилище демона' (ТТ X, 253). Ол әвтә йашин түшмәз 'В тот дом не попадет молния' (СЗБ 466, 24). Использование местного падежа в значении объекта направленности действия следует рассматривать как результат кон-

²⁷ Там же, с. II 7.

²⁸ И в а н о в С. Н. Курс турецкой грамматики, ч. I, с. 52.

²⁹ И в а н о в С. Н. Родословное древо турок, с. 89.

таминации со значением места. Аналогичное явление наблюдается, например, в староосманском и староузбекском языках.³⁰ На относительно поздний характер контаминации указывает то, что в рунических памятниках местный падеж в значении объекта направленности действия не используется. Это явление встречается более поздних памятниках.

Аблативные значения в языке ПДП передаются собственным исходным падежом (аффикс -дын ~ -дан) и формой с аффиксом -дан (местно-исходный падеж). Форма местно-исходного падежа является результатом утраты аффиксом исходного падежа конечного согласного н.³¹ Таким образом, одна форма падежа имеет два варианта - с конечным согласным и без него. Поэтому ниже рассматриваются значения, выражаемые как формой с аффиксом -да, так и формой с аффиксом -дын ~ -дан. Форма с аффиксом -да в аблативном значении используется преимущественно в рунических и монгольских памятниках.

Исходный и местно-исходный падежи обозначают: исходный пункт действия (а), объект с отделительно-привативным значением (б), объект со значением источника получения и выделения частного из общей группы (в), объект с причинным значением (г), объект, являющийся источником возникновения отрицательных эмоций (д), объект сравнения (е):

а) Көздө йаш келсәр 'В то время как из глаз лились слезы' (КБ 51). Кыргызда йантмыз 'Мы вернулись от кыргызов' (Т 29). Идишмиз айкалмаз 'Он канча барыр мен 'Куда же я пойду еще? другое место от моего сосуда и моей чаши?' (ТС II, 63). 'Өндө кагангару сү йорлым 'Пойдем в поход на кагана с востока' (Т 2). Тоган куш тәңридән кәдә табышган тәпән капмыш 'Сокол с криком "заяц" устремился вниз с неба и схватил [его]' (ТС II, 66). С балыктан өнтүм 'Я вышел из того города' (СЗБ 16, 14).

б) Ягында бошана бошаналдым 'От врагов я был свободен, освобожден' (МЧ 19). Эмти бу он түрлүг йазукда бошуну өтүм биз 'Теперь мы обращаемся с мольбой, чтобы избавиться от деспотов'.

³⁰ И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрков, с.92; Г у з е в В.Г. Староосманский язык, с.45.

³¹ Ш е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.47.

ти разных прегрешений' (Хуаст. 14). Ол антаг Иазукта агыр эм-
тэктэ куртулур 'Они будут освобождаться от таких грехов, пре-
грешений и тяжких мучений' (ТТ У I, 46). Бу бэш түрлүг адалар-
тын коркынчалартын озар куртулур 'Избавится от этих пяти видов
бедствий и страхов' (СЗБ 326, 2).

в) Сизлэрдэ алмын агу хормузта тэнрикэ атгай мэн 'Ядом, по-
лученным от вас, я опрысну бога Ормузда' (Ман. I, 19, 15). Тэн-
рим биз камаган ашнуки бурканларта эдгү ном бошгут күчлүг дар-
ни бултумуз 'О боже, от прежних будд мы получили хорошее уче-
ние - магическую формулу, обладающую силой' (ТТ У I, 365). Бу он
түрлүг йөрүгдэ ашнуки сәкизи чин картү номка тайаклыг йөрүт ол
'Из этих десяти разных толкований первые восемь опираются на
истинное учение' (ТТ У Б, 127).

г) Булар ичин карышмактын үкүш иглэр төрчийүр 'Из-за их
столкновения возникают многочисленные болезни' (СЗБ 366, 7).

д) Уйатмагулук савта уйатурлар 'Они стыдятся слов, кото-
рых не следует стыдиться' (ТТ УШ, Е 49).

е) Бизинтэ эки учы сыарча артук эрти 'Их два крыла были
наполовину многочисленнее нас' (Т 40). Номда татаглаграк тэн-
ридем билгэ билит 'Более сладкое, чем нектар, божественное зна-
ние' (Ман. I, 26, 18).

В якутском языке используется частный падеж, образуемый с
помощью аффикса -да / -та. Он является формой прямого дополне-
ния при сказуемом, выраженном повелительным наклонением, и пе-
редает частичный охват объекта действием: Утаҕа бас 'Начерпай
воды'.³² Партитивное значение связано с аблативным - одним из
значений, передаваемых в языке ПДТП формой -да.

Инструментальный падеж выражает совместность (а), способ
совершения действия (б), промежуток времени, к которому при-
урочено действие (в), место, где совершается действие (г), объ-
ект, посредством которого совершается действие (д), объект, яв-
ляющийся причиной совершения действия (е). Для инструменталь-
ного падежа характерны устойчивые адвербиальные значения. Уже
в языке ПДТП многие имена в форме инструментального падежа
очень близки к наречиям.

³² Харитонов Л.Н. Современный якутский язык, с.108.

а) Улуг иркин аз кыһа эрин тэзип барды 'Великий иркин бежал только с немногими войнами' (Кб 34). Түрк бодун канын болмайын 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом' (Т 2). Утри эки айлыг киши оглын сокушын 'Он встретил двухмесячного сына человеческого' (ТС II, 2).

б) Бурканлар бу ном битигиг батурлукин йарлыкадылар 'Будды мужественно проповедовали эту книгу' (Усп 106, 31). Төпүгушту 'Он пал ниц' (Ман. I, 20, 3). Биз барча аныг өгрүнчүлүгин эрүр биз 'Мы все чрезвычайно обрадованы' (Ман. III, 33, 4). Игсизин адасызын туралым 'Да пребудем мы без болезней и опасностей' (Ман. I, 28, 27). Анта коркынчылын буушулукин ичча тэти 'Тогда она испуганно и тревожно сказала так' (СЗБ 621, 2).

в) Иайын сүлөдим 'Летом я выступил с войском' (БК 39). Анчып ол йыл күзүн илгөрү йорыдым 'Затем осенью того же года двинулся на восток' (МЧ 20). Төүрили йэкли йаруклы каралы 'Одүн катылды 'Боги и демоны, свет и тьма в то самое время перемешались' (Хуаст. 6).

г) Бу йолын йорысар 'Если идти этим путем' (Т 23). Аны бармыш 'Он пошел по реке Аны' (Т 24).

д) Кан элигин тутмыш 'Хан ловил их своей рукой' (ТС II, 97). Алтун куругсакымын кылычын кэсипэн 'Разрезав мое золотое чрево мечом' (ТС II, 13). Сакынчын сөзүн кылынчын он түрлүг суй йазу кылтымиз эрсэр 'Если мы совершили десять различных прегрешений мыслью, словом и делом' (Хуаст. 102). Йарукын йалтрыкын йарутур сиз 'Ты озаряешь сиянием и блеском' (СЗБ 652, 1). Төркитавраты йүгрүк атларын кошуглуг канлыта олуруп 'Поспешно сев экипаж, запряженный быстрыми конями' (СЗБ 625, 5).

е) Өз исиг өзүмкэ коркынчын муна сэни өлүрүр мэн 'Из-за страха за свою собственную жизнь я тебя убью' (Уйг. III, 64, 6).

Сравнительный падеж обозначает: объект, с которым что-либо сравнивается, которому что-либо уподобляется (а), соответствие чему-либо (б), место, где совершается действие (в), предел в пространстве (г), приблизительный подсчет (д). Сравнительный падеж имеет только обстоятельственные значения. Ряд форм сравнительного падежа уже в яччке ЦДТН представляет собой наречия: бунча 'столько', анча 'так', 'столько', ичча 'так'.

а) Бер йылка элиг кун арыг динтарча вусанти олурсук 'төрү бар эрти 'Был обичай совершать, подобно чистил священнослуж-

телям „в год пятьдесят дней поста“ (Хуаст. I75). Ол ёдун хормузта тәңри от тәңриг балтуча кылып. Тогда бог Хормузд, превратив божество огня в топор (букв. „сделав подобно топору“) (Ман. I, 20, I3).

б) Тәңри аймыш өтче билигче йорымадымыз эрсәр 'Если мы не поступали согласно наставлению и учению, данному богом' (Хуаст. 214). Улгүсүз йашлыг йиртинчүтә үстүн тухитта өз бә күсамил тапларинча тогмаклары болзун 'Пусть они возродятся согласно своим собственным желаниям в мире бесконечной жизни, на верхнем небе блаженства' (ТТ VII, 40, I47).

в) Көк калык йолынча өнэйү учур барырлар 'Они улетают, взмывая к небесам' (букв. 'по небу') (Уйг. III, 79, 6).

г) Йәти күн бәлчә богузча сувда йорып 'Семь дней, идя по пояс и шею в воде' (КП 36, 4).

д) Элигчә эр тутлүмуз 'Около пятидесяти человек мы захватили' (Т 42).

Система падежей в языке ПДП

В современных тюркских языках для каждой падежной формы характерна противоречивая двойственность значений, что связано с двояким противопоставлением падежей в пределах "своего", малого ряда падежных форм и в рамках всей падежной системы в целом, т.е. в пределах большого ряда. В малом ряду падежных форм выявляется внешняя противопоставленность одного падежа другим – ближайшим его коррелятам, в большом ряду область противопоставления шире и грамматичнее, а собственные значения падежа проявляют большое разнообразие, "доходящее в крайних своих звеньях до полной противоположности значений у каждого падежа – противоположности не внешней, а внутренней".³³ В языке ПДП система значений падежей имеет много общего с системой их значений в современных тюркских языках.³⁴ В то же время можно отметить определенные особенности в оппозициях падежных форм и в характере раздвоенности их значений. Эти особенности отражают более древнее состояние тюркских языков.

³³ Иванов С.Н. К истолкованию многозначности грамматических форм. – ВЯ, 1973, № 6, с.107.

³⁴ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики, ч. I, с.16-56, 80-87, 89-91.

Исследование категории склонения в языке ЦДТП позволяло выделить несколько групп падежей. Первая группа состоит из основного, винительного и родительного падежей, вторая — из дательного, местного и исходного падежей (местно-исходный падеж мы рассматриваем как фонетический вариант исходного падежа). Падежные формы этих двух групп характеризуются вхождением в ряды грамматических оппозиций. Дательно-направительный, инструментальный и сравнительный падежи занимают обособленное положение в системе падежей и имеют ярко выраженные, устойчивые автореферентные значения.

Падежи первой группы соотнесены друг с другом посредством противопоставления конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений, падежи второй группы соотнесены друг с другом своими пространственными значениями.

Основной падеж противопоставлен винительному и родительному как форма отвлеченно-предметного дополнения и отвлеченно-предметного определения формам конкретно-предметного дополнения (винительный падеж) и конкретно-предметного определения (родительный падеж). В позиции подлежащего основной падеж может иметь как конкретно-предметное, так и отвлеченно-предметное значение и в этой функции противопоставит всем другим падежам. Указанный характер двойственности значений основного падежа в равной мере наблюдается как в языке ЦДТП, так и в староузбекском³⁵ и современном турецком³⁶ языках. Вместе с тем в языке ЦДТП можно отметить особенности употребления основного падежа, которые отражают более древнее его значение. В обороте типа Özüm казгантукум үчүн 'Так как я сам совершал завоевания' (Т 56) слово özüm в основном падеже является субъектом действия по отношению к глагольной форме казгантукум и в то же время ее определением. Общеопределяющее значение основного падежа проявляется и в оформлении им обстоятельств времени и места: Күн орту йүтүрүк 'В полдень он изможден' (ТС II, 36). Магы курган кылап 'Перезимовав в укреплении Магы' (Кб 48). Необходимо отметить, что оформление основным падежом обстоятельств времени и

³⁵ И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрков, с. 63-66, 70-73, 193.

³⁶ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч. I, с. 83.

места наблюдается чаще в более древних памятниках. В Гадательной книге (рунический памятник IX в.) обстоятельство времени күн орту 'в полдень' оформляется основным падежом, однако в более позднем памятнике из Турфана то же значение передается местным падежом: Күн ортуда асурсар 'Если чихнет в полдень' (ТТ II, 35, 4). Таким образом, общепредельительная функция основного падежа³⁷ является более древней и носит в известной мере черты реликтового употребления. Косвенным указанием на общепредельительную функцию основного падежа может служить и сохранение в языке ПДТП следов посессивного строя предложения: Эбке тэгдүкүм 'Я направился домой' (Оа 2). Түрк болун олсүкүң 'Туркский народ, ты погибнешь' (Км 6).³⁸ Аналогичного типа предложения отмечены А.М.Шербаком в Кутадгу билик. Можно предположить, что на более ранних этапах развития тюркских языков субъект действия при посессивном строе предложения выражался формой основного падежа. Об этом говорят и следующие примеры из Кутадгу билик: Муна ман ма даялат сая калдугүм 'Смотри, я, счастье, пришло к тебе'. Бу күрси овляя өз олтурдун 'Он сам сел на это кресло'.³⁹ Имена в форме основного падежа (ман, өз) выступают в качестве определения к глагольной форме. Э.В.Севортян указывает, что исторически предикативные отношения развивались на основе атрибутивных отношений на почве их грамматического переосмысления.⁴⁰ Противопоставление основного падежа всем остальным падежам как формы подлежащего развилось в процессе установления в тюркских языках номинативного строя предложения.

Винительный падеж противостоит основному падежу как форма прямого дополнения с конкретно-предметным значением форме пред-

³⁷ И в а н о в С.Н. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний - СТ, 1973, № 6, с.14-15.

³⁸ Е к и л Т. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, p.190-191.

³⁹ Ш е р б а к А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.:Л., 1961, с.134.

⁴⁰ С е в о р т я н Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. - ИСТЯ, III, с.8.

мого дополнения с отвлеченно-предметным значением. В современных тюркских языках в отстоящей от глагола позиции винительный падеж представляет собой единственную форму прямого дополнения, противостоящую основному падежу не как падежу дополнения, а как падежу подлежащего. В отстоящей позиции винительный падеж может иметь и конкретно-предметное и отвлеченно-предметное значение.⁴¹ В языке ПДТП наблюдается тенденция к использованию формы винительного падежа в отстоящей от глагола позиции как средства указания на его синтаксическую функцию вне зависимости от определенности. Однако в памятниках прямое дополнение, не имеющее значения определенности, часто оформляется основным падежом в отстоящей от глагола позиции. Таким образом, в языке ПДТП преобладало "артиклевое" значение винительного падежа (винительный падеж имел то же значение, что и определенный артикль в индоевропейских языках), а синтаксическое значение, хотя и может быть отмечено, но еще не развилось полностью. Винительный падеж в языке ПДТП входит в первый ряд грамматических оппозиций (малый ряд), но его вхождение во второй ряд грамматических оппозиций (большой ряд) не завершилось окончательно. Именно это и объясняет факультативный характер употребления винительного падежа в качестве формы отстоящего прямого дополнения. Особенности использования винительного падежа в языке ПДТП отражают более древнее состояние языка, когда винительный падеж был только средством выражения определенности.⁴² Следует указать, что в древнейших рунических памятниках нет примеров употребления винительного падежа как средства обозначения синтаксической функции вне связи со значением определенности. Подобные примеры могут быть отмечены в более поздних памятниках. Способность винительного падежа выступать в качестве формы прямого дополнения вне связи со значением определенности является

⁴¹ И в а н о в С.Н. К истолкованию многозначности грамматических форм, с.108.

⁴² И в а н о в С.Н. О сохранении в строе языка его прежних состояний, с.14.

⁴³ R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von Dr. W.Radloff. Neue Folge. СПб, 1897, S.77.

результатом развития более абстрактных, отвлеченных значений данного падежа: артиклевое значение более конкретно, оно теснее связано с выражаемой действительностью, чем значение прямого дополнения. Развитие абстрактных значений винительного падежа отражает процесс все большего абстрагирования, действующий в языке. Вместе с тем использование винительного падежа в качестве формы прямого дополнения вне связи со значением определенности связано с тенденцией к передаче различных синтаксических функций различными формами. Факультативность употребления винительного падежа в языке ПДТП при оформлении отстоящего прямого дополнения является реликтом более древнего состояния языка, когда форма винительного падежа была лишь средством выражения определенности.

Родительный падеж противостоит основному падежу как форма конкретно-предметного определения форме отвлеченно-предметного определения и соотносится с винительным падежом как форма конкретно-предметного определения с формой конкретно-предметного прямого дополнения. В позиции отстоящего определения и предиката родительный падеж противостоит всем остальным падежам. Это положение, сформулированное применительно к старозубецкому⁴⁴ и современному турецкому⁴⁵ языкам, в значительной мере справедливо и для языка ПДТП. В то же время особенности употребления родительного падежа в языке памятников позволяют сделать некоторые выводы о более древнем состоянии тюркских языков. Использование формы родительного падежа в качестве средства обозначения конкретно-предметного определения в языке ПДТП носит факультативный характер. При этом определение с конкретно-предметным значением может быть в форме основного падежа и в отстоящей позиции: Лу канн эрдэнилиг балыкка ордука таггэй сиз 'вы достигнете украшенного драгоценностями города и дворца царя драконов' (КП 39, 3). Особенно часто определение с конкретно-предметным значением имеет форму не родительного, а ос-

⁴⁴ И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрк, с.70-73, 193.

⁴⁵ И в а н о в С.Н. 1) Курс турецкой грамматики, I, с.28-30, 84-85; 2) К истолкованию многозначности грамматических форм, с.108.

новного падежа в наиболее древних памятниках – рунических надписях. В этих памятниках родительным падежом оформляются только имена существительные, обозначающие лиц, и личные местоимения. Факультативность использования родительного падежа в позиции определения с конкретно-предметным значением в языке ПДП объясняется тем, что в языке памятников родительный падеж выражал прежде всего значение определенности, как определенности артикль в индоевропейских языках. В том случае, если определенность выражалась какими-либо другими средствами, например аффиксами принадлежности, лексически (определение – имя собственное) или контекстом, необходимости в аффиксе родительного падежа не было. Факультативность употребления формы родительного падежа наблюдается и в более позднем памятнике – Кутадгу билик.⁴⁶ Следовательно, можно сделать вывод о том, что первоначально родительный падеж выполнял "артиклевую" функцию и еще не входил в два ряда грамматических оппозиций. Таким образом, этот падеж находился на периферии системы падежей. В дальнейшем в результате развития более абстрактных, отвлеченных значений родительный падеж стал использоваться не только как средство выражения определенности, но и как форма определения (в позиции отстоящего определения) без прямой связи с понятием определенности. В современных тюркских языках родительный падеж уже полностью входит в два ряда грамматических оппозиций. Однако в языке ПДП процесс вхождения родительного падежа во второй ряд грамматических оппозиций еще не завершился.

Дательный падеж так же, как и в современных тюркских языках,⁴⁷ обладает очень широким кругом значений. Своими обстоятельственными значениями он противопоставит местному и исходному падежам. За пределами обстоятельственных (конкретных, пространственных) значений дательный падеж передает различные объектные значения. Большая часть этих значений связана с понятием направленности действия (адресатные значения). Однако вместе с тем дательный падеж обладает рядом значений, не имеющих соб-

⁴⁶ Ш е р б а к А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана, с.86.

⁴⁷ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч. I, с.30-43, 80-81.

ственно адресатного характера: дательный падеж может обозначать объект, вызывающий ответную реакцию, какую-либо эмоцию, объект ответного действия, объект со значением причины, объект, вызывающий в качестве эквивалента какое-либо предметное возмещение. Дательный падеж является антиподом исходного падежа в пространственном значении, но если дательный и исходный падежи не имеют конкретных пространственных значений, различия этих падежей могут нейтрализоваться и одни и те же глаголы управляют дательным и исходным падежами: *Ўз кылың кылыңчарыңа эртину уятсар эймэнсар* 'Если они будут очень стыдиться собственных деяний' (СЗБ I4I, 6) (глагол *уят-* 'стыдиться' управляет дательным падежом). *Уятмагулук савта уятурлар* 'Они стыдятся слов, которых не следует стыдиться' (ТТ УШ, Е 49) (глагол *уят-* управляет местно-исходным падежом, фонетическим вариантом исходного падежа). *Ўч оглыма адырылдым* 'Я разлучился с тремя моими сыновьями' (Е II,2) (адырыл- 'разлучаться' управляет дательным падежом). *Амраклартын адырылгулук зигэк* 'Страдания из-за разлуки с любимыми' (СЗБ 609, 3) (глагол адырыл- управляет исходным падежом). Приведенные примеры показывают, что в языке ЦДТП противоречивость значений дательного падежа может достигать полной противоположности. Материалы памятников позволяют сделать вывод о том, что в период их создания противоречивый характер значений дательного падежа достиг очень высокой степени развития. Это свидетельствует о высокой ступени развития данной формы. Таким образом, в языке ЦДТП дательный падеж полностью входит в два ряда грамматических оппозиций. В пределах малого ряда он противопоставлен своим конкретными, пространственными значениями местному и исходному падежам, а своими объектными значениями он соотносится со всеми падежами в целом. Дательный падеж в языке ЦДТП имеет те же абстрактные значения, что и в современных тюркских языках.

Местный падеж своими обстоятельственными значениями противостоит дательному и исходному падежам. Он может передавать также значения, имеющие абстрактный характер: значение среды и объектное значение, сохраняющее связь с семантикой местонахождения. В то же время в языке ЦДТП местный падеж еще не образует форм управяемого дополнения, как в современных тюркских язы-

ках.⁴⁸ В современном турецком языке значения управляемого объекта у местного падежа связаны с таким типом его употребления при котором слово в местном падеже выражает большей частью действие или какой-либо процесс. Эти значения местного падежа выходят за рамки непосредственного соотнесения со значениями дательного и исходного падежей и входят в ряд значений управляемых дополнений. Уже в языке ПДТП можно отметить тенденцию преобразованию пространственного значения в объектное, но степень развития абстрактной стороны значений местного падежа еще не достигла той степени развития, которая позволила бы ему полностью войти во второй ряд грамматических оппозиций. Это произошло позже, в процессе дальнейшего развития абстрактных значений местного падежа. В языке ПДТП более ярко проявляются его конкретные, пространственно-временные значения. Данная особенность языка ПДТП отражает более древнее состояние, когда местный падеж имел только конкретные, пространственные и временные значения.

Исходный падеж своими обстоятельственными значениями противопоставителен дательному и местному падежам. С обстоятельственными значениями исходного падежа связаны различные объектные значения с "отложительной" семантикой. Таким образом, уже в языке ПДТП исходный падеж входит в два ряда оппозиций. Своими обстоятельственными значениями он противопоставлен дательному и местному падежам, передавая значение исходного пункта в пространстве и времени, своими объектными значениями противопоставляется всем остальным падежам как форма управляемого объекта. Однако степень развития внутренней двойственности значений исходного падежа в языке ПДТП не столь значительна, как в современных турецких языках. В языке ПДТП все значения этого падежа связаны с семантикой отложительности. В современных турецких языках характерным признаком исходного падежа является "расщепление сложной гаммы значений на противоположные группы значений отложительных и приложительных".⁴⁹ При этом в некоторых

⁴⁸ Там же, с.82-83.

⁴⁹ Иванов С.Н. К истолкованию многозначности грамматических форм, с.106.

случаях приложительные значения, присутствующие в чиде оттенка в ряде типов дополнения, выражаемого данным падежом, оказываются преобладающими. Особенности употребления исходного падежа в языке ПДТП показывают, что он входит в два ряда оппозиций, но круг значений, благодаря которым он противопоставляется, всему склонению в целом, несколько уже, чем в современных тюркских языках, а также и в староузбекском языке. Однако уровень развития абстрактной стороны значений исходного падежа в языке ПДТП очень высок. Об этом говорит широкий диапазон значений, не связанных непосредственно с пространственной и временной семантикой.

Дательно-направительный, инструментальный и сравнительный падежи занимают обособленное положение в системе падежей. Эти падежи имеют устойчивые адвербиальные значения. Дательно-направительный падеж передает только пространственные значения, обозначая объект, к которому направлено действие в пространстве. Инструментальный падеж передает преимущественно орудийные значения, сравнительный падеж передает чаще всего значения сравнения, уподобления, реже пространственные. Для этих падежей характерно преобладание конкретных, мотивированных значений. Во многих случаях формы указанных падежей приближаются к наречиям.⁵⁰ Обращает на себя внимание известная ограниченность семантики имен, оформляемых аффиксами дательно-направительного и инструментального падежей. Аффикс дательно-направительного падежа чаще всего сочетается с существительными, обозначающими место, аффикс инструментального падежа очень редко сочетается с существительными, обозначающими лиц.

Особый интерес представляет форма дательно-направительного падежа. Она употребляется преимущественно в древнейших памятниках — рунических и манихейских. В более поздних памятниках она используется редко. Уже в языке ПДТП дательно-направительный падеж находится на периферии категории склонения. Дательно-направительный падеж соотносится с дательным, местным и исходным падежами. Таким образом, он входит в малый ряд форм. Однако в отличие от других падежей своего ряда дательно-направ-

⁵⁰ Н а с и л о в В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963, с.35.

дательными падеж не выступает в качестве формы управляемого до-
полнения, так как выражает только конкретные, пространственные
значения. Именно отсутствие у этого падежа абстрактных, немо-
тивированных значений обуславливает вхождение его лишь в один
ряд оппозиций и его периферийное положение в системе падежей
языка ЦДТН. Особенности дательного-направительного падежа могут
быть объяснены либо тем, что он первоначально входил в число
основных падежных форм и был древней формой дательного паде-
жа,⁵¹ либо тем, что он представляет собой сочетание формы да-
тельного падежа -га с элементом -ру.⁵² В первом случае датель-
но-направительный падеж утратил более абстрактные значения и
сохранил лишь конкретные пространственные значения. Во втором
случае (с нашей точки зрения, это вероятнее) форма -гару еще не
успела развить абстрактную, немотивированную сторону своих зна-
чений. Вхождение дательного-направительного падежа лишь в один
ряд оппозиций объясняет его неустойчивое положение в системе
падежей и последующий выход из этой системы. Утрате продуктив-
ности формой дательного-направительного падежа способствовала
тенденция к выражению близких значений одной формой. Дательно-
направительный падеж обозначал объект, по направлению к кото-
рому совершается действие. Но такое же значение мог передавать
и дательный падеж. В результате дательного-направительный падеж
утратил продуктивность.

Исследование системы падежей в языке ЦДТН и сравнение ее
с системой падежей в современных турецких языках позволяют сде-
лать следующие выводы.

I. Каждая падежная форма проявляет тенденцию к вхождению
в два ряда грамматических оппозиций – в рамках малого ряда и в
рамках большого ряда, т.е. в рамках категории склонения в це-
лом. В первом случае падежи противопоставляются ближайшим кор-
релятам по семантическим признакам, во втором – на основе раз-
личия синтаксических функций.

⁵¹ Ш е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии
турецких языков, с.49.

⁵² С е в о р т я н Э.В. Категория падежа. ИСГТЯ. II, с.60.

2. Система оппозиций у категории склонения является результатом длительного развития и сложилась вследствие того, что падежные формы получили способность передавать не только более конкретные, мотивированные значения (например, значение определенности), но и абстрактные, отвлеченные значения (например, значение прямого объекта). Противоречивая двойственность каждой падежной формы обусловлена тем, что она имеет как конкретное, так и абстрактное значения. Абстрактное значение развивается в силу свойственной языку тенденции к передаче более общих понятий. В современном турецком языке у каждого падежа есть ряд значений и функций, которые выходят за пределы противопоставления падежей внутри своего ряда и создают сеть оппозиций в рамках категории склонения в целом. В этой сети оппозиций основной падеж, соемеща в себе противоречивые значения, противопоставляется всем остальным падежам как падеж подлежащего; дательный, местный, исходный, винительный падежи выступают как формы управляемого дополнения, т.е. соотносятся с основным падежом по линии объект - субъект, а родительный падеж представляет собой противостоящую всем падежам специфическую относительную форму имени.⁵³ Значения, выходящие за пределы противопоставления падежей внутри своей группы (малый ряд), сложились постепенно в процессе развития абстрактных значений падежей. Этот процесс находит свое отражение в особенностях употребления падежей в языке ПДТП. Развитие абстрактных значений падежных форм приводит к вхождению их во второй ряд грамматических оппозиций - в рамках всего склонения в целом.

3. Различные падежи вошли в систему склонения в различное время. (Мы подразумеваем под вхождением в систему склонения вхождение падежа в два ряда оппозиций - в рамках своего малого ряда и всей системы падежей в целом.) Чем выше степень развития внутренней противоречивости падежа, тем раньше он вошел в систему падежей. Сильнее всего противоречивость значений, достигающая до противоположности значений, развита в языке ПДТП у дательного падежа. Это свидетельствует о том, что он уже очень давно вошел в два ряда оппозиций. Высокой степени развития до-

⁵³ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч. I, с. 85.

стигает также противоречивость значений исходного падежа. Несколько слабее развита двойственность значений у местного падежа. В языке ЦДТТ он еще не используется в качестве формы управляемого дополнения. У винительного и родительного падежей еще преобладает "артиклевое" значение, что показывает их относительно недавнее вхождение в систему падежей. Об этом говорит и факультативность употребления, являющаяся отражением периферийного положения в категории склонения.

4. В процессе развития абстрактных значений отдельные падежи переходят с периферии в состав основных форм категории склонения, что отражается в их вхождении во второй ряд оппозиций - в рамках категории склонения в целом. Примером такой формы может служить винительный падеж. Первоначально основной функцией этого падежа было выражение определенности. Лишь позже он стал формой прямого дополнения, независимо от значения определенности, и вошел во второй ряд оппозиций. Таким образом, винительный падеж перешел с периферии категории склонения в число основных форм. С другой стороны, форма, находящаяся на периферии, может вообще выходить из системы падежей. Это произошло с формой дательно-направительного падежа. В языке ЦДТТ эта форма находится на периферии категории склонения и противопоставляется только дательному, местному и исходному падежам, выражая конкретные, пространственные значения.

5. Вхождение падежа в два ряда оппозиций связано с тенденцией к выражению различных значений и различных синтаксических функций различными формами. Так, винительный падеж в малом ряду противопоставляется основному падежу в позиции прямого дополнения в прилегающей позиции как форма со значением определенности. Различные значения передаются различными формами: определенность - винительным падежом, неопределенность - основным (под неопределенностью в данном случае мы подразумеваем и отвлеченно-предметное значение). В позиции отстоящего прямого дополнения винительный падеж является формой прямого дополнения и в этом значении противопоставляется всем остальным падежам. В данном случае различные синтаксические функции передаются различными формами. Сопоставление значений падежей в языке ЦДТТ и в современных тюркских языках показывает, что в целом в тюркских языках наблюдается усиление синтаксических зна-

чений. В то же время семантические и синтаксические значения находятся в неразрывном единстве. Это единство является характерной типологической особенностью как тюркских, так и некоторых других агглютинативных языков, в частности финно-угорских.

6. В тюркских языках происходит четкая дифференциация дательного, местного и исходного падежей. В языке ПДТП дательный падеж мог передавать значение места, где совершается действие, падеж с аффиксом -да мог иметь не только локативные, но и директивные и аблативные значения. В современных тюркских языках значения падежей дифференцированы более четко: обычно директивные значения выражаются дательным падежом, локативные — местным, аблативные — исходным (аффикс -дан в различных фонетических вариантах). Дифференциация значений дательного, местного и исходного падежей отражает тенденцию к передаче разных значений разными формами.

7. Тенденция к выражению близких значений одинаковыми формами способствует выходу падежных форм, находящихся на периферии категории склонения, из системы падежей. Дательно-направительный падеж передавал значения, близкие к значениям дательного падежа. Значения инструментального падежа могли выражаться послелогом бирлэ. В результате дательно-направительный и инструментальный падежи утратили продуктивность и вышли из категории склонения.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Категория принадлежности представлена аффиксами принадлежности. Эта категория выражает притяжательность в составе слова и в составе словосочетания, первый компонент которого личное местоимение: оглуң кишиң 'твои дети и жена' (ТТ I, 154), сачы 'ее волосы' (ТТ X, 435), бәниң бодунум 'мой народ' (Т 21), бизин кулагымыз 'наши уши' (Ман. III, 26, 2). В языке ПДТП, как и в современных тюркских языках, категория принадлежности выражает не только принадлежность, но и притяжательность в широком смысле этого слова.⁵⁴ При сочетании аффикса принадлежности

⁵⁴ С е в о р т я н Э. В. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, II, с. 43.

с именами существительными, имеющими абстрактное значение, особенно с именами действия и послелогом реальная семантика принадлежности утрачивается, и категория принадлежности указывает только на отношение к лицу: ⁵⁵ коркынчым эмгэким 'мой ужас терзания' (СЗБ Ю, 6) үскүндө 'при тебе же' (ТТ I, 27).

Если первый компонент словосочетания — имя существительное конкретно-предметным значением, то аффикс принадлежности 3-го выражает не только притяжательность, но и выступает в качестве грамматического показателя отношения предметов: Бу лабайнын 'Звук этого рожка' (ТТ VII, 28, 30). Если определение имеет отвлеченно-предметное значение, то аффикс принадлежности 3-го полностью утрачивает соотносительность с другими лицами и выражает только отношение определения к определяемому: Браман огушнта эрсэр 'Если он будет из касты браманов' (Уйг. II, 35, 33).

В составе предложения аффикс принадлежности 3-го л. может выражать контекстуальную отнесенность: Төрт булунтак эдгүсү ары 'Самые лучшие и могущественные четырех частей света' (ТО 42). Йагыл тэди йагмыш бэн эртим 'Он сказал: "Присоединяйся" Присоединившимся был я' (Т 5).

Особенностью языка ЦДТП является то, что в словосочетании первый компонент которого имя существительное в родительном падеже, аффикс принадлежности при определяемом может отсутствовать. Это характерно для древнейших рунических памятников: Каганың ичреки бәдизчи 'Придворные мастера кагана' (Км 12). Йаглылиг бәгиң кәдмилиг торыг ат 'Оседланный гнедой конь Йаглылиг бека' (Кб 33).

Данные языка ЦДТП показывают, что двойственность категории принадлежности в нем имела много общего с двойственностью этой категории в современных тюркских языках. ⁵⁶ В составе слова аффиксы принадлежности противостоят друг другу как формальные показатели трех лиц и двух чисел, обладающие значением притяжательности. Аффикс принадлежности 3-го л. с категорией числа не соотносится. В составе словосочетания аффиксы принадлеж-

⁵⁵ И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрков, с.101.

⁵⁶ И в а н о в С.Н. Курс тюркской грамматики, ч. I, с. 57.

ности противостоят друг другу по значению лица и притяжательности. В словосочетаниях, первый компонент которых имя существительное с конкретно-предметным значением, аффикс принадлежности 3-го л. противостоит аффиксам 2-го и 3-го л. как форма грамматического выражения отнесенности одного предмета к другому. Если определение выражено существительным с отвлеченно-предметным значением, то аффикс принадлежности 3-го л. полностью теряет соотношенность с лицом. Следовательно, в словосочетаниях, оба компонента которых имена существительные, аффикс принадлежности 3-го л. противостоит аффиксам принадлежности всех трех лиц, являясь грамматическим средством, выражающим уже не лично-притяжательное, а предметное отношение. В то же время аффикс принадлежности 3-го л. как средство выражения предметного отношения в языке ЦДТП может отсутствовать, если первый компонент выражен именем существительным с конкретно-предметным значением. В современных турецких языках употребление аффикса принадлежности в этом случае обязательно, если второй компонент словосочетания имя существительное нарицательное. Данная особенность языка ЦДТП отражает более древнее состояние, когда аффикс принадлежности 3-го л. выражал только конкретное значение - значение притяжательности. В дальнейшем в результате развития абстрактного значения аффикса принадлежности 3-го л. он стал использоваться как средство выражения предметного отношения, и его употребление стало обязательным. Таким образом, в категории принадлежности можно видеть действие тенденции к расширению абстрактных, немотивированных значений грамматических форм.

ГЛАГОЛ

формы словообразования глагола

Г л а г о л ь н о - и м е н н ы е о с н о в ы

В языке ЦДТП по своей форме основы в большинстве случаев четко разделяются на именные и глагольные. В то же время имеется ряд глагольно-именных омоформ: тия 'дыхание' и тия- 'дышать', оң 'правый', 'правдивый' и оң- 'улучшаться', ой 'углуб-

ление' и ой- 'делать углубление', тап 'внешняя сторона' и тап- 'переливаться через край', кош 'пара' и кош- 'соединять', а 'голод' и ач- 'голодать'. Глагольно-именная омонимия является реликтом того периода истории тюркских языков, когда еще не произошло четкой формальной дифференциации именных и глагольных основ.⁵⁷ В языке ЦДТД мы находим лишь следы этого древнего состояния. Четкая формальная дифференциация именных и глагольных основ в тюркских языках является результатом действительной тенденции к выражению различных значений различными формами.

Ф о р м ы о б р а з о в а н и я г л а г о л ь н ы х о с н о в о т и м е н

Глагольные основы образуются от имен с помощью следующих аффиксов: -а ~ -и ~ -у, -га, -гар, -гыр, -(а)д, -да, -к, -л, -мси, -(а)р, -ра, -рка, -си, -сыра. Аффиксы -га, -гар, -гыр, -да, -к, -мси, -(а)р, -ра, -рка, -си используются очень редко. Наибольшей продуктивностью обладает аффикс -ла. Аффикс -(а)л образует от имен существительных непереходные глаголы со значением "приобретать качества, свойства, присущие исходной основе". Аффикс -(а)р образует непереходные глаголы от имен прилагательных со значением "приобретать свойства, качества, присущие исходной основе". Аффикс -сыра образует глаголы со значением потери того, что выражено исходной основой. С помощью аффикса -мси от имен существительных образуются глаголы со значением 'считать себя'. С помощью остальных аффиксов образуются глаголы со значением процесса действия, выведенного из значения исходной основы. Конкретное значение производных основ зависит от лексического значения исходной основы.

-а ~ -и ~ -у: күч 'сила' - күч-а- 'принуждать', сан 'число' - сан-а- 'считать', аш 'пища' - аш-а- 'есть', ат 'имя' - ат-а- 'называть', өрт 'огонь' - өрт-а- 'жечь', йаш 'возраст' - йаш-а- 'жить', 'быть в возрасте', суз 'вода' - суз-а- 'орошать', бош 'пустой' - бош-у- 'освободить', өл 'влажный' - өл-и- 'мокнуть'.

⁵⁷ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с.32-40.

-(а)д: кут 'счастье' - кут-ад- 'стать счастливым', буң 'печаль' - буң-ад- 'печалиться', кул 'раб' - кул-ад- 'стать рабом', күң 'рабыня' - күң-эд- 'стать рабыней', йагы 'враг' - йагы-д- 'стать врагом'.

-га: эринч 'жалкий' - эринч-кэ- 'проявить жалость', кыз 'скупой' - кыз-га-н- 'скупиться' (-н - аффикс возвратного залогов).

-гар: чын 'истина' - чын-гар- 'познать истину', бир 'один' - бир-гэр- 'соединить', тбз 'корень' - тбз-кэр- 'доходить до основания'.

-гыр: ай (междометие) - ай-гыр- 'кричать'.

-да: үн 'голос' - үн-дэ- 'звать', из 'след' - ис-тэ-т- 'послать искать' (-т аффикс понудительного залогов), ал обман - ал-да- 'обмануть'.

-к: ич 'внутренность' - ич-ик- 'подчиняться' (букв. 'идти внутрь'), таг 'гора' - таг-ик- 'подниматься в горы', таш 'наружная сторона' - таш-ик- 'выходить', йол 'дорога' - йол-ук- 'встретиться', бир 'один' - бир-ик- 'соединяться', агу 'яд' - агу-к- 'отравиться'.

-(а)л: тусу 'польза' - тусу-л- 'быть полезным', али 'герой' - али-ал- 'проявить героизм'.

-ла (наиболее продуктивный аффикс образования глагольных основ от имен в языке ЦДТ): кылыч 'меч' - кылыч-ла- 'зарубить мечом', куш 'птица' - куш-ла- 'охотиться на птиц', сөз 'слово' - сөз-лэ- 'говорить', аб 'охота' - аб-ла- 'охотиться', танчу 'кусочек' - танчу-ла- 'резать на куски', таң 'чудо' - таң-ла- 'восхищаться', күни 'зависть' - күни-лэ- 'завидовать', таң 'зая' - таң-ла- 'светать', сү 'войско' - сү-лэ- 'воевать'.

-мсин: атак 'слава' - атак-ымсин- 'мнить себя прославленным', бөг 'бек' - бөг-имсин- 'считать себя беком'.

-(а)р: кара 'черный' - кара-р- 'чернеть', йаш 'зеленый' - йаш-ар- 'зеленеть'.

-ра: кэк 'вражда' - кэк-рэ-ш- 'враждовать друг с другом'.

-рка: али 'трудность' - али-рка-н- 'испытать трудность', тсуй 'материнская любовь' - тсуй-урка- 'проявить жалость'.

-си: эрк 'сила' - эрк-си-н- 'господствовать'.

-сыра (образует глаголы со значением потери, отсутствия того, что выражено исходно основой): каган 'каган' - каган-

сыра- 'лишиться кагана', өг разум - өг-сирэ- 'лишиться разума'
татыг 'вкус' - татыг-сыра- 'лишиться вкуса', уруг 'потомство'
уруг-сыра- 'лишиться потомства'.

Ф о р м ы о б р а з о в а н и я г л а г о л ь н ы х о с н о в о т г л а г о л ь н ы х о с н о в

Глагольные основы образуются от глагольных основ с помощью аффиксов -гса и -ма.

-гса образует глагольные основы, выражающие желание совершить действие, обозначаемое исходной основой: бар- 'уходит' - бар-игса 'хотеть уйти', көр- 'видеть' - көр-үгсэ- 'хотеть видеть', кир- 'входить' - кир-игсэ- 'хотеть войти'.

-ма образует отрицательные основы от всех глагольных основ: көзүн- 'быть видимым' - көзүн-мэ- 'быть невидимым', кәлтүр- 'приводить' - кәлтүр-мэ- 'не приводить', көрүгсэ- 'хотеть видеть' - көрүгсэ-мэ- 'не хотеть видеть'.

Категория залога

О б щ а я х а р а к т е р и с т и к а

Категория залога характеризуется сложным переплетением грамматических (словоизменительных) и лексических (словообразовательных) значений.

Залоги образуются с помощью ряда аффиксов. Аффиксы -л, -сык, -тык и -к передают страдательно-возвратные значения, аффикс -ш - взаимно-совместные, аффиксы -гур, -гар, -р (соединительный гласный перед -р чаще всего узкий губной, реже узкий негубной или широкий гласный), -э, -дур, -диз, -т (может присоединяться к основе на согласный и без соединительного гласного), -гыт - каузативные. В языке ЦДТГ одинаковые залоговые значения часто передаются различными аффиксами. Правда, происходит известная дифференциация аффиксов, имеющих одинаковое значение, в зависимости от конечного звука исходной основы. После основ на гласный и -л чаще употребляется аффикс страдательно-возвратного залога -н, после основ на гласный, р и й большей

частью используется каузативный аффикс -т. Однако это не является правилом: кыл-ни- и кыл-ил- 'быть сделанным', олур-т- 'приказать убить' и бэр-түр- 'заставить дать', тур-гур- 'заставить встать' и көр-гет- 'показать', ай-ыт- 'заставить сказать' и туй-уз- 'заставить понять', тэ-т- 'заставить сказать' и йэ-дур- 'накормить'. Выражение одинаковых значений различными аффиксами залогов отражает смешанный, наддиалектный характер языка ПДТТ.

При исследовании категории залога в языке ПДТТ мы исходим из того положения, что необходимо четко разграничить значения залоговых аффиксов как показателей объектных связей производных глаголов, с одной стороны, и как формантов со значением субъектной характеристики непроеизводной (исходной) основы — с другой.⁵⁸

Страдательно-возвратный залог

Данные языка ПДТТ показывают, что сфера страдательного и возвратного значений характеризуется сложным взаимодействием и переплетением лексических и грамматических значений в рамках единого страдательно-возвратного залога.⁵⁹

Максимум грамматичности страдательно-возвратного залога наблюдается у глаголов с косвенно-возвратным значением. Эти глаголы сохраняют способность сочетаться с прямым дополнением. Объектная характеристика вторичной основы не изменяется по сравнению с исходной основой, и аффикс залога -н выражает собственно грамматическое значение субъекта действия исходной основы — значение действия, совершаемого субъектом для себя, в своих интересах: Ол йалацуклар канын эдгү өгди йолчы йерчи алыни 'Взяв себе отличным, мудрым проводником хана тех людей' (СЗБ 432, 10). Туркару аш ичкү ипча колушынча ашанмак кэргэк 'Нужно, чтобы пищу и питье принимали всегда в положенное время' (Ман. III, 12, 3). Грамматическое значение косвенной возвратности проявляется у глаголов, которые без наличия прямого дополнения имеют прямо-

⁵⁸ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2. Грамматические категории глагола. Л., 1977, с.6.

⁵⁹ Там же, с.17.

К формам страдательно-возвратного залога в языке ПДТП относятся формы, образованные с помощью аффиксов -сык, -тык. Можно предположить, что первоначально эти аффиксы имели попутительное значение и вторичные основы с этими аффиксами лишь впоследствии приобрели пассивно-каузативное значение.⁶³ В языке ПДТП аффикс -сык образует вторичные основы со страдательным значением, аффиксы -тык и -к образуют вторичные основы с возвратно-страдательным значением: Утсукуп 'Будучи побежденным' (ТТ II, В 83). Бириси тутсукуп экагүси коркынчлык озар болур 'Один из них схвачен, а двое из них спасаются в сильном страхе' (СЗБ 620, 2I). Кэртгүнч күч бар болмыш үчүн 'Орт түрлүт шмнуларка чалоникмаз бастикмаз 'Благодаря существованию силы истинной веры он не будет разбит и подавлен четырьмя родами демонов' (ТТ V, В 29). Инчкүң мениң бултурмаз 'Для тебя не найдутся покой и радость' (ТТ I, 2I). Ограмыш иш бүтмез эткмаз 'Задуманное дело не совершится' (ТТ I, 75).

В з а и м н о - с о в м е с т н ы й з а л о г

В языке ПДТП взаимно-совместный залог имеет взаимно-совместное и совместное значения. Если вторичная глагольная основа имеет взаимно-совместное значение, то изменяются объектные связи исходной основы (исходная основа имеет переходное значение). Вторичная основа получает способность сочетаться с дополнением, представляющим собой имя в сочетании с послелогом бирле. В то же время меняется характеристика субъекта действия: аффикс залога показывает, что действие совершается несколькими субъектами, причем действие направляется ими друг на друга. При отсутствии дополнения в основном падеже с послелогом бирле в форме залога преобладает субъектная характеристика действия. Таким образом, при взаимно-совместном значении форма залога имеет лексические и грамматические значения: Иним күл тагин бирле сөздөшкөмиз 'Мы переговаривали с моим младшим братом Коль-Течином' (КБ 26). Күңли айлы көрүшди 'Солнце и лу-

⁶³ К о р м у ш и н И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках. - В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978, с. 41-43.

на встретились' (ТТ I, 92). Алкугун сэвишэуилэр 'Пусть все любят друг друга' (СЗБ I20, 4).

Если вторичная глагольная основа имеет совместное значение, объективные связи не изменяются, меняется только характеристика субъекта действия, аффикс залога показывает, что действие совершается сообща несколькими субъектами. В этом случае форма залога имеет грамматические значения: Бир унин сыгташтылар 'Они рыдали в один голос' (Уиг. Ш, 23, 6). Балык удушта бу номут истеп тапшымады 'В городах и селениях искали эту книгу и не нашли' (СЗБ I7, 7).

Понудительный залог

Первичное значение понудительного залога - направленность действия от субъекта действия, выражаемого вторичной глагольной основой, вовне, на объект.⁶⁴ Формы понудительного залога в языке ЦДП образуются от непереходных и переходных основ. Если аффикс понудительного залога присоединяется к непереходной глагольной основе, то он сообщает ей значение переходности, тесно связанное с каузативным значением (а), если аффикс понудительного залога сочетается с переходной глагольной основой, то он сообщает основе только значение каузативности (б). В первом случае отношения между субъектом и прямым объектом осуществляются теми же актантами, новый участник действия не вводится, реальный производитель действия выступает как подлежащее (форма собственно понудительного залога). Во втором случае вводится новый участник действия, реальный производитель действия не совпадает с подлежащим (каузатив).⁶⁵ Этот участник действия или подразумевается из контекста или выражается формой дательного падежа.

а) Иатылыг тургуру йорийур мэн 'Я иду, заставляя встать лежащих' (ТС II, 31). Түнэриг тамутын тözүни озгуртдуз 'Ты спас всех из мрачного ада' (ТТ Ш, 68). Баш агрыг игиг кэгэрсүн 'Пусть удалит головную боль' (Уиг. II, 68, 5). Бу түрк бодунка йарык-

⁶⁴ Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, с.520.

⁶⁵ Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с.102-103.

лыг йагыг кэлтүрмэди 'К этому тюркскому народу я не приводил врагов, облаченных в кольчуги' (Т 54).

б) Түрк билгэ каган элиңэ бититдим 'Я приказал написать для народа тюркского Бильге-кагана' (Т 58). Йаглыг аш йэдүрмиш кәріэк 'Надо кормить жирной пищей' (Рах, II, 3, 43). Ким кайу тынлыг бу ном битигиг битисәр бититсәр окнсәр окытсәр 'Если кто-нибудь переписшет эту сутру или заставит переписать, прочтет или заставит прочитать' (ТТ VI, 51). Ол йаңаларга көмән аш йуттуруп 'Заставив тех слонов проглотить пищу, подвергавших их воздействию чар' (СЗБ 605, 12).

В языке ЦТТ форма понудительного залога может также передавать пассивно-каузативные значения: Ким кайу төзүнләр огли кызы азу йәккә ичкәккә басынтурмыш болсар 'Если кто-нибудь из сыновей благородных и дочерей благородных, совратившись, будет поработен демонами и духами' (ТТ III, 40, 37). Киши күчи корсар йад кишикә басытур 'Если лишить силы людей (букв. 'если сила людей уменьшится'), они будут покорены иноземными людьми' (ТТ I, 56). Бу ырк кимкә кәлсәр сүдә әрсәр санчтур 'Кому покажется это знамение, если он будет на поле битвы, быть ему прозненным' (ТТ I, 66).

Каузативные показатели могут выражать пассивные отношения и в некоторых современных тюркских языках - якутском, тувинском, хакасском, алтайском.⁶⁶ Совмещение каузативных и пассивных значений свойственно и языкам других систем.⁶⁷ Э.В.Севортян указывает, что оттенки значения понудительного залога могут варьировать от понуждения до пассивного допущения; если объектом такого пассивного допущения является само действующее лицо, то оно в реально-физическом смысле ничем не отличается от

⁶⁶ У б р я т о в а Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950, с.116; И с х а к о в Ф.Г., П а л ь м - б а х А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с.274; Л е т я г и н а Н.И., Н а с и л о в Д.М. Пассив в тувинском языке. - СТ, 1974, № I, с.19-24; Д и р е н - к о в а Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, с.69; Г р а м м а т и к а алтайского языка. Казань, 1869; К о р - м у ш и н И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках, с.84.

⁶⁷ Н е д я л к о в В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л., 1971, с.85-107, 168-169.

действующего лица при страдательном залоге, так как и в том и в другом случае действующему лицу навязывается какое-то действие.⁶⁸ А.А.Пальмбах следующим образом объясняет механизм использования формы понудительного залога для выражения страдательных значений в тувинском языке: "Предмет А заставляет (побуждает) предмет Б что-то сделать с ним (с предметом А)...[т.е.] предмет А подвергается данному действию со стороны предмета Б".⁶⁹ Обычно в языке ПДТТ в каузативных конструкциях с пассивным значением используются глаголы, обозначающие действие, совершающееся во вред субъекту действия, выражаемого вторичной глагольной основой: басыт- 'быть поработанным', санчыт- 'быть пронзенным'. Аналогичное явление наблюдается и в других языках, в которых совмещаются каузативное и пассивное значения.⁷⁰ Субъект действия, выражаемого исходной глагольной основой, передается в языке ПДТТ формой дательного падежа или может мыслиться как неопределенный (неопределенно-личное значение): Иад кишике басытур 'Будут покорены иноземными людьми'. Санчытур 'Будет пронзен'.

Семантическая связь конструкций с формой страдательного залога и с формой понудительного залога в пассивном значении обусловлена, с нашей точки зрения, тем, что в обоих случаях действие, выражаемое исходной основой, направлено на субъект действия, выражаемого вторичной основой.

Соотношение лексических и грамматических значений в формах понудительного залога в языке ПДТТ имеет такой же характер, как и в современных тюркских языках.⁷¹ При сочетании с переходными основами аффиксы понудительного залога изменяют объектные связи исходных основ: вторичные основы получают возможность сочетаться с дополнением в основном или винительном па-

⁶⁸ Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, с.522.

⁶⁹ Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка, с.274.

⁷⁰ Кормушин И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках, с.84.

⁷¹ Иванов С.И. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.23-29.

деже (лексическое значение). В то же время аффикс залога характеризует субъект действия исходной основы как побуждаемый к совершению действия. Фактический исполнитель действия выражается прямым дополнением. При сочетании с переходными основами аффиксы понудительного залога изменяют объектные связи исходных основ: вторичные основы приобретают способность сочетаться с дополнением в дательном падеже или дополнением в форме основного падежа в сочетании с послелогом *ўзэ*, которые выражают фактического исполнителя действия. Одновременно аффикс залога характеризует субъект действия исходной основы как побуждаемый к совершению действия. Следовательно, аффиксы понудительного залога всегда изменяют объектные связи исходной основы. Степень грамматичности значений форм понудительного залога различна. Если понудительный залог образуется от переходной основы, лексическое значение исходной основы не меняется, происходит только расширение объектных связей исходной основы. Поэтому в данном случае форма понудительного залога обладает наибольшей грамматичностью. Если же форма понудительного залога образуется от непереходной основы, то лексическое значение исходной основы может меняться и степень грамматичности меньше. Семантическая связь первичной и вторичной основ может нарушаться: *Өтрү ол ашчы эр оёклүнчүсүн алиг багкэ калүрүн* 'Тогда этот повар, принеся беку жаркое' (ТТ V, А, прим. 124). *Тэрс билигин айнг кылычын кэтэрмэк* 'Удаление ложного учения и дурных поступков' (ТТ VI, 19). В приведенных примерах вторичные основы *калүр-* 'приносить' и *кэтэр-* 'удалять' в известной мере утрачивают семантическую соотнесенность с исходными основами *кэл-* 'приходить' и *кэт-* 'уходить'.

С и с т е м а з а л о г о в в я з ы к е П Д Т П

Двойственный характер категории залога в тюркских языках проявляется в том, что в ней сочетаются лексические значения (объектные связи) и грамматические значения (субъектные). Аффиксы залогов имеют два ряда значений. Один ряд значений — расширение объектных связей глагола (словообразовательные значения), второй ряд значений — характеристика субъекта действия исходной основы (грамматические значения). Специфика залога как лексико-грамматической категории проявляется в том, что

в ней имеются как собственно грамматические противопоставления, так и противопоставления лексические.⁷²

Исследование категории залога в языке ПДТП показывает, что соотношение лексических и грамматических значений в формах залога в нем очень близко к тому, что наблюдается в тюркских языках в последующие периоды, например в староузбекском⁷³ и современном турецком⁷⁴ языках. Это свидетельствует о том, что уже в эпоху создания древнейших тюркских памятников категория залога полностью сформировалась. Таким образом, категория залога сложилась в тюркских языках в очень отдаленный период. Вместе с тем в языке ПДТП можно отметить некоторые особенности, позволяющие сделать определенные выводы о тенденциях развития, действующих в сфере залога. Круг грамматических значений страдательно-возвратного залога в языке ПДТП несколько уже, чем в последующие периоды (включая сюда и язык памятников XI-XII вв. — Кутадгу билик и Диван Махмуда Кашгарского).⁷⁵ В языке ПДТП отсутствуют формы страдательно-возвратного залога с неопределенно-личным значением, образованные от непереходных основ. Формы страдательно-возвратного залога с чисто страдательным значением употребляются в языке ПДТП ограниченно, особенно в древнейших памятниках. Так, в рунических надписях отмечено только 4 случая использования формы страдательно-возвратного залога в чисто страдательном значении.⁷⁶ Можно предположить, что собственно страдательные значения развились позже, чем страдательно-возвратные значения. Если субъект действия устраняется из высказывания, т.е. мыслится неопределенно-лично, то в языке ПДТП чаще всего используется не страдательно-возвратный залог, а 3-е л. действительного залога. Взаимно-совместный залог употребляется в совместном значении довольно редко. Указанные особенности можно объяснить тем, что формы с собственно-страдательным значением имеют более отвлеченный, абстрактный харак-

⁷² Там же, с.34.

⁷³ И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрков, с.117-134, 194.

⁷⁴ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.6-34.

⁷⁵ Н и г м а т о в Х.Г. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI-XII вв. — Акад. Баку, 1978, с.32.

⁷⁶ А х м е т о в М.А. Глагол в языке орхон-енисейских памятников. Саратов, 1978, с.56-57.

тер, чем формы со страдательно-возвратным значением. Совместно-множественное значение взаимно-совместного залога более обобщенное, чем взаимно-совместное. Таким образом, особенности использования залоговых форм в языке ПДТП отражают тенденцию к развитию более абстрактных и обобщенных значений. С другой стороны, более широкое употребление страдательно-возвратного залога в собственно-страдательном значении для выражения неопределенно-личных значений обусловлено действием тенденции к выражению различных значений различными формами. В языке ПДТП личная форма 3-го л. могла очень часто передавать как личные, так и неопределенно-личные значения. Использование формы страдательно-возвратного залога позволяет формально различать личные и неопределенно-личные значения.

Формы словоизменения глагола

В языке ПДТП можно выделить следующие формы словоизменения глагола: личные формы (наклонения), причастия, субстантивную форму (-мак), деепричастия. К причастиям и субстантивной форме тесно примыкают имена действия, утратившие глагольные признаки и перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных.

Н а к л о н е н и я

Общая характеристика

Категория наклонения выражает отношение действия к действительности. В языке ПДТП четыре наклонения: изъявительное, повелительное, желательное и условное. Изъявительное наклонение обозначает действие, которое воспринимается как реальное, оно выражено рядом простых и сложных временных форм. Повелительное наклонение выражает повеление, приказание, побуждение к действию, желательное наклонение – желание совершить действие, условное наклонение – условие, при котором может совершиться другое действие.

Изъявительное наклонение

Форма -гай используется в древнеуйгурских и манихейских памятниках и только в одном руническом памятнике – Гадательной

книге. В качестве предикативных показателей с формой -гай употребляются личные местоимения. В языке ПДП форма -гай выражает будущее действие, часто с модальными оттенками долженствования, возможности, иногда желания: Бу битигиг үч ката азу йети ката окызун ол бәүт йәкләр йәр алтынны эрлигиләр йәмә таплагайлар йәриг топракыг бош кодул баргайлар әвдә баркта ада туда болмагай асыг тусу болгай 'Пусть прочтет эту книгу три или семь раз. И те духи, демоны и подземные силы найдут это приятным, освободят землю и уйдут. В доме не будет несчастья, будет польза' (ТТ VI, 292-295). Ол алтун тагга тәгсәр сиз кәх линкуа көргәй сиз 'Когда вы достигнете той золотой горы, то увидите голубой лотос' (КП 38, 2). Мән амты йлүр мән коркмаң бушанмаң әсәң түкәл тәггәй сиз 'Теперь я умираю. Вы не бойтесь и не печальтесь. Вы дойдете здоровыми и невредимыми' (КП 40, 4). йлгәй мән 'Я умру' (ТС II, 61). Көңәки налүк тонгай ол күнәшкә олурур ол 'Как может замерзнуть его сосуд, ведь он находится на солнце' (ТС II, 88).

В более поздних тюркоязычных памятниках в форме -гай преобладает модальное значение желательности, ее включают поэтому в состав форм желательного наклонения, например в староузбекском⁷⁷ и староосманском⁷⁸ языках (староосманская форма -ja < -гай). В языке ПДП в форме -гай желательность выражена слабо. Как показывают приведенные примеры, в большинстве случаев модальный оттенок желания вообще отсутствует. Поэтому в языке ПДП форма -гай входит в состав форм изъявительного наклонения. Двойственный характер формы -гай в языке ПДП проявляется в том, что она имеет семантику долженствования, возможности, желательности и тем самым сближается с косвенными наклонениями. Именно эта сторона значений формы -гай способствовала ее переходу в состав форм желательного наклонения в период, последующий за эпохой создания памятников древнетюркской письменности. С другой стороны, форма -гай выражает будущее действие, причем модальность присутствует лишь в качестве дополнительного оттенка значения. Это сближает форму -гай с формами изъявительного наклонения. В таком значении форма -гай используется особенно

⁷⁷ И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрков, с.166-167.

⁷⁸ Г у з е в В.Г. Староосманский язык, с.59-60, 64.

часто в языке ЦДТ, что и позволяет включить ее в состав форм изъявительного наклонения.

Материал языка ЦДТ показывает, что первоначально форма -гай передавала будущее вне связи с настоящим. Будущее действие является "идеальным" для говорящего, если точка временного отсчета совпадает с моментом речи. Идеальное действие в зависимости от ситуации может передавать различные модальные оттенки, начиная от категоричности, долженствования и кончая возможностью, предположительностью. В языке ЦДТ форма -гай передавала различные модальные оттенки. Использование формы -гай и форм, восходящих к ней, в современных тюркских языках только для выражения желания обусловлено действием тенденции к выражению различных значений различными формами. За формой -гай закрепились одно модальное значение - значение желательности.

Форма -ды (прошедшее категорическое время) образуется с помощью аффикса -ды и предикативных показателей.

Предикативные показатели

Единственное число	Множественное число
1-е л. -м	-мыз
2-е л. -ң, в некоторых рунических памятниках -г	-ңыз, в некоторых руниче- ских памятниках -гыз
3-е л. -б	(-лар)

Прошедшее категорическое время обозначает однократное, компактное, нерасчлененное действие (а), многократное действие (б) длительное действие (в):

а) Таң таңлады уду йар йаруды уду кўн тоғды 'Заря занялась, потом осветилась земля, потом взошло солнце' (ТС II, 39). Ол өдүн ол куврагда сәкиз түмән төрт миң бодистылар алку бурхан билигичә тәгдиләр 'В то время в той общине восемьдесят четыре тысячи бодисатв все достигли мудрости будды' (ТТ УІ, 424). Анта ок кылычы эки өңи болуп йәркә түшти 'Затем его меч разломился надвое и упал на землю' (ТТ X, 357).

б) Барсыг көкмәкиг өлүрмәдим 'Я не убивал тигров и ланей' (Е II, 10). Нәчә йазынтымиз йаңылтымиз әрсәр 'Сколько бы мы не грешили' (Хуаст. 214). Нәчә нәчә йаруды артады 'Сколько оно гнило и гнило' (СЗБ 612, 1). Амру айыг кылычларыг ок аштым үкүлт

тим 'Я постоянно увеличивал лишь дурные поступки' (С 42). Кү-
ниңе колгучылар ўзүлмәди 'Ни на один день поток просителей не
прекращался' (КП 7, 3). Түмән түмән йалварды 'Он без конца (букв.
'десятки тысяч раз') умолял' (Ман. I, 20, 4).

в) Агызы йырлайу олурды 'Он сидел и пел' (КП 71, 3). Ўзе
туман турды асра тоз турды 'Наверху была мгла, внизу была пыль'
(ТС II, 20). Ол бдүн магастви бодиств йориду нича тәп сакынты
'В то время Магистви-бодиства по дороге так размышлял' (СЗБ 612,
19). Ырактын тәңри бурханыг бгә йыва турдылар 'Они издавна сла-
вили божественного будду' (ТТ X, 146).

В языке ЦДТГ прошедшее категорическое время может обозна-
чать действие любой давности по отношению к моменту речи: Тәң-
ри тәңриса бурканка нича тәп օтүг օтүнти 'И он так обратился с
просьбой к богу богов будде' (ТТ VI, 012-013). В данном приме-
ре действие происходит при жизни будды, т.е. в отдаленном прош-
лом.

Форма -р (настоящее-будущее время) образуется с помощью
аффиксов -р и -йур при основах на гласный, -ур, -ыр, -ар - при
основах на согласный. Семантически различные варианты аффикса
не различаются. Отрицательный аспект образуется с помощью аф-
фикса -маз < -ма + -р. В качестве предикативных показателей
с формой -р используются личные местоимения.

Форма -р передает "непроедшее" действие. В самой форме
план настоящего и будущего не различается. Отнесенность дей-
ствия к моменту речи зависит от контекста. В зависимости от
контекста форма -р обозначает настоящее данного момента (а),
обычное действие, простирающееся из настоящего в будущее (б),
будущее (в).

а) Тәңрим амти йазукда бопуну օтүнүр биз 'Теперь, боже, мы
умоляем о прощении грехов' (букв. 'чтобы освободиться от гре-
хов') (Хуаст. 154). Мән амти օлүр мән 'Теперь я умираю' (КП 40,
4). Өзүм амти ачнур мән 'Теперь я сам каюсь' (СА 35).

б) Йарин кәчә алтун օргин ўзе олурупан мәңиләйүр мән 'Утром
и вечером, сидя на золотом троне, я радуюсь' (ТС II, I). Тог-
дукта күн талуламаз 'При рождении день не выбирается' (ТТ VI,
227). Өтрү ол тынлыг бу йиртинчүдәки талуи օгүз тәгзинчиңе чо-
мар батар тәгзинүр үч йавлак йолка кирүр сансыз түмән ажунта
тоғар օлүр сансар ичинтә эмгәк эмгәнүр бурканлар номын эшитмәз

Затем те существа тонут в круговороте океана этого мира, кружатся в нем, вступают на три дурные пути. Они рождаются и умирают в бесчисленных десятках тысяч перерождений, страдают в сансаре и не слышат учения будды' (ТТ VI, 218-220).

в) Бэниң бодунум анта врүр 'Мой народ там будет' (Т 21). Мэниң өгүм болур сиз 'Будешь Ты моей матерью' (Уйг. III, 83, 14). Тэрк өдүн ол тынылг буркан кутин булыр 'В скором времени то существо обретет блаженство будды' (ТТ VI, 54).

Форма -мыш очень широко употребляется в языке ЦТТ. В качестве предикативных показателей с формой -мыш используются личные местоимения. Форма -мыш имеет значение перфекта и обозначает качественное состояние, наступившее в результате прошлого действия и приуроченное к моменту речи (а), или прошлое действие как достояние опыта субъекта действия (б).⁷⁹ Значение достояния опыта, когда перфект обозначает нечто раз и навсегда приобретенное в результате прошлого действия, является основой такого употребления формы -мыш, когда ее обозначаются действия, известные говорящему с чужих слов. В этом случае форма -мыш представляет собой форму модальности.⁸⁰ Как форма модальности форма -мыш особенно широко используется в рунических памятниках.⁸¹ В отрицательном аспекте ей соответствует форма -мадук.

а) Муң ай муң ай йитгүрмиш мэн исат сазар амрак адайымн 'О горе, горе! Потерял я горячо любимое, дорогое дитя' (СЗБ 623, II). Элиг этмиш мэн 'Я создал племенной союз' (ТС II, 73). Йылкы ажуньнта аныт көкүрчкен кирпи болмышлар 'В мире животных они стали утками, голубями и ежами' (СЗБ 299, 6).

б) Камаг шастир битиглэриг бүтүрү билмиш сэн 'Ты познал все трактаты' (СЗБ 585, 21). Бошгутлуг баш балыкылг сынку сали

⁷⁹ И в а н о в С.Н. 1) Родословное древо тюрков, с.143; 2) Курс турецкой грамматики, ч.2, с.53-54.

⁸⁰ К о н о н о в А.Н. Турецкая глагольная форма на -мыш. Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. Филолог. наук, № 20, вып. I, 1939, с.34-36.

⁸¹ R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, S.86, 105-107; М е л и о р а н с к и й П.М. Памятник в честь Кюль-Гегина. - ЗВРАО, т. XII, вып. II-III СПб., 1899, с.126-127.

тутун тавгач тылмынны акилэйү түрк тылынча агтармыш Ученый житель Бешбалыка Сынку Сели Тутунг еще раз с китайского языка перевел на турецкий язык' (Уйг. I, 14, 4).

в) Уза көк тәһри асра йагыз йәр кылынтукда әкин ара киши оглы кылынымыш 'Когда возникло вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были созданы (появились) сыны человеческие' (Кб I). Эчүмүз апамыз бумын каган төрт булуңт кымыш йагмыш йаймыш басмыш 'Наш предок Бумын-каган, говорят, четыре страны света подавил, сокрушил, рассеял, раздавил' (О I). Билигсиз каган олурмыш эринч йаблак каган олурмыш эринч 'Сели на царство, надо думать, неразумные каганы, сели на царство, надо думать, трусливые каганы' (Кб 5). Чыгань эр оглы казган-чка бармыш йолы йарамыш өгирә сәбинү кәлир тәр 'Говорят, сын бедняка отправился на заработки. Путь его был удачен. Радуюсь и веселясь, он возвращается' (ТС II, 45).

Форма -мыш широко используется в современных огузских (азербайджанском, турецком, туркменском) языках и в якутском языке (якутский аффикс -ыт / -ит / -ыт / -ит / -ут / -ут / -ыт / -ит представляет собой фонетический вариант аффикса -мыш). Так же, как и в языке ПДТП, форма -мыш в этих языках имеет значение перфекта: азерб. - Итирмишем йарымы 'Я потерял свою любимую' (А. с.24), якут. - Мин манна кэлбитим 'Я сюда пришел' (У. с.24), ПДТП - Иттүрмиш мөн исиг сәвер амрак адай-мышы 'Потерял я горячо любимое, дорогое дитя' (СЗБ, 623, II). Наличие продуктивной формы -мыш является общим признаком современных огузских и якутского языков и языка ПДТП, отличающим их от остальных современных тюркских языков.

Форма -дачы чаще всего используется в рунических надписях.⁸² В качестве предикативных показателей с формой -дачы употребляются личные местоимения. Форма -дачы выражает будущее действие с модальными оттенками возможности и долженствования: Ол йәргәрү барсар түрк бодун өлтәчи сән 'Если ты, турецкий народ, пойдешь в те земли, ты погибнешь' (Км 8). Бөдкә көрмгә бәгләр гү йаңылтачы сиз 'Разве вы, беки, повинувшиеся престолу, можете впасть в ошибки' (Км II). Айыг түтүш карыш карыш-

макыг амырткуртачы' Он способен успокоить дурные споры и пре-
пирательства' (Уйг. II, 58, 5). Кырк йашта атка тагдэчи 'Он до-
стигнет славы в сорок лет' (ТТ VII, 17, 24).

Сложные временные формы состоят из форм -р, -мыш, -дн, -тай, -дачн в сочетании с прошедшим категорическим временем глагола эр- 'быть' (эрти).

Форма -р эрти обозначает длительное действие, отнесенное в прошлое (а). В зависимости от контекста может выражать действие как происходившее в определенный момент в прошлом, так и повторявшееся, в сочетании с формой -сар имеет сослагательное значение (б).

а) Ол сүнүшдэ отуз йашайур эрти 'В том сражении ему было тридцать лет' (Кб 42). Ол одун тыдыгсыз бодиств ол кувраг ара-
сынта эрур эрти 'В то время не имеющий недостатков (букв. 'не имеющий препятствий') будда находился на этом собрании' (ТТ У I 010). Уна кыйа олгали йатур эрти 'И вот теперь она лежала, го-
товая вот-вот умереть' (СЗБ 609, 22). Огум каым эчим тэгинке савар мени аклайур эрти 'Мои родители любили моего старшего брата - принца, а меня ненавидели' (КП 29, 1). Ол элиг баг бур-
канларнг шлок тагшутин огөр күлэйур эрти 'Тот правитель возда-
вал хвалу буддам в стихах' (СЗБ 346, 7).

б) Апам бирок номул номлап кодмасар алкынмаз му эрти тын-
лыглар 'Если бы они не изучили глубоко Учение, то разве тогда живые существа не погибли бы?' (ТТ III, 64).

Форма -мыш эрти обозначает состояние, вызванное действием предшествующим фону прошлого. Точка отсчета времени смещается в прошлое: Ол одкэ кул куллуг болмыш эрти 'К тому времени рабы уже стали рабовладельцами' (Кб 21). Ансыз кэд билмыш эрти 'Он узнал это очень хорошо' (СЗБ 585, 12). Уз кадынн йэрицэ тэгди ким каңн кан ол элигниц кызын эдгү огли тэгинке колмыш эрти 'Сам же он достиг страны своего тестя, ибо его отец-царь просил когда-то дочь правителя той страны для принца Благонамеренного' (КП 64, 3). Огкэ каңка савитмыш эрдич 'Ты был любим родителями' (СЗБ 620, 1).

Форма -дн эрти выражает действие, совершившееся в прошлом, причем совершение действия предшествует фону прошлого, передает те же значения, что и форма -дн, но отнесенные к фону прошлого: Ташкару илинчукэ атлантурти эрти 'Его отправили на про-

гулку за город' (КП I, 1). Бундуг кадугул болтумуз эрти 'Мы [весь немущий и простой народ] стали печальными' (Уйт. I, 57, 5). В сочетании с формой -сар форма -ды эрти имеет значение сослагательности: Устурти коды нимэсэр укун талим тыныглар бул-ты эрти 'Если бы не спустились вниз, то нашли бы бесчисленное множество живых существ' (ТТ III, 20).

Форма -гай эрти имеет значение сослагательности: Улуг куч-луг кутлуг бодисавтлар эрмэсэр бу йэрка нэр тэгмэгэй эрти 'Если бы это не был великий, могучий, благословенный бодисатва, он бы никогда не достиг этой земли' (КП 45, 2). Агилыг куруг бол-ганын аты барым алкинсар йокадсар йазука тунэ тэгинмэгэй эрти-миз 'Мы не подверглись бы обвинению, если бы казна опустела, а богатство и имущество истощилось бы и исчезли' (КП 7, 8).

Форма -дачы эрти выражает тенденцию к совершению действия в прошлом, возможность или необходимость совершения действия, обозначает будущее действие по отношению к фону прошлого: Турк бодун адак камашты йаблак болтачы эрти 'Туркский народ довел себя до изнеможения, дело могло стать скверным' (Кб 47). Кун болтачы эрти 'Они стали бы рабами' (Кб 49). В сочетании с формой -сар форма -дачы эрти имеет значение сослагательности: Кул тегин йок эрсэр коп олгача эртигиз 'Если бы не было Каль-Тегина, вы бы все погибли' (Кб 50).

Система времен изъявительного наклонения в языке ПДП образует два ряда форм. Первый ряд - простые временные формы, второй ряд - сложные временные формы. Эти ряды соотносятся друг с другом как два типа употребления одних и тех же форм. Первый ряд представляет собой индикативное употребление простых времен, т.е. употребление времен по отношению к моменту речи, второй ряд - релятивное употребление простых времен по отношению к фону прошлого.⁸³ Уже в языке ПДП намечается тенденция к использованию сложных временных форм (прошедшие времена) по отношению к моменту речи безотносительно к фону прошлого. Форма -гай эрти может выражать пожелание по отношению к фону момента речи: Эмти тээрим бу мунтаг тэрс тэтрү билиглит тыныгларка көни йол орук көртгүрү бэргэй эрти. 'Теперь показал бы мой бог истинный путь этим существам, обладающим ложным знанием' (ТТУ I,

⁸³ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.69-70.

236). Следует отметить, что в данном случае форма -гай эрти имеет ярко выраженное модальное значение пожелания того, чтобы действие совершилось. Поэтому в приведенном примере форма -гай эрти приближается к желательному и повелительным наклонениям. Однако сама возможность индикативного употребления формы свидетельствует о наличии тенденции к индикативному употреблению сложных временных форм. В то же время в языке ПДТП индикативное употребление сложных временных форм еще не приобрело всеобщего характера, как это наблюдается в современных тюркских языках, например в турецком языке.

Возможность индикативного употребления сложных форм прошедшего времени в современных тюркских языках отражает расширение круга значений этих форм, усложнение их семантики, благодаря чему каждая сложная форма прошедшего времени выявляет при индикативном употреблении особые значения.⁸⁴

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение выражает побуждение к совершению действия. Образуется с помощью следующих аффиксов:

Единственное число	Множественное число
1-е л. -	-
2-е л. -б	-ч (лар)
3-е л. -сун / -зун	-сунлар / -зунлар

Во 2-м л.ед.ч. к форме повелительного наклонения может присоединяться аффикс -гыл, усиливающий значение повеления. Во 2-м л.мн.ч. используются параллельно 2 формы: с аффиксом -лар и без него.

Основное значение повелительного наклонения - выражение повеления, приказа: Эдгү кылычлыг иш үкүш кыл 'Совершай много благочестивых дел' (ТТ I, 53). Бушуш көңүл котгыл 'Отбрось печаль' (ТТ I, 101). Эдгү кылыч кылгыл 'Совершай добрые дела' (ТТ I, 111). Анча билиң 'Так знайте' (ТС II, 33). Сизләр камаг төзүнләр кутуру тинлаңлар 'Вы все, благородные, выслушайте полностью' (ТТ VI, 25). Бу битигиг үч ката окнзун 'Пусть он про-

⁸⁴ Там же, с.62-66.

чет эту книгу три-раза' (ТТ VI, 277). Ягыш Ягсун 'Пусть он принесет жертву' (ТТ VII, 25, 20).

Повелительное наклонение может также выражать просьбу, пожелание: Тэри тэрисси бурхан магат улушка кэлгэли таплайу Яарлыкесун 'Пусть бог богов будда соизволит согласиться прийти в страну Магада' (ТТ X, II2). Аяны амты камаг бурсар куврагдын эки тойны өтүнү тэгинүр мэн ким күнтэмек мениң эвиге ашанзунлар 'Поэтому я теперь прошу двух монахов из всей общины, пусть они каждый день кормятся в моем доме' (ТТ I, прим. I60). Особенно ярко выражено значение пожелания при сочетании формы повелительного наклонения 3-го л. с прошедшим категорическим временем глагола эр- 'быть': Йэр Яарлызун эрти 'О если бы разверзлась земля' (Уйг. I, 37, I7). Использование глагола эр- в прошедшем категорическом времени переносит пожелание в план прошедшего и подчеркивает нереальность пожелания.

В придаточных предложениях цели, вводимых союзными словами тэйн и ким, повелительное наклонение выражает не только "идеальный" характер действия, но и будущее время и приближается по своему значению к изъявительному наклонению. В этом проявляется двойственность, противоречивость повелительного наклонения. Көгмэн Йэр суб идисиз калчазун тэйн аз кыркыс бодунуг Яаратып кэлтимиз 'Мы пришли и устроили немногочисленный народ кыргызов, чтобы не осталась без хозяина земля (страна) Көгменская' (Кб 20). Катыгланаң ким үркэ олутун эрэнлар 'Старайтесь постоянно быть обидительными' (букв. 'старайтесь, чтобы вы постоянно были обидительными') (Ман. III, 9, 6). Эмти тэрим бу мунтаг тэрс тэтрү билиглиг тынлыгларка көни йол орук көртгүрү бергэй эрти ким көни йолча көни билигче йорызулар эрти тэрс тэтрү төрү кодзулар эрти 'Теперь показал бы мой бог истинный путь этим существам, обладающим ложным знанием, чтобы они следовали по истинному пути, следовали истинному знанию и отбросили ложные учения' (ТТ VI, 237-238).

Желательное наклонение

Желательное наклонение выражает желаемое действие в будущем и в прошедшем (в сочетании с прошедшим категорическим временем глагола эр-). Используется в 1-м л.ед. и мн.ч., образуется с помощью следующих аффиксов:

Единственное число

- йин (после гласных)
- айин (после согласных)

Множественное число

- лым (после гласных)
- алым (после согласных)

Каңым сабын тигълайин 'Я хочу слышать слова моего отца' (ТС II, 90). Эмгек кѳтѳрмѳйин 'Да не буду я переносить мучения' (Ман. II, 6, 14). Бурканлар билигиге тегинѳлим 'Мы хотим постигнуть знания будд' (ТТ VI, 380). Иагы йавлак адасын йагутмалым 'Да не приблизим мы опасность врагов и недругов' (СЗБ 397, 18). Йерке кирѳйин эрти 'О если бы я вошел в землю' (Уйг. I, 37, 17).

Формы желательного наклонения используются в придаточных предложениях цели, вводимых союзным словом тѳп: Анн анытайин тѳп сѳладим 'Чтобы наказать их, я выступил с войском' (БК 41). В придаточном предложении цели желательное наклонение выражает не только пожелание, но и будущее время, смыкаясь с изъявительным наклонением. В этом проявляется двойственный, противоречивый характер желательного наклонения в языке ПДТII.

Условное наклонение

Условное наклонение в языке ПДТII представлено формой -сар. В качестве предикативных показателей с формой -сар используются личные местоимения, в 3-м л. предикативный показатель отсутствует. В языке рунических памятников предикативные показатели не употребляются, и форма -сар функционирует как деепричастие.

В самостоятельных предложениях форма -сар обозначает пожелание: Бирѳк огулум бу тушта тириг эсѳз кавышсар 'Если бы мой сын в это время живым и невредимым соединился [с нами]' (СЗБ, 623, 14).

В придаточных предложениях условного периода (в рунических надписях в составе деепричастного оборота) форма -сар выражает реальное (а) и нереальное условия (б). Реальное условие передается формами -р, -гай и -дачы изъявительного наклонения, формами желательного и повелительного наклонений, нереальное условие передается формами -р эрти, -гай эрти, -дачы эрти, -ды эрти сказуемого главного предложения.

а) Бир тодсар ачык ѳмѳз сѳн 'Если ты насытишься, ты не думаешь о голоде' (Км 8). Сув тамыры курнсар йаш йавышгу курн-

ур 'Если засохнет канал, засохнут зеленые листья' (Т I, 55). Тутуш кариш кылмасар сэн өзүнэ камаг адатын озгай сэн 'Если ты не затеешь ссор и споров, то избавишь себя от всех опасностей' (ТТ I, 180). Ол йэргэрү барсар түрк бодун блтэчи сэн 'Если ты, туркский народ, пойдешь в ту землю, ты погибнешь' (Км 8). Барсар баргыл 'Если ты хочешь отправиться, отправляйся' (КП 30, 6). Усар иди йоккышалым 'Если сможем, уничтожим правителя' (Т II).

б) Апам бирок номуг номлап кодмасар алкынмаз му эрти тынлыглар 'Если бы они не изучили глубоко Учение, то разве тогда живые существа не погибли бы?' (ТТ III, 64). Улут күчлүг кутлуг бодисавтлар эрмэсэр бу йэрке нэң тэгмэгэй эрти 'Если бы это не был великий, могучий благословенный бодисатва, он бы никогда не достиг этой земли' (КП 45, 2). Күл тегин йок эрсэр кон блтэчи эртигиз 'Если бы не было Кюль-Тегина, вы бы все погибли' (Кб 50). Устүрти коды инмэсэр үкүш талим тынлыглар булты эрти 'Если бы не спустились вниз, то нашли бы бесчисленное множество живых существ' (ТТ III, 20).

Форма -сар глагола эр- 'быть' (эрсэр) в сочетании с причастиями и личными формами прошедшего категорического времени -ды образует формы условной модальности: Төрт тогуулуг кысат танагта кысылыр танылур эрсэрлэр 'Если они будут сдавлены в тисках четырех рождений' (ТТ IV, А, прим. 20). Ывкэ коңүлүм йүгэрү болмайук эрсэр 'Если у меня не появилось чувство гнева' (Уйг. III, 61, 5). Йэме бачаг олуруп эдгүти номча төрүчэ бачамадымыз эрсэр амты-тәһрим йазукда бошуну өтүнүр биз 'Если мы, когда посетились, не соблюдали пост в соответствии с писанием и законом, то теперь, о боже, мы умоляем о прощении грехов' (Хуаст. 181).

Форма -сар и форма условной модальности, выраженная сочетанием прошедшего категорического времени и формой -сар глагола эр- (эрсэр), могут передавать значения, не связанные непосредственно со значением условия, а именно временные отношения (а) и значение обобщения (б). Если форма -сар или форма условной модальности выражает обобщение, ей предшествует вопросительное слово.

а) Көздө йаш кэлсэр эти де коңүлтэ снгыт кэлсэр йантуру сакынтым катыгды сакынтым 'В то время как из глаз моих лились слезы и рыдания исходили из глубины сердца, я снова и снова скорбел, я сильно скорбел' (Кб 51). Инчип ол могочлар нэчүкин

урислымын онуи бардылар эрсэр ол йултуз йэме оларны бирлэ барыр эрди 'И вот, когда те маги шли из Иерусалима, та звезда шла вместе с ними' (Уйг. I, 6, 5).

б) Нэ түрлүг этиг йаратыг сар эрсэр корүмчи йулдузчыга айтмаз этэр эртилар 'Они совершали все дела (букв. 'какие только ни были дела'), не спрашивая предсказателей и астрологов' (ТТ UI, 133), Негү сакынч сакынсар сэн бүтмэз 'Что бы ты ни задумал, не исполнится' (ТТ VII, 28, 4).

Двойственный характер условного наклонения проявляется в его способности передавать не только значение условия, но и временные и обобщающие. В этом случае значения условного наклонения смыкаются со значениями изъявительного наклонения.⁸⁵ В языке ПДТП форма -сар во временном значении употребляется относительно редко. Между тем в современных тюркских языках форма условного наклонения во временном значении используется довольно широко.⁸⁶ Следовательно, двойственный характер формы -сар в период создания памятников еще не развился полностью. Необходимо отметить, что способность формы условного наклонения передавать временные значения не одинакова в различных современных тюркских языках. В турецком языке форма условного наклонения передает только значения условия и обобщения, временных значений она не выражает, в узбекском языке форма условного наклонения часто выражает временные отношения.⁸⁷ Это наблюдается также и в казахском языке. Таким образом, двойственный характер формы условного наклонения проявляется по-разному в различных тюркских языках.

Форма -сар имеет ряд черт, которые сближают ее с формой, передающей условие в якутском языке, где условие выражается формой -тар, принимающей аффиксы лица. Форма -тар соответствует форме -сар (т в аффиксе -тар соответствует q). В современных тюркских языках, кроме якутского, условие выражается фор-

⁸⁵ И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрков, с.195.

⁸⁶ Г а д ж и е в а Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с.329-330.

⁸⁷ К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.417.

мой -са, т.е. без конечного р. Как и в языке ПДТП, в якутском языке форма -тар не выражает времени, оно уточняется сочетанием временной формы со вспомогательным глаголом буол- 'быть' в форме -тар с показателем 3-го л. (нулевым). В языке ПДТП время также уточняется сочетанием временной формы со вспомогательным глаголом ар- 'быть' в форме -сар (эрсэр), причем личные показатели принимает временная форма, а вспомогательный глагол имеет нулевой показатель лица. В якутском языке форма -тар сочетается с личными показателями, восходящими непосредственно к личным местоимениям, в языке ПДТП (в древнеуйгурских памятниках) форма -сар может сочетаться с личными местоимениями. В других современных тюркских языках форма -са сочетается с личными аффиксами, большей частью совпадающими с аффиксами принадлежности.

Причастия

Термином "причастия" мы обозначаем субстантивно-атрибутивные и атрибутивные глагольные формы. Причастия передают временные значения, но выражают время не абсолютно, а по отношению ко времени конечного сказуемого. К субстантивно-атрибутивным формам относятся формы -р, -мыш, -дук, -йук, -гу (-гулук), -сык, к атрибутивным формам - формы -гма, -глы, -гучы, -дачы.

Субстантивно-атрибутивные глагольные формы

Форма -р (после основ на гласный -р и -йур; после основ на согласный -ур, -ар, -ыр; отрицательный аспект -маз) обозначает как признак действие, одновременное с действием, выраженным конечным сказуемым или следующее за ним. Очень часто обозначает постоянный признак предмета. Формы -мыш, -дук и -йук⁸⁸ (-йук представляет собой фонетический вариант аффикса -дук) имеют перфектное значение и обозначают состояние, наступившее в результате действия, предшествовавшего времени конечного сказуемого. Формы -гу и -сык выражают действие, будущее по отношению

⁸⁸ Н а с и л о в Д.М. Прошедшее время на -juk/-jyk в древнеуйгурском языке и его рефлекс в современных языках. - В кн.: Тюркологический сборник. М., 1966, с.92-104.

ко времени конечного сказуемого, имеют модальные оттенки возможности или долженствования. В атрибутивной функции форма -ту часто сочетается с аффиксом -дук. В субстантивной функции формы -мыш, -дук, -йук, -гу и -сык временных значений не выражают. Форма -йук используется только в древнеуйгурских текстах, форма -сык - в рунических надписях и некоторых манихейских памятниках.

Форма -р: Узун йашайур тынлыглар аз 'Существ, которые живут долго, мало' (ТТ VI, 021). Түкөл билир тавар тиләмэз тынлыглар аз 'Совершенно мудрых, не стремящихся к богатству существ, мало' (ТТ VI, 3). Ол барс йатур орунка бартылар 'Они пошли к месту, где лежала та тигрица' (СЗБ 619, 10). Магастви тэгинниң тоны камыш бутыкы үзэ аскын туруп турурын көртилар 'Они увидели, что одежда их младшего брата принца Магастви висит на ветках камыша' (СЗБ 619, 12).

Форма -мыш: Бу савларыг эшиди ол төрүдэ йыгылмыш камаг кишилер адынтылар муңадтылар 'Все собравшиеся на том свадебном пире люди изумились, услышав эти слова' (СЗБ 16, 18). Ограмыш иш бүтмэз этикмэз 'Задуманное дело не совершится' (ТТ I, 75). Мениң ашнуку азунта кылмыш өз кылычым мени нича эмгэтүр 'Мои проступки, совершенные в прежних существованиях, причиняют мне такие страдания' (ТТ VI, 16). Йарук йашук алкудун сынар йарумышын йашымышын сакымыш кэргэк 'Надо представить себе, что свет сияет во всех направлениях' (ТТ V, А 3).

Форма -дук, -йук: Каганладук каганын йитүрү идмыш 'Своего правившего кагана он потерял' (Кб 7). Сәбдүкимин йейүр мән 'Я ем то, что люблю' (ТС II, 5). Тәңрикә йегыш айык бәрмәйүккә башын көзин агрытур 'Когда кто-нибудь не приносит божеству жертвы и не блюдет обетов, это причиняет ему боль в голове и глазах' (ТТ VII, 25, 1).

Форма -гу: Öтрү әтүз күзәтгү тамга тутмыш кэргэк 'Затем нужно сделать знак, оберегающий тело' (ТТ V, А 53). Куткаргу тынлыгларыг таптукта котмадын камыгуны куткартының 'Когда Ты нашел живые существа, которых надо было спасти, Ты всех их спас без исключения' (Ман. III, 47, 1). Ном әрдиниг толу түкөл бититгүкә көңүл өритдим 'Затем я пожелал переписать целиком эту драгоценную книгу' (СЗБ II, 16). Адыртлагулук бәлгү бар 'Есть примета, по которой различают' (ТТ I, 71). Öтрү әмгәктин сзгулук

куртулгулук йолуг йыңакыг тапарлар 'Затем они найдут путь из-бавления от мучений' (СЗБ 388, 16).

Форма -сык: Вусанти олурсук төрү бар эрти 'Был закон о том, как следует соблюдать пост' (Хуаст. 175). Кигүрсүк төрү бар эрти 'Было правило, как следует подносить' (Хуаст. 167). Яаңылып үлэсикиңин йамэ бунта уртум 'Я здесь написал (букв. 'высек надпись') о том, как ты заблуждался и делился' (Км 10).

Определяемое по отношению к субстантивно-атрибутивным формам может обозначать: субъект действия при глагольной форме действительного залога (а), прямой объект действия (б), косвенный объект действия (в), место действия (г), время действия (д). Если субъект действия, выражаемого глагольной формой, не совпадает с определяемым, он выражается аффиксом принадлежности при определяемом; а также именем в основном или родительном падеже. Если субъект действия мыслится неопределенно или ясен из контекста, аффикс принадлежности при определяемом отсутствует.

а) Бушы бэрмэз тыңлыглар үкүш 'Существа, которые не подают милостыни, много' (ТТ VI, 5). Йунд йыл башинч ай йунд күн йунд өдиндэ тогмыш киши 'Человек, родившийся в год лошади, в пятый месяц, в день лошади, в час лошади' (ТТ VII, 25, 23). Каганладук каганын йитүрү ыдыш 'Своего правившего кагана он потерял' (Кб 7). Бурсаң куврагларның агыңа киргү йэм ичим 'Пища и напитки, предназначенные для общин' (букв. 'которые должны войти в рот общин') (ТТ IV, А 38).

б) Бу мәниң сөвэр амрак этүзүмин титэр мән ыдалайур мән 'От этого моего любимого тела я отказываюсь' (СЗБ 616, 1). Агзанмыш савың этикти 'Слова, которые ты сказал, сбылись' (ТТ I, 147). Тәңри унамадук абынчу катун болзун 'Пусть неугодная богу наперсница станет госпожой' (ТС II, 57). Арымадук тсуй эринчүләримин бошуг колуп 'Вымолив прощение своих еще не искупленных грехов' (ТТ IV, В 50). Кылмайук айың кылыңчларыг икиләйү 'таким кылмаз мән 'Я не совершу также в другой раз грехи, которые не совершил' (СЗБ 138, 3).

в) Бизинэ тапынгу йүгүнгү эрдини бэрүп эрмиш 'Он дал нам драгоценность, которой следует поклоняться' (Уйг. I, 8, 18). (В языке ЦДТГ глаголы тапын-, йүкүн- управляют дательным падежом).

г) Эргүлүк тургулук йэр орунлары 'Места, где они должны обитать' (СЗБ 427, 2). Куртулгу йол 'Путь, на котором можно

опасностей' (ТТ Ш, 60). *Өтрү олурмыш орунннтн өрү туруп* 'Затем, поднявшись с места, на котором сидел' (ТТ VI, OII). Эл тутора йар *өтүкән йыш эрмиш* 'Отюкенская чернь (лес и горы) была местом, откуда надо править племенным союзом' (КМ 4).⁸⁹

д) *Нәң мәниң ишләгүдүк ишим ишләгүдүк өдтә йайылмасуң* 'Пусть мои дела, которые мне следует делать, не рассеиваются в то время, когда их следует делать' (ТТ УШ, Е 42). *Күн өнәр огурда мунчулайу сакынч кылып* 'Занимаясь подобными размышлениями на восходе солнца' (букв. 'когда восходило солнце') (ТТ У, А 71).

Как показывают данные памятников, определяемое по отношению к субстантивно-атрибутивным формам может выражать те же значения, что и в современных тюркских языках.⁹⁰ Наличие словосочетаний, в которых определяемое выступает в качестве не только прямого объекта, но и косвенного объекта, а также места и времени действия, выражаемого глагольной формой, свидетельствует о том, что залоговое значение причастия не зависело от значения определяемого и в эпоху создания памятников.

В субстантивной функции чаще всего используются формы *-ми* (в манихейских и древнеуйгурских памятниках), *-дук* (в рунических памятниках). Формы *-р* и *-гу* употребляются реже, форма *-он* в субстантивной функции употребляется только в рунических памятниках. Субъект действия, выражаемого глагольной формой, обозначается аффиксом принадлежности при глагольной форме, а также именем в основном падеже.

Форма *-мыш*: Бу бурхан атүзин бош кылмышын сакынмыш кәргәң 'Нужно представить себе, что он освободил это тело будды' (ТТ У, А 46). Сән мунча мунча тыныгларыг өлүртмишкә 'Из-за того, что ты приказал умертвить столь многих живых существ' (СЗБ 8, IO). Шашмаксыз бурхан болмышта сакынгыл мәни майтри 'Став лишенным суетности буддой, подумай, Майтри, обо мне' (ТТ VII, прим.6).

Форма *-дук*: Олуртукыма төрт булудакы бодунут әтдим йаратдым 'Когда я сел на престол, я устроил народы четырех стран света' (БК Хб 9). Билтүкимин өдүкимин бунча битиг битидим 'То

⁸⁹ *Т е к и п* Т. А grammar of Orkhon Turkic, p.176.

⁹⁰ *И в а н о в* С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.37-

что я знал, то, над чем размышлял, я так (букв. 'столько') написал' (КЧ 28). Тирилтүкүм бу эрүр 'Таково мое воскресение' (оживление) (СЗБ 16, 15). Ол өдүн калты тэнри элиг бөгү хан ыча ыйдукта өтрү биз динтарлар камут элтэки бодун эртирү өгрүнчүлүг болтумуз 'После того как божественный правитель Бөгү-хан так сказал, мы, манихейцы, и весь народ в стране очень обрадовались' (ТТ II, 52-54). Тэбрэтүк сайу иш көдүк тапнынча 'При каждом движении (действии) дела твои соответствуют твоему желанию' (ТТ I, 119).

Форма -р: Муны мунчулайу тэнридэм вишайлыг мэңилэриг тэгинүртэ тунла бир үн эшидилти 'И вот, когда он достиг так божественных чувственно-созерцательных радостей, ему стал слышаться по ночам какой-то голос' (Уйг. II, 28, 4).

Форма -гу: Сэниң балыктакы иг тога кэтгүси йок 'Не исчезнут в твоём городе болезни' (Уйг. I, 45, 4). Бу соганчыг ыдук ном элигин йадгука тавраниңлар катыгланьлар 'Стремитесь распространять эту прелестную царь-сутру' (СЗБ 91, 19). Көргүңиң үчүн игидмиш билгэ каганыңа 'Твоему мудрому кагану, который возвысил себя за твое повиновение' (К6 23).

Форма -сык: Йаңылып үлэсикиңиң йэмэ бунта уртум 'Я здесь написал (букв. 'высек надпись') о том, как ты заблуждался и делался' (Км 10).

Атрибутивные глагольные формы

Атрибутивные глагольные формы употребляются только в функции определения. Формы -гма и -глы в зависимости от контекста могут передавать действие, предшествующее времени конечного сказуемого, одновременное с ним или последующее. Форма -гма может иметь модальное значение долженствования. Использование указанных форм в языке ЦТТП показывает, что они обозначали действие как вневременной признак. Форма -гучы имеет то же значение, а также имеет дополнительный оттенок постоянства, общности совершения действия субъектом. Форма -дачы передает действие, одновременное с действием конечного сказуемого или будущее по отношению к нему с модальным оттенком долженствования, возможности совершения действия. Определяемое при формах -гма и -глы чаще всего является субъектом действия, выражаемого этими формами; но в отдельных случаях определяемое может и не совпа-

дать с субъектом действия. Однако в языке ПДТП агентивное значение у этих форм преобладает. Определяемое при формах -дачн -гучн всегда является субъектом действия, агентивное значение этих форм выражено очень ярко. На их агентивный характер указывает компонент -чн, образующий имена со значением деятеля.

Форма -гма: Бу битиг битигме атысы йолыг тэгин 'Сделавши эту надпись - племянник его Йолыг тэгин' (Км 13). Учугма тылыгка 'По отношению к летающим существам' (Хуаст. 94). Кин кэлигме öдки эрмэз 'Не относится к будущему времени' (букв. 'к времени, которое придет потом') (СЗБ 204, 7). Ичикигме ичикди бодун болты 'Кто должен был (кому выпало) подчиниться, подчинился и стал народом' (БК 37). Тичэси оглы йатыгма тагка тэгимэ 'Он достиг горы, где жил сын сына неба (вассал китайского императора)' (Т 47).

Форма -глы: Бэш тэңри йарукын кувратыглы бриштилэр 'Ангелы, собирающие свет пяти божеств' (Хуаст. 164). Öтрү ол öдү йэр алтынкылар кыйынчылар öлүтчилэр алку кэтгэй башы күн эркигин йорыглы ай эркигин йорыглы 'И тогда духи подземные, истязатели и убийцы - все исчезнут, сперва бродящие силой солнца [затем] бродящие силой месяца' (ТТ VI, 88). Öдсүз колусуз адырылып барыглы öлүглы үкүш 'Тех, кто безвременно уходит и умирает, много' (ТТ VI, 314-315).

Форма -гучн: Тэңрим корун бу йэгүчи йэклэрдэ 'Боже, спас от этих [все] пожирающих демонов' (Ман. III, 24, II). Бу ырыт ыркагучи киши кутсуз болур 'Человек, гадающий по этому орakулу, будет несчастлив' (ТТ VII, 28, 9). Эркиг кан сүсин башлагучн касынчыг коркынчыг эркигларниц атлары бу 'Имена страшных повелителей, возглавляющих войско Эркиг-хана (бог Яма), таковы' (ТТ VI, 91-92).

Форма -дачн: Öлтэчи бодунуг тириггэрү игидтим 'Я поднял жизни народ, готовый погибнуть' (Кс 29). Аш бүшөрдэчи от 'Огонь на котором можно приготовить пищу (букв. 'огонь, который может сварить пищу')' (ТТ УШ, М 22). Кин кэлтэчи бурканлар йэмэ нолагай 'И будды, которые придут после, также будут проповедовать' (ТТ VI, 28). Камаг йэклэр йэлликлер адыртачы эркиглер алку йашарлар йокадурлар 'Все демоны, злые духи болезней и могущественные существа, сеющие разнь (букв. 'разделяющие'), спрячутся и исчезнут' (ТТ VI, 97).

Субъект действия, выражаемого формами -гма и -глы, не совпадает с определяемым: Алку йок куруг элиг тэгмэ орунка тэгдилэр 'Все достигли места, которое называют "властелин пустоты"' (ТТ УІ, 425). Ол одун тэнри элиг бөгү хан кэнтү динтарлар эригли куврагтару кэлти 'И тогда сам божественный правитель Бөгүхан пришел на собрание, где находились избранные (манихейцы)' (ТТ II, 34-35). В первом примере определяемое обозначает прямой объект действия, во втором - место действия.

Использование причастий в предикативной функции

Формы -р, -мыш, -дачы в сочетании с личными местоимениями и прошедшим категорическим временем глагола эр- 'быть' уже в языке ЦДТН образуют систему времен. Формы -дук, -йук, -гу, -сык, -глы лишь проявляют тенденцию к переходу в систему времен изъявительного наклонения и могут 'спорадически выражать временные значения изъявительного наклонения. Ограниченность использования форм -дук, -йук, -гу, -сык, -глы в предикативной функции не позволяет включить их в систему времен изъявительного наклонения языка ЦДТН.

Формы -дук и -йук в предикативной функции имеют значение перфекта. В качестве показателя лица с формой -дук может использоваться аффикс принадлежности, форма -йук сочетается с личными местоимениями. Чаще всего форма -дук сочетается с аффиксом отрицательного аспекта -ма и в этом случае выступает как форма отрицательного аспекта формы -мыш. Эбкэ тэгдүкүм 'Я не пришел домой' (Оа 2). Карлук эшиңе кэлмэдүк 'Карлуки не пришли к своим союзникам' (МЧ 25). Бүкэгүңде сәкиз огуз токуз татар калмадук 'В Букягюке не осталось сәкиз огузов и токуз татар' (МЧ 13). Улуг эб өртәнмиш катыңа тәги калмадук бөкиңе тәги калмадук 'Большой дом сгорел, не осталось даже основания, не осталось даже ограды' (ТС II, 14). Камаг өтаг бәримләриг өзүм йымадук 'Всех своих обязанностей я не выполнил' (СА 19). Мәни агыр улуг эмгәклиг тидгән арасынта кәмишгәли ограйук сиз 'Ты задумал бросить меня под колеса весьма больших страданий' (Уйг.Ш. 48, 19). Болисатв тәгин качән бдйүк ол 'Когда же умер принц-болисатва?' (СЗБ 635, 18). Тәбрәнчәсиз йарп олурйук ол 'Он сел непоколебимо крепко' (ТТ IX, 335).

Форма -гу в предикативной функции имеет значение настоящего-будущего времени с модальными оттенками долженствования или возможности. Такое же значение имеет и форма -гулук: Турушта тўтўштё саклангу ол 'Следует остерегаться ссор и раздоров' (ТТ I, 195). Уч ката бурунка тамызгу ол 'Следует закапать в нос три раза' (Рах. I, 129). Кадгу бар бошунгулук 'Есть печаль. От нее надо избавиться' (ТТ I, 20). Ал ким барсыг тиргўргўлўк 'Пища, которая сможет оживить эту тигрицу' (СЗБ 610, 18).

Форма -сык в предикативной функции передает значение будущего времени с модальным оттенком долженствования: Тўрк бодун олсўкўң 'Туркский народ, ты погибнешь' ⁹¹ (Км 6). Форма -сык в предикативной функции отмечена только в рунических надписях, сочетается с аффиксом принадлежности в качестве показателя предикативности.

Форма -глы в предикативной функции имеет значение настоящего-будущего времени: Эдгў бгиллэриң бргеттўрўгли сиз 'Ты учишь своих благоразумных' (Ман. III, 24, 7).

Система причастий в языке ПДТП

Систему причастий в языке ПДТП можно представить в виде двух малых рядов. Первый ряд – субстантивно-атрибутивные формы, второй – атрибутивные формы. В пределах малого ряда причастия противопоставляются по своим временным и модальным значениям, в пределах всего ряда форм (большой ряд) – по своим функциям в предложении (синтаксически). В основе синтаксического противопоставления лежит то, что формы первого ряда могут функционировать и как субстантивы, и как атрибутивы, а формы второго ряда могут быть только атрибутивами. Таким образом, в языке ПДТП каждое причастие несет в себе информацию о семантическом значении и о той функции, которую оно может выполнять в предложении.

В языке ПДТП у атрибутивных форм обычно преобладает агентивное значение. Однако чисто агентивное значение имеют лишь формы -гучи и -дачы. В дальнейшем система причастий в тюркских языках развивалась в направлении четкой дифференциации прича-

⁹¹ Г е к и л Т. А grammar of Orkhon-Turkic, p. 191.

ствий с агентивным значением и субстантивно-атрибутивных форм, не имеющих агентивного значения. Такая система причастий существовала уже в староосманском языке (XIII-XV вв.).⁹² При этом атрибутивная форма передавала информацию о временном и модальном значении причастия (семантическое значение), о его функции в предложении и о его отношении к определяемому как субъекту действия (синтаксические значения).

Можно предположить, что первоначально в турецких языках причастия различались только семантически, но не по своим синтаксическим функциям. Причастия образовывали два малых ряда форм. Первый ряд — формы плана "непротекшего времени" (настоящего-будущего времени): -р, -гу, -сык. Второй ряд — формы плана прошедшего времени: -мыш, -дук. В пределах первого ряда причастия противостояли друг другу как формы с различными временными и модальными оттенками плана настоящего-будущего времени. Формы второго ряда противостояли друг другу как формы, выражавшие различные оттенки перфекта (очевидно, формы -мыш и -дук имели определенные семантические различия, которые к моменту создания памятников не ощущались). Вместе с тем каждая форма первого ряда противопоставлялась второму ряду в целом как форма плана настоящего-будущего времени, а каждая форма второго ряда противопоставлялась первому ряду в целом как форма прошедшего времени. Таким образом, первоначально сущность каждого причастия была обусловлена его вхождением в два ряда оппозиций только по временным (семантическим) значениям.

В процессе развития более абстрактных значений причастия приобрели способность передавать формально не только семантические, но и синтаксические различия. Вначале противопоставление в пределах всего ряда по синтаксическим функциям определялось только тем, что форма причастия указывала на возможность использования причастия лишь в качестве определения. Этот этап зафиксирован в языке памятников. В дальнейшем четко выделились формы с агентивным значением. Тенденция к выделению форм с агентивным значением наблюдается уже в языке ПДТТ. В результате выделения форм с агентивным значением сложилась система при-

⁹² Г у з е в В.Г. Староосманский язык, с.67-70.

частий, в которой причастия состоят из двух групп - субстантивно-атрибутивных форм, не имеющих агентивного значения, и атрибутивных форм, имеющих агентивное значение. Такая система причастий существует в современном турецком языке.⁹³ Формы -р -мыш в языке ПДТП были субстантивно-атрибутивными. В современном турецком языке они представляют собой глагольные атрибуты с агентивным значением: определяемое при них выражает субъект действия. Формирование подобной системы причастий связано с тенденцией к выражению различных функций различными формами. Закрепление за некоторыми причастиями агентивного значения отражает тенденцию к формальной дифференциации субстантивных и адъективных значений. Таким образом, формирование системы причастий, в которой причастия противопоставлены в пределах всего ряда форм по функциям в предложении, определяется развитием абстрактных, немотивированных значений этих глагольных форм.

Система причастий в тюркских языках явилась основой образования системы времен изъявительного наклонения. Особенно ярко связь причастий с временными формами проявляется в языке ПДТП. Сложные формы времени типа -р эрти, -мыш эрти в языке ПДТП еще сохраняют синтаксический характер, их морфологичность выражена очень слабо. Глагол эр- сохраняет свою самостоятельность. Он может выступать в качестве первого компонента сложной временной формы, как любой другой глагол: Ол кувраг арасынта эрүр эрти 'Он был на том собрании' (ТТ VI, ОIО). В целом временные формы, образованные на основе причастий, отчетливо сохраняют следы более древнего периода развития тюркских языков, когда формы, состоявшие из причастия в сочетании с личным местоимением или глаголом эр- представляли собой не формы времени, а формы сказуемости имен. Первоначально форма типа «-р + личное местоимение» была не формой времени, а формой именного сказуемого. На это указывает и то, что в языке ПДТП предикативные показатели еще не превратились в аффиксы. Кроме личных показателей прошедшего категорического времени, желательного и пове-

⁹³ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.35.

лительного наклонения, все предикативные показатели — личные местоимения, которые не изменяются при сочетании с основами времен — причастиями. В языке ПДТП самостоятельность показателей лица в глагольных формах времени, образованных на основе причастий, сохраняется полностью.

Причастия в языке ПДТП и в современных тюркских языках

Причастие -мыш является продуктивной формой в современных огузских и якутском языках (якутский аффикс -быт в различных фонетических вариантах соответствует аффиксу -мыш). В атрибутивной функции форма -мыш (якут. -быт) обозначает состояние, наступившее в результате действия, предшествовавшего времени конечного сказуемого. В огузских языках причастие -мыш используется в функции определения при имени, обозначающем субъект действия, выраженного формой -мыш, т.е. имеет агентивное значение. В якутском языке форма -быт имеет то же значение, но сфера ее использования шире, чем в огузских языках. Так же, как и форма -мыш в языке ПДТП (в языке древнеуйгурских памятников), форма -быт употребляется в функции определения при определяемом, обозначающем объект и место действия, выражаемого глагольной формой (а), развернутого дополнения (б), обстоятельства времени (в дательном падеже и в сочетании с послелогом) (в), обстоятельства причины (в сочетании с послелогом и/или 'для') (г):

а) ПДТП — Мэн түшәмиш түлүм адынсыг болмаз 'Сон, который я видела, не может быть иным' (Уйг. Ш, 54, 4); Көнтү тогмыш кылымыш мәңгү тәңри йәрин унуту ытды 'Они совершенно забыли обитель вечного бога, где сами они родились' (Хуаст. 14); якут. — Мин манна тикпит сонум бу баар 'Вот шуба, которую здесь я сшила' (У., с.46). Кирисааннаах кирибит сирдәре 'Место, куда вошли Кирисаан и его спутник' (У., с.46).

б) ПДТП — Йарук йашук алкудын сыңар йарумыш йашумыш сакымыш кэргәк 'Надо представить себе, что свет сияет во всех направлениях' (ТТ У, А 3); якут. — Сөдүөччүйэ сүөһүлэрэ элбүттэрин кэпсээтэ 'Сөдөччье рассказывала, что скот их подох' (У., с.81).

в) ЦДТП - Шапмаксы буркан болмышта сакынгыл мени майтри 'Став лишенным суетности буддой, подумай, Майтри, обо мне' (ТТ УП, прим.6); якут. - Кини киирбитигэр олус соһуйдум 'Я страшно удивился, когда он вошел' (ЯРС, с.334). ЦДТП - Аһ кылу түкэт-мишта кин он кун эртмэз кинэ 'Не прошло после совершения свадебного пира еще и десяти дней' (СЗБ, 4, 15); якут. - Утуйбутум кэннэ барбыт 'Он ушел после того, как я уснул' (ЯРС, с.219).

г) ЦДТП - Ол браман алтун йартмак булмыш үчүн артукрак сэвинип 'Тот браман, очень обрадовавшись получению монеты (букв. 'из-за того, что он получил')' (УИг. III, 68, 14); якут. - Аһам куюбаһы ыһпытым иһин, хата мөһпөтө 'Отец, к счастью, не ругал меня из-за того, что я выпустил зайца' (ЯРС, с.156).

В языке ЦДТП и якутском языке субъект действия приименного определения передается одинаково - именем в основном падеже и аффиксом принадлежности при определяемом: ЦДТП - Мэн түшэмиш түлүм 'Сон, который я видела'; якут. - Мин манна тикпит сонум 'Шуба, которую я здесь сшила'.

Форма -дык, соответствующая форме -дук в языке ЦДТП, в различных фонетических вариантах является продуктивной в современных огузских и якутском языках (в якутском языке аффиксу -дук соответствует аффикс -тах в различных фонетических вариантах).

В огузских языках форма -дык выступает в атрибутивной функции (определяемое при форме -дык не совпадает с субъектом действия, выражаемого ею) (а) и в субстантивной функции (б):

а) азерб. - Ат чапдыгым дэли мейдан 'Безумное поле битвы, по которому я скакал на коне' (Г., с.283). (-дыг - фонетический вариант -дык): ЦДТП - Бардук йердэ 'В землях, куда [ты] ходил' (Кб 24).

б) азерб. - Йагин о меним Петербургдан гайытдыгым билмир 'Вероятно, он не знает, что я вернулся из Петербурга' (Г., с.285). ЦДТП - Билтүкүмүн өдүкүмүн бунча битиг битидим 'То, что я знал, то, над чем размышлял, я так написал' (КЧ 28).

В якутском языке форма -тах используется как личная форма со значением перфекта (а) и как причастие - в субстантивной функции (б):⁹⁴

⁹⁴ Ястрежский С.В. Грамматика якутского языка. М., 1938, с.45.

а) Сныстабым 'Оказывается, я ошибся'; ПДТП - Эбкэ тагдүкүм 'Я направился домой' (Оа 2).

б) Тимир суол станциятыгар аара түннүгүнэн керен истэхкэ баратыгар сэрйи сибикигэ биллэр 'Если (когда) смотреть через окно в пути на станцию железной дороги, везде заметны признаки войны' (У., с.173). ПДТП - Ада туда болтукта бу ном битигкэ таппып удунуп вусын этүэинтэ тутмыш көргөк 'Если (когда) бывает несчастье, надо чтить и уважать эту книгу, носить на себе талисман' (ТТ УП, I4, I8).

Использование продуктивной формы -дык является признаком, объединяющим современные огузские и якутский языки с языком ПДТП и отличающим их от других современных тюркских языков. В качестве личной формы форма -дык употребляется только в якутском языке и языке ПДТП.

В якутском языке сочетание аффикса отрицательного аспекта и аффикса -тах образует форму, которая представляет собой отрицательный аспект формы -быт⁹⁵ и полностью соответствует форме -мадук в языке ПДТП: якут. - Аспатабым 'Я не открыл'; ПДТП. - Улут эб өртөнмиш катына тэги калмадук 'Большой дом сгорел, не осталось даже основания' (ТС II, I4). Особый способ образования отрицательной формы перфекта является общим только для якутского языка и языка ПДТП.

Перифрастические глагольные формы

Перифрастические глагольные формы образуются путем сочетания форм причастий -р, -мыш и -дачы с глаголами эр- 'быть' и бол- 'стать'.

Сочетания причастий с глаголом эр- в форме прошедшего категорического времени эрти уже в языке памятников входят в систему временных форм изъявительного наклонения. Эрти в этих сочетаниях представляет собой элемент аналитической формы времени.⁹⁶ Сочетания причастий с глаголом эр- в формах -р, -мыш, -тай

⁹⁵ Харитонов Л.Н. Современный якутский язык, с.228.

⁹⁶ Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с.125.

следует рассматривать как перифрастические формы,⁹⁷ в которых глагол эр- сохраняет свое лексическое значение и обозначает пребывание в состоянии, выраженном первым компонентом: Йары ўзе йарыкланмыш эрүр 'Он облачен в кольчугу' (ТТ УШ, А 36). Өзү йашыг йэме узун кылтачы эрүр сиз таңрим 'О мой боже, Ты удлиняешь жизнь' (ТТ УП, 40, 94). Ырак бодунуг анча йагутыр эрмиш 'Они так приближали к себе далеко жившие народы' (КМ 5). Адыглы тоңузлы арт ўзе сокушмыш эрмиш 'Медведь и кабан встретились на перевале' (ТС II, 10). Бизиң амрак өгүкүмүз эң кичиги магаз выг ычгынмыш эргей мў биз 'Не лишились ли мы нашего любимого ребенка, самого младшего, Магастви?' (СЗБ 622, 9). Наличие перифрастических форм с глаголом эр- отражает более раннее состояние тюркских языков, когда все сочетания причастий с глаголом эр- являлись составным сказуемым, в которых причастие было предикативом (присвязочной частью), а глагол эр- — связкой. В языке ПДТП глагол эр- со значением 'быть', 'пребывать' может использоваться и самостоятельно: Йэме ўзүксүз арыгын эрмеки савар амрайур 'И он любит непрерывное бытие света' (Ман. Ш, 217). Эргүлүк тургудук йар орулары 'Места, где они должны обитать' (СЗБ 427, 2).

В сочетаниях с причастиями глагол бол- выражает переход в состояние, обозначаемое первым компонентом. Форма р бол- выражает начало действия, -маз бол- — прекращение действия, -мыш бол- — переход действия в его следствие, -дачы бол- — начало действия с модальным оттенком возможности совершения действия: Антэ кин йэме агрук болты кәңрәнү аш бәрүр болтылар 'Потом он снова тяжело заболел и ему стали с ропотом давать пищу' (КП 683). Бирисин кашып әлтүр болур 'Схватив одного из них, он собирается утащить его' (букв. 'становится тем, кто утащит его') (СЗБ 627, 9). Бириси тутсукуп әкәгүси коркынчылык озар болур 'Один из них схвачен, двое спасаются' (букв. 'становятся избегающими опасности') (СЗБ 620, 21). Көрүмәз болты 'Он стал невидимым' (СЗБ 644, 16). Йэме агазланмыш болты улуг өгрүнчүн 'Также было высказано с великой радостью' (Ман. I, 25, 3). Бирөк бармасар әзүк сөзләмиш болгай мән 'Если не пойду, то окажусь сказавшим ложь' (Уйг. Ш, 69, 7). Адрук адрук таң таңсук татыглар ўзе тод гуртачы болайын 'Я стану тем, кто насытит' (букв. 'сможет насы-

⁹⁷ Там же, с. 120, 125.

тить') [их всех] различными яствами' (СЗБ II8, 6). Узун бод-
мез низванлыг игит эмлетэчи болалым 'Будем лечить болезни, свя-
занные с долго не поддающимися лечению страстями' (букв. 'теми,
кто сможет лечить') (ТТ I, прим. 77).

Двойственный характер перифрастических форм в турецких языках проявляется в действии двух противоположных тенденций. Первая тенденция находит свое выражение в переходе перифрастических форм в аналитические (сложные временные формы), а последних в синтетические в результате превращения второго компонента в аффикс. Вторая тенденция, противоположная первой, проявляется в сохранении раздельности компонентов перифрастической формы. Первая тенденция ведет к утрате самостоятельности глаголом эр- 'быть' в составе перифрастических форм. Уже в староосманском языке прошедшее категорическое время глагола эр- превратилось в показатель сказуемости прошедшего времени.⁹⁸ В современном турецком языке сложные временные формы изъявительного наклонения могут быть как аналитическими, так и синтетическими, однако чаще используются синтетические формы, в которых второй компонент превратился в аффикс.⁹⁹ Синтетические сложные формы изъявительного наклонения употребляются в азербайджанском языке.

Противоположная тенденция - тенденция к сохранению раздельности компонентов перифрастических форм находит свое выражение в том, что в ряде современных турецких языков сложные временные формы изъявительного наклонения сохраняют аналитический характер, т.е. второй компонент, восходящий к форме прошедшего категорического времени глагола эр-, еще не превратился в аффикс.¹⁰⁰ К таким формам относятся, например, сложные временные формы изъявительного наклонения в узбекском языке.¹⁰¹ Значительную устойчивость проявляет второй компонент в перифрастических

⁹⁸ Гузев В.Г. Староосманский язык, с.55, 61.

⁹⁹ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, с.236-237.

¹⁰⁰ Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в турецких языках, с.114-204.

¹⁰¹ Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.222.

формах с глаголом бол- (в различных фонетических вариантах). Глагол бол- в этих формах везде сохраняет свою форму и никогда не превращается в аффикс, как это происходит с глаголом эр-. Данное различие объясняется тем, что глагол эр- имел более отвлеченное значение, чем глагол бол-. Абстрактность значения глагола эр- способствовала утрате им самостоятельного лексического значения и превращению в грамматический показатель.

С у б с т а н т и в н а я ф о р м а - м а к

Форма -мак временных значений не имеет, определяемое при форме -мак не может обозначать субъект действия, выражаемого ед. Глагольный характер формы -мак проявляется в том, что она сохраняет глагольное управление, и в том, что аффикс -мак может сочетаться с аффиксом отрицательного аспекта -ма. Поэтому в языке ПЦТФ форма -мак еще не перешла в разряд имен существительных. Форма -мак принимает аффиксы падежей и сочетается с послелогом: Көңүлүң көкүзүң өкүнмәки үкүш 'Велико раскаяние твоего сердца' (ТТ I, 81). Уруг амыл абайабур атлыг нирванлыг улутча тәгмәкимиз болзун 'Да будет то, что мы достигнем вечно-го, спокойного града, называемого Абхаяпура' (УСп IOI, 18). Тәгмиш адгүләринтин йанмамак әрүр 'Это есть не обращение вспять от достигнутых благ' (СЗБ 236, 22). Иәмә адынагука бошгут бошгурмакын савәр 'Он также любит обучать других' (Ман. III, 21, 2). Ачмак сувсамак үзә сыкылыш турмыш 'Она страдала от голода и жажды' (СЗБ 609, 19).

В сочетании со словом кәргәк 'нужный' форма -мак выражает долженствование (чаще используется форма -мыш): Бир йылкы йазукумузны бошуу колмак кәргәк әрти 'Было нужно просить об отпущении наших грехов за год' (Хуаст. 192).

Двойственный характер формы -мак проявляется в том, что она имеет как субстантивный, так и глагольный характер. С одной стороны, проявляется тенденция к превращению этой формы в имя существительное, например в татарском языке. С другой стороны, в некоторых языках произошло усиление глагольных свойств форм -мак. Так, в современном казахском языке она является основой будущего времени с оттенком намерения.

Имена действия,
перешедшие в разряд
имен существительных
и прилагательных

Ниже рассматриваются аффиксы, посредством которых образуются имена действия, утратившие вербальность и перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных. Эти аффиксы очень древнего происхождения, о чем говорит утрата ими продуктивности уже в языке ПДТН.

-а ~ -н ~ -у: чокэ 'коленипоклонение', йарашы 'подходящий', толу 'весь', корку 'страх'.

-г ~ -к: билиг 'знание', ѳтүг 'просьба', сэвиг 'любовь', ѳртүг 'скрытие', тапыг 'служение', ѳлүг 'мертвый', битиг 'книга', 'надпись', ѳг 'мысль', кэчиг 'проход', йазук 'грех', адрук 'разный', капак 'крышка'.

-гак ~ -гук: йулгак 'факел', казгук 'кол', кургак 'суша', ичкэк 'вампир'.

-ган ~ -гын: тиркин 'скопление', ѳзгэн 'изменчивый'.

-гач: кыскач 'хомут'.

-з: уз 'искусный, мастер'.

-л: кысыл 'ущелье'.

-м: йарым 'половина', бэрим 'платежи', тогум 'рождение', ѳлүм 'смерть', көрүм 'взгляд', йэм ичим 'еда и питье', батым 'глубина' (погружения), тутум 'горсть'.

-мыр ~ -мур: аз алмыр 'алчность', йатмур 'дождь'.

-н: акын 'течение', түтүн 'дым', кыйын 'наказание'.

-нч: сэвинч 'радость', колунч 'просьба', тэгзинч 'круговорот', 'свиток', 'вращающийся', кэртгүнч 'вера', 'верующий'.

-п: толп 'полный'.

-т: тогут 'восход', бошгут 'наставление', кыйт 'наказание'.

-ш: уруш 'сражение', бууш 'печаль', билиш 'знание', сыкыш 'стеснение', күсүш 'желание', богуш 'понимание'.

Деепричастия представляют собой функциональную форму глагола, обозначающую сопутствующее действие. В языке ПДТП весь ряд деепричастий распадается на два малых ряда, как и в современных тюркских языках.¹⁰² Первый ряд — формы, "относимые ко времени" основной глагольной формы (-а ~ -ы ~ -у, -ыи/-йи, -п, -пан, -маты, -матын). Они обозначают обстоятельство образа действия. Второй ряд — формы, "соотносимые по времени" с основной глагольной формой (-р эркэн, -р эрикли, -гынча, -галы). Эти формы обозначают обстоятельство времени.

Деепричастие -а ~ -ы ~ -у (после основ на согласный) и -йа ~ -йи ~ -йу (после основ на гласный) выражает действие, протекающее параллельно и одновременно с другим действием и характеризующее его с точки зрения образа действия, иногда цели: Селенэ сыка санчдым 'Я победил, оттесняя [врага] к Селенге' (МУ 16). Ёгирэ сабиню кэлир 'Радуюсь и веселясь, он возвращается' (ТС II, 45). Ыглайу йалвара ёкуню бошуну кшанти ётунтилер 'Плача, умоляя и раскаяваясь, они обратились с покаянием' (ТТ IV, А 14). Ыаглыг камыч булуцын йалгайу тириллиш 'Полизав край масляного ковша, она ожила' (ТС II, 18). Каганладук каганын нчыны ндыш 'Правившего своего кагана он потерял' (О 2). Күлтэгин эбиг башлайу кыдтымиз 'Мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он началствовал дома' (КБ 48). Эдгү кишилэр йолын кэсэ катигланур 'Они прилагают усилия к тому, чтобы перерезать дороги хороших людей' (ТТ I, 28). Как показывает материал языка ПДТП, формы -а ~ -ы ~ -у являются фонетическими вариантами одной и той же формы деепричастия¹⁰³ (в дальнейшем для краткости мы будем называть эту форму формой -а). Однако в языке ПДТП происходит известная дифференциация этих фонетических вариантов по употреблению: форма -ы используется только в составе аналитических форм, выражающих характер протекания действия, употребляется в рунических памятниках. Параллельное употребление раз-

¹⁰² И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.74, 77, 80.

¹⁰³ R a d l o f f W. Neue Folge, S.94; Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание, с.108.

личных фонетических вариантов в языке ПДТП следует объяснить его смешанным, наддиалектным характером. В дальнейшем в тюркских языках стал использоваться, как правило, один из вариантов данного деепричастия, чаще всего с широким гласным.

По своему происхождению деепричастие -а представляет собой имя действия.¹⁰⁴ Об этом говорит его использование в функции определения¹⁰⁵ (а), возможность сочетания с аффиксом -кы (б) и послелогом (в): а) Тога олү улаг сапыг үзүлмэз 'Порядок следования рождения и смерти не нарушится' (ТТ VI, 015). б) Тагирмилэйүки йагың 'Находящиеся вокруг твои враги' (ТТ I, 58). в) Сөзлэйү бирлэ 'Сказав' (Хюэн 4).

Деепричастие -нн (после основ на согласный) и -йин (после основ на гласный) выражает действие, протекающее одновременно с главным и характеризующее его с точки зрения образа действия: Нөкэ тээр биз үкүш тэйн 'Зачем нам бежать, говоря, что [их] много' (Т 38). Уже в языке ПДТП это деепричастие утратило продуктивность, и формы деепричастия -нн представляют собой служебные слова, в основном послелоги: ийин 'по', 'согласно' (ий- 'следовать'), сайнн - послелог обозначающий охват действием всех предметов, обозначаемых словом, к которому относится сайнн (са- 'считать'). Слово тэйн 'говоря' выступает в функции союзного слова и в значительной мере утратило свое самостоятельное лексическое значение. Деепричастие -нн представляет собой древнее причастие, превратившееся в деепричастие (деепричастие -нн продуктивно в современных якутском и чувашском языках).¹⁰⁶

Деепричастия -п, -пан (деепричастие -пан употребляется главным образом в рунических и манихейских памятниках) обозначают действие, однородное с действием, выраженным основной глагольной формой, семантически и синтаксически тяготеющее к нему, чем и объясняется частое употребление деепричастия -п как средства выражения однородных глагольных форм. Деепричас-

¹⁰⁴ Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.166.

¹⁰⁵ G a b a i n A. Alttürkische Grammatik, S.122.

¹⁰⁶ К о н о н о в А.Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия. - ВЯ, 1965, № 5, с.110.

тия -н и -пан могут выражать действие, одновременное с главным действием (а) и предшествующее ему (б). Сама форма указанных деепричастий не содержит указания на одновременность или предшествование. Эти значения определяются контекстом. Семантических различий между деепричастиями -н и -пан в языке ЦТН нет. Аффикс -н восходит к -пан. Аффикс -пан исторически является показателем причастия (имени совершенного действия), которое стало использоваться как деепричастие.¹⁰⁷

а) Ёртчэ кызып келти 'Они пришли, пламенея, как огонь' (Т 40). Ит кары болсар йатып үрүр 'Если собака состарится, она лежит лежа' (ТТ VII, 42, 6). Ёрдэ йатып йокару тургалы аш ашлагалы унамады 'Он, лежа на земле, не соглашался ни встать. ни поесть' (КП I9, 6). Инчин эрдэмин батуруп бу йиртинчү йер сууда камаг тынлыглар ара йорыйур эртилэр 'Но они ходили среди всех живых существ в этом мире, скрывая свою добродетель' (ТТ VI, 352). Талуйда йатыпан тапладукымн тутар мән 'Находясь на море, я ловлю то, что мне нравится' (ТС II, 4). Ол тагда турупан мәңилэйүр мән 'Живя на той горе, я радуюсь' (ТС II, 78). Алтун: ёргин үзэ одурупан мәңилэйүр мән 'Сидя на золотом троне, я радуюсь' (ТС II, I).

б) Ол сабыг энидип удасыкым кәлмәди 'Когда я услышал эти слова, я лишился сна' (Т I2). Эби он күн өйрә үркүп бармыш 'Всё семейство за десять дней до того испугалось и бежало' (МЧ 3I). Кин буркан кутын булуп ном тилгәнин тәвирәр 'Затем он обретет блаженство будды и будет вращать колесо учения' (ТТ VI, 455). Бир эр бирэр адакын бап кәмишип йүңин кыркарлар 'Связав ноги у каждой [овцы] в отдельности, [ее] бросают [на землю] и стригут шерсть' (Ман. III, 33, 4). Аны улугы магабали тәгин көрүп инчә тәп тәди 'Увидев это, старший из них, принц Магабали, сказал так' (СЗБ 6IO, 4). Сүңүглүг кантан кәлипән сүрә элти 'Откуда пришли копьеносцы и погнажи [тебя]' (I3 23). Утру йәрдә огры сокушуп тутупан минмиш 'По пути лошади встретился вор, он поймал ее и сел верхом' (ТС II, 23). Табышган тәриси өңүшүпән йүгүру бармыш 'Шкура зайца полетела ключьями (букв. 'линяла'), и он убежал' (ТС II, 67). Экинти йәмә йәккә ичкәккә тәңри тәпән йүкүнч

¹⁰⁷ Там же, с. IIO-III.

йүкүнүмэ 'Также, во-вторых, поклоняющиеся демонам, называя (букв. 'назав') их богами' (Хуаст. II8).

Деепричастия -п и -пан используются для передачи однородных глагольных форм: *Өтрү олурмыш орунтинн өрү туруп оң эгиниң тонин бэртиң ачынп тизин чөкидиң элигин кавшуруп тэңри тэңриси бурканка ичэ тәп өтүг өтүнти* 'Затем он поднялся со своего места, обнажил правое плечо, преклонил колени, сложил руки и обратился с такой просьбой к богу богов будде' (ТТ VI, 011-013). *Эл өргинин анта өргинән этитдим* 'Я приказал построить и воздвигнуть там ставку правителя племенного союза' (МЧ 34).

Деепричастия -маты (используется только в рунических памятниках) и -матын ~ -мадын имеют те же значения, что и деепричастия -п и -пан, но в отрицательном аспекте: *Сәкиз огуз токуз татар калматы кэлти* 'Сәкиз-огузы и токуз-татары пришли все до последнего' (букв. 'не оставшись') (МЧ 15). *Түн удиматы күн-түз олурматы кызыл каным төкти кара тәрим йүгүрти* 'Ночами я не спал, днем не имел покоя, лилась моя красная кровь, тек мой черный пот' (Т 51-52). *Каганыңн сабын алматын йәр сайу бардыг* 'Не зная словам своего кагана, ты ходил по разным землям' (Км 9). *Камшайу уматын туруп* 'Он стоит не будучи в состоянии двигаться' (ТС II, 56). *Билтизмәдин туйузмадын тынлыгларка асыг тусу кылу йорныйур эртиләр* 'Они приносили пользу живым существам, не давая узнать себя' (ТТ VI, 355). *Коркматын айманматын олурур* 'Он сидит, не испытывая страха и боязни' (ТТ X, 338). *Атасың тәпа кәлмиш тәг одгурак тыдылмадын кәлгәй* 'Он придет так же определенно и не задерживаясь, как отец приходит к сыну' (ТТ X, 71). *Исинг өзиңә каймадын йәти әнүкләрин озгурды* 'Пренебрегая своей жизнью (букв. 'не обращая внимания на свою жизнь'), он спас ее семь детенышей' (СЗБ 630, 12).

Деепричастия -р эркән и -р эрикли обозначают действие, на временном фоне которого разворачивается действие основной глагольной формы: *Йәмә алканур эркән көңүлүмүзни сакнычымзын тәңригәрү тутмадымз әрсәр* 'Если мы при воздаянии хвалы не направляли свои сердца и помыслы к богу' (Хуаст. 159). *Калты балык қапагда олурур эркән кан удчысы бәш йүз уд сүрэ өнти* 'Когда он сидел у ворот города, вышел пастух хана, гоня пятьсот коров' (КП 64, 7). *Удыйур эркән эртиңү йавыз түл түмәли*

‘Когда она спала, она увидела очень плохой сон’ (СЗБ 620, 16).
 Кэчэ йарук батур эрикли сүнүшдүм ‘Вечером на закате солнца
 (букв. ‘когда заходило солнце’) я вступил в бой’ (МЧ 13). Эрке
 представляет собой причастие -ган, широко используемое в со-
 временных тюркских языках, за исключением некоторых огузских.
 В языке ПДТН, как и в современных огузских языках, данная фор-
 ма употребляется только как компонент деепричастия.

Деепричастие -мазкан (отрицательный аспект формы -р + аф-
 фикс -кан) обозначает предел во времени “пока не”: Тамутаки бр
 йалын такы онмэзкэн өртлүг йалынларта такы аганмазкан өкүнэлди
 ‘Покаемся, пока не поднялось адское пламя и не сверглись мы
 огненное пламя’ (Уйг. II, 87, 62).

Деепричастие -гынча обозначает временной предел действи-
 основной глагольной формы: Бэг йутуз болуп байын барымлыг
 карыгынча кавыншлыг аз эрүр ‘Тех, кто став мужем и женой, жи-
 вут вместе в богатстве и достатке, пока не состарятся, мало’
 (ТТ УІ, 313). Инчип эдгү кылычлыг ишлэркэ ынанмагынча бу инч
 сизтин айыгы савынчың адырты йок ‘Пока ты не веришь добры
 делам, из-за этого беспокойства у тебя нет различия между [хо-
 рошими и] плохими словами’ (ТТ I, 79).

Деепричастие -галы обозначает действие, являющееся исход-
 ным моментом для действия, выражаемого основной глагольной фо-
 мой (а), и цель действия (б): а) Эринч тиши барс энүклэгел
 йети күн болмыш ‘С тех пор как эта несчастная тигрица роди-
 детенышей, прошло семь дней’ (СЗБ 610, 2). б) Укгалы келти ‘О
 пришли, чтобы подчиниться’ (БК 28). Анш бизий сини алгалы н
 ды ‘Поэтому он послал нас, чтобы взять тебя’ (СЗБ 7, 13). Ты
 лыгларка кәңүрү асыг тусу кылгалы сакынчын кәли тәгиндим эрд
 ‘Я пришел с намерением щедро приносить пользу живым существам
 (Хюэн 206).

Систему деепричастий в языке ПДТН можно представить, ка-
 и в современных тюркских языках, в виде большого ряда, состоя-
 щего из двух малых рядов.¹⁰⁸ Первый ряд образуют деепричастия
 относимые во времени к основной глагольной форме: -а, -ын, -и
-пан, -маты, -матын ~ -мадын; второй ряд – деепричастия, соот-

¹⁰⁸ И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.79–

носимые по времени с основной глагольной формой: -р эркэн, -мазкан, -р эрикли, -гынча, -галы. Деепричастия первого ряда противопостоят друг другу как формы сопутствующего действия, однородного с главным (-п, -пан, -матн, -матнн ~ -маднн), и действия, параллельного с главным и характеризующего его с точки зрения образа действия (-а, -ын). Деепричастия второго ряда противопостоят друг другу как формы со значением одновременности (-р эркэн, -р эрикли) и предшествования (-гынча, -галы) действия по отношению к основной глагольной форме. Деепричастия -мазкан и -галы противопоставляются другим деепричастиям второго ряда как обозначающие действие, следующее после действия основной глагольной формы. Каждое деепричастие одного малого ряда противопостоят формам другого малого ряда (в рамках всего большого ряда форм) синтаксически: формы первого ряда имеют значение обстоятельства образа действия, формы второго ряда — обстоятельства времени и цели.

Таким образом, система деепричастий в языке ЦДТН близка к системе деепричастий в современных турецких языках. Это свидетельствует о том, что система грамматических оппозиций, в которую входят деепричастия в турецких языках, сложилась очень давно. В то же время некоторые особенности использования деепричастия -а в языке ЦДТН отражают более древнее состояние турецких языков. В современных турецких языках и в большинстве случаев в языке ЦДТН деепричастие -а функционирует как обстоятельство образа действия. Однако деепричастие -а в языке ЦДТН может иногда выступать и в функции обстоятельства времени и цели: Эки йаңыка кўн тогуру сўңушдўм 'Второго числа на восходе солнца' (букв. 'когда восходило солнце') я сразился' (МЧ 13), ср. Качэ йарук батур эрикли сўңушдўм 'Вечером на закате солнца' (букв. 'когда заходило солнце') я вступил в бой' (МЧ 13). Кўлтегин эбиг башлайу кыдтымиз 'Мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал дома' (КБ 48). Уже в языке ЦДТН такое использование деепричастия -а имеет спорадический характер.

Способность деепричастия -а передавать не только значение обстоятельства образа действия, но также и обстоятельства времени и цели отражает тот период развития турецких языков, когда еще не сложился второй ряд деепричастий, и деепричастие -а выражало сопутствующее действие, которое в зависимости от кон-

текста могло выступать в функции различных обстоятельств. Впоследствии, когда образовались деепричастные формы, соотносимые по времени с главным действием, круг функций деепричастия -а сузился. Многофункциональность деепричастия -а в языке ПДТП можно рассматривать как реликт более древнего языкового состояния. Следовательно, противопоставление деепричастий по синтаксическим признакам представляет собой относительно более позднее явление. Вначале деепричастия различались только по семантическим признакам. Формирование системы деепричастий, в которой каждое деепричастие входит в два ряда оппозиций, обусловлено действием тенденции к выражению различных функций различными формами. В современном турецком языке деепричастия содержат указание как на семантическое значение, так и на синтаксическую функцию. В языке ПДТП процесс формальной дифференциации деепричастий по синтаксическим функциям завершился не полностью, о чем и говорит многофункциональность деепричастия -а.

Как показывают данные языка ПДТП, образование системы деепричастий в тюркских языках шло двумя путями: а) причастие использовалось в функции обстоятельства, что объясняется способностью причастия, как и прилагательного, определять и предмет, и действие, б) причастие сочеталось с надежными аффиксами. Первый путь формирования деепричастий был особенно продуктивным в языке ПДТП. Большинство деепричастий в языке памятников представляет собой по происхождению причастные формы, например деепричастия -а, -и, -р эрикли, -р эркан.

Сложные глагольные формы, выражающие характер протекания действия

В языке ПДТП, как и в современных тюркских языках,¹⁰⁹ используется ряд форм, выражающих характер протекания действия с точки зрения длительности, завершенности, направленности, интенсивности. Первый компонент сложных глагольных форм — деепричастия -у ~ -а ~ -и, -и, второй компонент — модифицирующий глагол. В качестве модифицирующих глаголов используются глаго-

¹⁰⁹ Н а р и л о в Д.М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительно-морфологии алтайских языков, с.114-121.

ли бар- 'уходить', олур- 'сидеть', тур- 'стоять', йорн- 'ходить', тут- 'держать', кал- 'оставаться', алк- 'уничтожать', бүтүр- 'кончать', тукэт- 'завершать', ид- ~нт- 'посылать', код- 'ставить', ал- 'братъ', бэр- 'давать'.

Бар- 'уходить' выражает начало действия, причем действие рассматривается в развитии: Түрк бодун аты йок бола бармыш эр-ти 'Слава тюркского народа начала клониться к упадку' (О 3).

Бэр- выражает также действие, совершающееся с удалением от какого-либо лица или предмета: Тазип барды 'Он бежал' (Кб 34). Уча барды 'Он улетел' (умер) (БК Ха 10). Эсри мага йалым кайна бнүп бармыш 'Пестрая змея поднялась на крутую скалу' (ТС II, 75). Йыш эчи эшим кадашларыма адырылу бардым 'Я покинул своих старших товарищей и друзей по черни (чернь - нагорье с долинами, удобными для поселения)' (Е 16, 2).

Олур- 'сидеть' выражает процессуальность - незаконченное длительное действие: Огуз бодунуг игидү олурур 'Он возвышает над род огузов' (Г 62).

Тур- 'стоять' выражает процессуальность: Йалынайу турур тамутын оздлар 'Они избавились от пылающего ада' (ТТ III, 135). Брактан бозуну турур 'Издали виднеется' (Уйг. II, 22, 6). Коза каракы йалынайу тэгзинү турур 'Его глаза светятся и вращаются' (Уйг. I, 45, 16). В отличие от формы -у олур-, форма -у тур- может выражать не только непрерывное длительное действие, но и регулярность, повторяемость действия: Алдыг чэвишпиг кишилэр алдайу турур үскүңдэ 'Живые люди обманывают тебя при тебе же' (ТТ I, 26).

Йорн- 'ходить' выражает длительное многократное действие: Күн тэңри нэгү үчүн камбулдиш, улушуг тэгзинү йорнр 'Для чего солнце обходит вселенную?' (Хэн 183).

Тут- 'держать' выражает постоянное, длительное действие, подчеркивает его непрерывность: Алкинчу олүм күни бнү тутар 'Он постоянно размышляет о дне смерти' (Ман. III, 22, 6). Аны үчүн камаг йалаңклар айайу агырлайу тутмыш кэргэк 'Поэтому живые существа должны всегда относиться [к нему] с глубоким почтением' (Уйг. II, 14, 2).

Кал- 'оставаться' обозначает завершенность действия и пребывание в состоянии, являющемся результатом действия: Ызлук эч

оң йәрдә арып онуп туру калмыш 'Верховая лошадь в восточных странах, истощав, выбилась из сил' (ТС II, 25).

Алк- 'уничтожать' выражает законченность действия: Обзлән номлап алкмагүлук улуг буйан эдгү кылыч 'Великие заслуги и добрые дела, о которых нельзя перестать говорить и проповедовать' (СЗБ 671, 17). Сакинч кылу алксар 'Когда он поразмыслил' (ТТ У, А 41).

Бүтүр- 'кончать' выражает законченность действия: Укуп бүтүрдүм картү орунуг туймакыг 'Я постиг познание истины' (СЗБ 308, 3).

Түкәт- 'завершать' выражает полную завершенность действия, его исчерпанность: Бу мунтаг кут колуну түкәтип 'Завершив вот эту мольбу' (Уйг. Ш, 16, 14). Кылу түкәтмиш айыг кылычларым арынаун 'Пусть простятся уже совершенные мною дурные дела' (СЗБ 139, 4).

Ид-~ ыт- 'посылать' выражает исчерпанность действия с оттенком интенсивности, действие совершается быстро: Каганладук каганын ычгыны ыдымш 'Своего правившего кагана он потерял' (О 2). Кантү тогмыш кылычмыш мәңигү тәүри йарин уныту ытды 'Они совершенно забыли обитель вечного бога, где сами они родились' (Хуаст. 14). 'Өтрү мени бошуу ытды 'Затем он освободил меня' (СЗБ 16, 12).

Кәл- 'приходить' выражает завершенность действия с оттенком внезапности и интенсивности: Мунчулайу түшәйү йатур әркән йәр тәбрамаки үзә бәлидләп одунуп кәлти 'Когда она спала и видела такой сон, из-за землетрясения она испугалась и проснулась' (СЗБ 621, 1). Сүт акып кәлти 'Вдруг потекло молоко' (СЗБ 621, 15). В зависимости от контекста кәл- может выражать действие, совершающееся по направлению к говорящему: Бәшинч ай уду кәлти 'На пятый месяц они последовали [за мной]' (МЧ 15).

Код- 'ставить' выражает законченность, завершенность действия с оттенком интенсивности: Этин барча йәп кодты 'Она съела все его мясо' (СЗБ 618, 12). Эвардийун ном рәтниг номлап кодтуз 'Ты долго проповедовал драгоценное евангельское учение' (ТТ Ш, 63).

Ал- 'брать' выражает действие, совершаемое в интересах субъекта действия: Токуз огуз бодунумун тәру кобраты алтым 'Я собрал свой народ токуз огузов' (МЧ 5).

Бэр- 'давать' выражает действие, совершаемое не в пользу субъекта действия: Кок тэйиңиң түркүмэ бодуума казгану бэртим 'Их голубых белок я добыл для моих тюрок, для моего народа' (БК в 12). Аны энти номлайу бэрэйли 'Теперь я вот это хочу проповедовать' (СЗБ 345, 20).

Сложные глагольные формы с модальным значением

Первый компонент сложных глагольных форм с модальным значением - деепричастия -у ~ -а; -галы, второй компонент - глагол с модальным значением. В качестве второго компонента используются глаголы у- 'мочь', бил- 'знать', бол- 'становиться', анун- 'желать', күсә- 'желать', огра- 'собираться', сакын- 'думать', тур- 'стоять', көр- 'видеть', йарлыка- 'соизволить', тегин- 'соизволить', 'удостоиться'.

Глаголы у- 'мочь', бил- 'знать', бол- 'стать' выражают возможность (модифицирующий глагол в положительном аспекте) или невозможность (модифицирующий глагол в отрицательном аспекте) совершения действия: Эдгү айың кылыңыг адиртгалы уйур 'Могут различать хорошие и плохие деяния' (Уйг. Ш, 5, 12). Исиг өзин улагалы удачы 'Сможет продлить его жизнь' (СЗБ 611, 5). Камшайу уматын турур 'Они стоят и не могут сдвинуться с места' (ТС II, 38). Шумну йәкләр ада туда кылу умас 'Демоны не смогут причинить несчастья' (ТТ VII, 28, 23). Йорикларынн эдгүсин айыңа адыра билмәккә тайанып 'Опираясь на умение разграничивать их хорошие и плохие поступки' (СЗБ 297, 8). Örү болмас 'Он не может подняться' (Хуэн, 1870). Катыг кәртгүнчлүг болмагынча оңаргалы болмас 'Пока он не будет твердо верующим, нельзя будет исправить его' (Хуэн, прим. 1870).

Анун- 'желать' выражает готовность совершить действие, преднамеренную подготовку к его совершению: Анунтумуз сизиңә әсра көңүлин йүкүнгәли 'Мы приготовились поклониться Тебе со смиренным сердцем' (ТТ III, 33).

Күсә- 'желать' выражает желание совершить действие: Күсәйүр мән кәнтү өзүм анытмагалы 'Я хочу самого себя не предназначать [к дальнейшему существованию]' (Хуэн 1973).

Огра- 'собираться' выражает намерение совершить действие: Нә нэгү иш ишлэгәли ограсар 'Если будет намереваться совершить какое-либо дело' (Уйг. II, 28, 26).

Сакын- 'думать' выражает намерение совершить действие: Эки колын кётүргэли сакынып кётүрү уматын күчсүз савын таңри бурханка ныча тэп өтүнти 'Он хотел поднять обе руки, но не смог и так обратился к божественному будде слабым голосом' (Уйг. Ш, 35, 30).

Тур- 'стоять' выражает готовность совершить действие в ближайшем будущем: Оз элиңе баргалы туруп 'Сам он собирается отправиться в свою страну' (Хюэн 269). Кэнт тэгрэки бодунут букунут өлүргэли алып муна амты балык ичине киргэли туруп 'Убив всех жителей в окрестностях города, он теперь вот-вот войдет в город' (ТТ X, 51).

Көр- 'видеть' выражает попытку совершить действие: Йэлу көр 'Попытайся отправиться' (Т 26).

Йарлыка- 'соизволить' выражает почтение к субъекту действия: Алтун өргин рэтнилик таучан үзэ олурду орнанду йарлыкаманы болзун 'Пусть соизволяет он сесть на золотой трон, на священное место, украшенное драгоценностями' (Ман. Ш, 34, 21). Тэңри тэңрисин бурхан магат улунка калгэли таплайу йарлыказун 'Пусть бог богов будда соизволяет согласиться прибыть в страну Магада' (ТТ X, 112). Улуг номлуг йула тамтуру йарлыкасунлар 'Пусть соизволяют зажечь светильник великого учения' (СЗБ 160, 1).

Тэгин- 'соизволить', 'удостоиться' в зависимости от контекста выражает почтение к субъекту или объекту действия: Тута тэгининлар 'Соблаговолите схватить [его]' (СЗБ 7, 17). Кэртүңчлүг үтрет мама күсүшине бытийу тэгиндим 'По желанию благочестивого Утрет Мама я с благоговением написал' (Уйг. I, 15, 3). Ничин бурхан канымызны көрүр биз номын эшитү тэгинур биз 'Таким образом, мы видим будду, нашего отца, и удостоиваемся чести слышать его учение' (Уйг. II, 87, 63).

В сложных глагольных формах, состоящих из деепричастия и модифицирующего глагола и выражающих характер протекания действия и различные модальные значения, основное лексическое значение выражается деепричастием, а поясняемая им глагольная форма передает дополнительные семантические оттенки. Слияние деепричастия с последующей глагольной формой и перенос основного лексического значения с основной глагольной формы на деепричастие представляет собой "закономерную тенденцию, в которой

деепричастие как бы отрицает свое основное качество — функцию выражения сопутствующего действия".^{III0}

Степень утраты лексического значения глаголами, следующими за деепричастиями в сложных глагольных формах, неодинакова. В сочетаниях с глаголами тур- 'стоять', ыд- 'посылать', код- 'класть', 'оставить' лексическое значение модифицирующего глагола ослаблено и второй компонент имеет преимущественно грамматическое значение. В других случаях модифицирующие глаголы сохраняют свое лексическое значение, например большинство глаголов движения, глаголы бүйтүр- 'кончать', түкөт- 'завершать', глаголы с модальным значением. В языке ПДТП наблюдается тенденция к грамматикализации второго компонента сложных глагольных форм, однако эта тенденция проявляется полностью лишь в современных тюркских языках.

Процесс формирования системы аналитических глагольных форм, выражающих характер протекания действия, связан с развитием более абстрактных значений модифицирующих глаголов. Примером такого развития может служить глагол тур- 'стоять'. В языке ПДТП лексическое значение этого глагола в составе сложных глагольных форм ослаблено, но еще сохраняется. В дальнейшем развитие абстрактных значений глагола тур- ('стоять', 'пробывать в каком-то состоянии') привело к утрате им лексических значений и превращению в грамматический показатель. Например, в башкирском языке в сложной глагольной форме с глаголом тур- этот глагол передает только грамматические значения, если основной глагол обозначает состояние.^{III1} Завершением процесса абстрагирования является превращение сочетаний деепричастия -п с глаголом тур- в форму времени (в тувинском языке форма -п тур- превратилась в форму конкретного настоящего времени).^{III2} Переход формы, выражающей характер протекания действия, в форму времени находит известную параллель и в индоевропейских язы-

^{III0} И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрков, с.163.

^{III1} Ю л д а ш е в А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках, с.66.

^{III2} И с х а к о в Ф.Г. Формы настоящего времени глагола изъявительного наклонения в тувинском языке. — ИСГТЯ, II, с.309—311.

ках, в которых на основе древних форм видового характера (под видовыми значениями в данном случае подразумеваются такие значения, как значения длительности, мгновенности, результативности, т.е. те же значения, которые передаются аналитическими глагольными формами в тюркских языках) сложились временные формы.¹¹³ Процесс перехода форм, выражающих характер протекания действия, в форму времени отражает действие универсальной тенденции к абстрагированию. П.С.Кузнецов отмечает, что значение отклонения действия к моменту речи представляет значение более обобщенного, более абстрактного характера, чем значение вида (под видом он понимает характер протекания действия).¹¹⁴

НАРЕЧИЕ

Основным лексико-морфологическим признаком Наречий является их лексическая и словообразовательная соотносительность со всеми разрядами изменяемых слов.¹¹⁵ В языке ЦДТН только в составе наречий используются аффиксы -ди, -дырты, -йа, -ру ~ -ра. Указанные аффиксы сочетаются с именами. С помощью аффикса -ди образуются качественные наречия (а), с помощью остальных аффиксов — наречия места (б): а) катыгды 'крепко', эдгүти 'хорошо'; б) таштырты 'снаружи', öндүрти 'спереди', үстүрти 'сверху', бөрийе 'на юг', курыйа 'на запад', ташра ~ ташру 'снаружи', ичра 'внутри'. Мы разделяем точку зрения А.М.Шербак, который считает, что наречия типа таштырты и ташра ~ ташру восходят к деепричастиям, образованным от вторичных (отыменных) основ глаголов.¹¹⁶ Аффиксы -ди, -дырты, -йа, -ру ~ -ра уже в языке ЦДТН употребляются ограниченно и являются непродуктивными. Таким образом, специальных аффиксов, образующих наречия, в языке ЦДТН

¹¹³ Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с.213-214, 218.

¹¹⁴ Там же, с.218.

¹¹⁵ Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.282.

¹¹⁶ Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.42, 43, 53.

мало и они используются редко. При этом часть этих аффиксов первоначально не использовалась для образования наречий.

Большинство наречий является лексикализированными формами падежей и деепричастий. Наречия – изолированные формы: дательного-направительного падежа: илгэрү 'вперед', бэргэрү 'на юг', нүгэрү 'наверх', курьгару 'на запад'; местного падежа: бурунда 'раньше', анта 'там'; инструментального падежа: барын 'целиком', тóпун 'вниз головой'; сравнительного падежа: анча 'так'.

Наречия – изолированные формы деепричастий (преимущественно деепричастия *-а*): йана 'снова', аша 'очень', тэгирэ 'вокруг', йандуру 'снова', биргэрү 'вместе', тэгирилэйү 'вокруг', икилэйү 'опять', узаты 'долго', арыты 'полностью', түкэти 'целиком'.

В языке ПДТН широко используется способ образования наречий путем сочетания одинаковых слов, синонимов и антонимов. Сочетание одинаковых слов или синонимов усиливает значение наречия: мунча мунча 'столько', 'так много', йандуру йана 'снова', йана икилэйү 'опять'. Сочетание синонимов может образовывать наречие со значением, отличающимся от значений его компонентов: эдгүти арыты 'благоговейно' (эдгүти 'хорошо', арыты 'совсем'). Сочетание антонимов образует наречие с собирательным значением: анта мунта 'повсюду', 'в разных местах' (анта 'там', мунта 'здесь').

В состав наречий входит ряд слов, которые используются и в качестве послелогов: öйрэ 'до', 'ранее', асра 'под', 'внизу', öтрү 'после', 'затем', ашну 'до', 'прежде', коды 'вниз по', 'вниз'. Указанные слова входят одновременно в разряд наречий и в разряд послелогов.

Исследование наречий в языке ПДТН позволяет в большинстве случаев проследить связь форм наречий с формами словоизменения. Во многих случаях наречия сохраняют тесную связь с соответствующей парадигмой словоизменения. Так, большое количество наречий в языке ПДТН образовано с помощью аффикса инструментального падежа типа тóрүсүзин 'беззаконно', тэркин 'быстро', коркынчлыгын 'испуганно', камаган 'целиком'. В языке памятников аффикс инструментального падежа еще сохраняет свою продуктивность. Поэтому формы тóрүсүзин, тэркин занимают промежуточное положение между формами падежа и собственно наречиями. Со-

поставление языка памятников с современными тюркскими языками показывает, что в тюркских языках наблюдается тенденция к расширению круга аффиксов, используемых в качестве средства образования наречий и не выполняющих других функций. Таким образом наречия представляют собой часть речи, находившуюся в период создания памятников в процессе формирования. Поэтому наречия в тюркских языках следует рассматривать как часть речи, сложившуюся относительно поздно.

ПОСЛЕЛОГИ

В языке ЦДТП, как и в современных тюркских языках, можно выделить послелоги-частицы и послелоги-имена, хотя граница между ними не всегда может быть проведена четко. Ниже рассматриваются послелоги, чаще всего используемые в языке ЦДТП.

Послелоги-частицы

Послелоги-частицы в языке ЦДТП представлены главным образом словами, сохраняющими частично свое лексическое значение. Послелогов, лексическое значение которых проявляется только в сочетании с другими словами, немного. К ним относятся послелоги тапа, тэг, үчүн.

Послелоги-частицы в языке ЦДТП могут управлять основным или винительным падежами (бирлэ ~ билэн ~ бирлэн, ийин, ичрэ, коды, өйрэ, сайу, тапа, тэг, тэгрэ, үзэ, үстүн, үчүн), дательным падежом (тэги, утру), исходным и местно-исходным падежами (адин, ашну, бөрү, кин, кэсрэ, өткүрү, өтрү, сиңар, улаты, ыңару).

Большинство послелогов-частиц представляет собой формы деепричастий (ийин, коды, сайу, тапа, тэгрэ, үзэ, тэги, ашну, өңи, өткүрү, өтрү, улаты).

П о с л е л о г и - ч а с т и ц ы ,
у п р а в л я ю щ и е о с н о в н ы м
и в и н и т е л ь н ы м п а д е ж а м и

Бирлэ ~ билэн ~ бирлэн в языке памятников выражает комитативные и инструментальные значения: Киши бирлэ элтишгүчи 'Он будет ссориться с людьми' (ТТ VII, I7, 7). Эчим каган бирлэ илгэрү йашыл өгүз шантуң йазика тэги сүләдимиз 'С моим дядею каганом мы ходили на восток вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой рекой Желтой' (Кб I7). Сизни бирлэ 'С вами' (ТТ II, A 1). Итинч огушуңузларни бирлэ 'Включая ваше седьмое родство' (Уйг. III, 55, II). Эдгү өглись билэн кавышур 'Встретится со своим добροжелателем' (ТТ УП, 32, II). От бирлэ кайындурмыш кизиг сувут йүз сакыз ката арваң чоңунта кодуң 'Прочитать сто восемь раз это заклинание над вскипяченной на огне горячей водой и вылить ее в сосуд для омовения' (СЗБ 478, 4). Бэг йутуз бирлэн болзун 'Бек пусть будет вместе с женой' (ТТ УП, 26, I5). Ийин 'по', 'соответственно' выражает соответствие тому, что обозначается именем, стоящим перед послелогом: Көңүл ийин эрдини идигэли уйур 'Они смогут собирать драгоценности по желанию' (ТТ У, В 9П). Иэл ийин эшитилүр күзки ыгач йаңгусы 'При порывах ветра (букв. 'соответственно ветру') слышится шум осенних деревьев' (ТТ I, I33). Өд ийинки 'Соответствующий времени' (СЗБ 566, 4).

Ичрэ 'внутри', 'внутри' передает локативные (а) и директивные (б) значения: а) Сув ичрэки тындыглар 'Существа, находящиеся в воде' (Хуаст. 95); б) Куйкасын тэрисин сув ичрэ кэмишмишлэр 'Их шкуры они бросили в воду' (Ман. III, 6I).

Коды 'вниз по' имеет пространственное значение: Салаңз коды йорыпан 'Пойдя вниз по Селенге' (Т 37).

Өңрө 'до' имеет временное значение: Эби он күн өңрө үркүп бармыш 'Его семейство (букв. 'его дом') за десять дней до того испугалось и бежало' (МЧ 3I).

Сайу выражает распространение действия на весь объект: Ол оң түн бодунын сайу ытымиз 'В ту же ночь мы отправили [послов] к каждому народу' (Т 42). Күн сайу нэчэ йавлак сакынч сакынуур биз 'Ежедневно сколько мы бываем, обуреваемы дурными помыслами' (Хуаст. I97). Орун орун сайу 'По разным местам' (СЗБ 622, 23).

Тапа выражает направленность действия на предмет: Эки отуз йапыма табгач тапа сүладим 'На двадцать втором году я ходил войной на табгачей' (БК 26).

Тэг 'как', 'словно', 'как будто' выражает сравнение, уподобление: Йагмыз тэگیرе учук тэг эрти 'Враги наши были кругом словно хищные птицы' (Т 8). Тамудагы тэг ачыг эмгэк эмгантиң 'Ты испытал горькие муки, подобные мукам ада' (Уйг. Ш, 46, 18).

Тэгре ~ тэгаре имеет пространственное значение вокруг (а) а также обозначает, что имя, стоящее перед послелогом, является предметом данной мысли (б): а) Кант тэграки бодун букун 'Народ, находящийся вокруг города' (ТТ У А, прим. 41); б) Тавар тэгаре көрсэр 'Если загадают относительно имущества' (ТТ УП, 29, 15).

Ўзе имеет ряд значений: пространственное - 'на', 'над' (а), временное - 'в', 'за', 'после' (б), инструментальное и комитативное (в), причинное - 'из-за' (г), целевое - 'чтобы' (д).

а) Алтун өргин ўзе олурупан 'Сидя на золотом троне' (ТС II, II). Он уйгур токуз огуз ўзе йўз йыл олуруп 'Властвуя сто лет над он-уйгурами и токуз-огузами' (МЧ 3).

б) Кутлуг кўн ўзе 'В счастливый день', (СЗБ 199, 19). Йэл ўзе йэл 'Ветер за ветром' (ТТ I, 15).

в) Бириси урук ўзе бойуными бады 'Один из них обязал веревкой мою шею' (СЗБ 7, 19). Ай могочлар-а сизлэр ўч түрлуг сакыч ўзе киртицизлэр 'О маги, вы вошли с тремя разными мыслями' (Уйг. I, 7, II).

г) Ёвкэ низваны ўзе кутуруп 'Придя в бешенство из-за расположенности к раздражению' (ТТ III, 29).

д) Озгу ўзе 'Чтобы освободить' (ТТ III, 142).

Ўстўн имеет пространственное значение 'над': Киндик ўстўн мән болсар огры болур 'Если родинка будет над пупком, он станет вором' (УСп 42, 5).

Ўчўн передает целевые значения - 'для', 'ради' (а) и причинные - 'из-за' (б):

а) Кўн тэгри нэгў ўчўн чамбудивип улушуг тэгзинў йорыр 'Для чего солнце обходит вселенную?' (Хуэн 183). Сакиз адаклыг барымыг ўчўн йылкы тўкети бардым 'За своим восьминогим скотом я ездил на конях' (Е 11, 3) Сизлэрни ўчўн одгурак номлайу бэрэйли 'Вам я хочу проповедовать обстоятельно' (ТТ VI, 26).

б) Тай билгэ тутук йаблакын үчүн бир эки атлыг йаблакын үчүн кара бодунум өлтүн 'Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых людей ты, мой простой народ, погиб' (МЧ I7). Кэртгүнч күч бар болмыш үчүн төрт түрлүг шым-нуларка чалсыкмаз бастыкмаз 'Благодаря существованию силы истинной веры они не будут разбиты и подавлены четырьмя родами демонов' (ТТ У, В 29). Өзлүтлэриг өлүрмүш үчүн өкүнүп туйунуп 'Раскаиваясь в убийстве живых существ' (СЗБ I4, I4).

П о с л е л о г и - ч а с т и ц ы,
у п р а в л я ю щ и е д а т е л ь н ы м п а д е ж о м

Тэги 'до' обозначает предел в пространстве и времени: Тэ-мир каныгка тэги эртимиз 'Мы преследовали [их] до Темир-Капыга' (Т 45). Улугка кичигкэ тэги 'Вплоть до старых и малых' (Хуаст. 97). Иэти күнкэ тэги 'До семи дней' (ТТ УИ, 26, 4).

Утру 'навстречу' имеет пространственное значение: Элиг бөгкэ утру 'Навстречу правителю' (Уйг. Ш, 63, 6).

П о с л е л о г и - ч а с т и ц ы,
у п р а в л я ю щ и е м е с т н о - и с х о д н ы м
(в а б л а т и в н о м з н а ч е н и и)
и и с х о д н ы м п а д е ж а м и

Адын 'кроме' обозначает, что предмет, названный словом, предшествующим послелогу, отделяется от других аналогичных предметов: Артамаксыз бузулмаксыз эд тавар буйан эдгү кылынчта адын йок 'Непреходящего, неразрушающегося добра нет; кроме добродетельных поступков' (Уйг. II, 80, 62). Азу олартын адын кайу ажуларта тогмыш эрсэр 'Или если бы родились также в каких-либо других бытиях, кроме этих' (Уйг. II, 45, 45). Мунтада адын такы өңи аш ичкү йок 'Кроме же этого, другой пищи [у них] нет' (СЗБ 610, 16).

Ашну 'до', 'прежде' имеет временное значение: Башда ашну ишлэтурлэр 'До начала они используют' (ТТ У, В 58).

Барү 'от', 'с' выражает исходный пункт в пространстве и времени: Баштын барү адакка тэги окытым 'Я прочитал от начала до конца' (Ман. I, 30, 24). Барча коңүлтэ барү өгирэ сөвинү 'Радуюсь от всего сердца' (Ман. Ш, 34, 12). Илкисиздэ барү ол

айаг кылынч йок ким биз кылмадымз эрсэр 'С давних пор не было тяжких грехов, которых мы не совершили бы' (ТТ IV, А 23).

Кин и кэсрэ 'после' имеют временное значение: Анта кин тэңри элиг коңули аз коңшады 'После этого сердце божественного правителя немного заколебалось' (ТТ II, А 30). Түрк бурханларта кин интиция 'Ты снизошел вслед за могучими буддами' (ТТ III, 66). Анта кэсрэ иниси каган болмыш эринч 'После этого каганами стали их младшие братья' (КБ 4). Ол кан йок болтукда кэсрэ 'После того как не стало того хана' (О I).

Өткүрү 'через', 'вследствие' выражает причину: Кылынчта өткүрү ажун болур 'Через действие возникает существование' (Уйт. II, 7, II). Бу үчэгүнүң кавышмакынтын өткүрү өтрү көлиге балгүрэр 'Вследствие объединения этих трех [особенностей] появляются затем тени отражений' (СЗБ 52, 19).

Өтрү 'после' имеет временное значение: Анта өтрү огул кыз тогар 'Затем будут рождаться дети' (Ман. I, 16, 4). Айтукта өтрү 'После того как сказали' (ТТ II, А 53).

Сыңар 'по направлению от' имеет пространственное значение: Алкудин сыңар этүз көркин көркитип 'Показывая повсюду (букв. 'овсюду') красоту тела' (Куан 2). Күн ортуда сыңар йэл турсар 'Если поднимется ветер с юга' (Ман. III, 10, 8).

Улаты 'кроме' обозначает, что предмет, названный словом, предшествующим послелогу, отделяется от других аналогичных предметов: Адамыз узун йашамакта улаты 'Помимо лишней опасности долгой жизни' (ТТ VII, 40, 129). Үзтэ бузта улаты үкүш телим низваньлар 'Многие другие страсти, кроме страсти питать ненависть' (Ман. III, 47, 3).

Ыңару 'далее', 'впереди' имеет пространственные и временные значения: Мунтуда ыңару өңтүн йыңак алтун таг бар 'Впереди есть гора из золота' (КП 37, 5). Бу күнтө ыңару такы он йаш тириг йашагуңуз көзүңүр 'С сегодняшнего дня и далее видно [по сракулу] еще десять лет вашей жизни' (Хуэн 51).

Послелог-имена

Послелог-имена образуют атрибутивное сочетание с предшествующим именем и выполняют функцию служебных слов, уточняя пространственное и временное положение лица или предмета, обо-

значаемого предшествующим именем. Как и в современных турецких языках, в языке ПДТН послелоги-имена чаще всего представляют собой существительные с пространственным значением. В зависимости от семантики этих существительных сочетания с послелогами-именами могут передавать абстрактные значения. Послелоги-имена принимают аффиксы принадлежности, соответствующие предшествующему имени, и имеют форму дательного или местного падежа. В языке ПДТН употребляется довольно много имен существительных, которые могут выступать в функции послелогов-имен. Детальное исследование послелогов-имен относится уже к области лексикологии. Ниже рассматриваются наиболее широко употребляемые имена-послелоги.

Ал, алтын 'низ' < (алтын < ал + пространственный показатель -т + аффикс инструментального падежа -нн):¹¹⁷ Орнаглыг орун алыңта 'Место пребывания под тобой' (ТТ I, 130). Сув кум алыңа илинсаң 'Если вода задержится под песком' (ТТ I, прим. 130). Эрдини сөгүтләрнн алтыларынта 'Под драгоценными деревьями' (СЗБ 96, 6). Алтын может использоваться и в качестве послелога-частицы: Кәндик алтын мән болсар бай болур 'Если родинка будет под пунком, то [человек] будет богатым' (УСп 42, 6).

Ара 'промежуток', 'середина': Ол кувраг арасынта 'Среди той общины' (ТТ VI, 010). В языке памятников ара часто используется в качестве послелога-частицы: Экин ара киши оглы кылымны 'Между ними обоими были сотворены сны человеческие' (Кб I). Ала түз бизни ара йок 'У нас (букв. 'между нами') нет невзгод и обмана' (Ман. I, 10, 2).

Ич 'внутренность': Муна амты балык ичиңе киргәли турур 'Он теперь вот-вот войдет в город' (ТТ V А, прим. 41). Оңру тәгин балык ичиңе кирти 'Затем принц вошел в город' (КП 41, 7). Бән өлтүм түргин эл ичинтә 'Я умер в тюркешском государстве' (Е 37, 3). Талуи ичинтә йокадты 'Они погибли в океане' (КП 53, 8).

Огур 'обстоятельство', 'причина': Ном огрынта көтрүлүр 'Благодаря учению он возвышается' (ТТ VI, 36). Огурынта < огрынта в результате редукции узкого гласного у.

¹¹⁷ Севортян Э.В. Этимологический словарь турецких языков, с.140.

Оч 'перед': Тезрим сизизеру отунур мен сизиз оңуңузде йалынар мен 'О боже, я к Тебе обращаюсь с просьбой, умоляю Тебя (букв. 'перед тобой') (Ман. III, 24, 5).

Таш 'наружная сторона': Так йалыңуз йүреки ташынта биртечу эти томшыматы 'И только не остыл небольшой кусочек тела около (букв. 'снаружи') сердца' (СЗБ 4, 21).

Тылтаг 'причина': Тегинмек тылтагынта асланмак болур 'В результате ощущений появляется алчность' (Уйг. II. 9, 13).

Ўск 'перед': Тегин ол ач барс ўскинте суна йатты 'Принимая растянувшись, лег перед той голодной тигрицей' (СЗБ 616, 10).

Некоторые особенности системы послелогов в языке ЦДТП

Наибольшей степенью грамматикализации в языке памятников обладают послелого-частицы тэг и ўчўн. Они используются только в функции послелогов; самостоятельно, в функции обстоятельств или определений, не употребляются. Их значения могут передаваться аффиксами падежей. Значения послелога тэг могут выражаться аффиксом сравнительного падежа -ча, значения послелога ўчўн аффиксом дательного падежа (значение цели) и аффиксом местного исходного и исходного падежей (значение причины). В ряде современных тюркских языков наблюдается тенденция к превращению этих послелогов в аффиксы. Так, в узбекском языке послелог тэг в форме аффикса -дай образует наречия со значением подобия, сходства от имен существительных, прилагательных, местоимений и частей, ¹¹⁸ в турецких диалектах послелог ўчўн превратился в аффикс, подчиняющийся гармонии гласных.

Характерная особенность системы послелогов в языке памятников заключается в том, что в ряде случаев вместо имен-послелогов (как в современных тюркских языках) употребляются послелого-частицы - ўзе 'над', алтын 'под', ўстўн 'над', ичра 'внутри', ара 'между'. Вытеснение послелогов-частиц послелого-именами обусловлено действием тенденции к выражению различных значений различными формами: послелого-имена в отличие от послелогов-частиц позволяют дифференцировать директивные и локативные значения.

¹¹⁸ К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.285.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы делятся на соединительные, противительные и разделительные. В языке ПДТН противительные союзы отсутствуют. В качестве соединительного союза иногда может использоваться частица йэмэ: Күн йэмэ тун йэмэ йалү бардымиз 'Мы мчались и днем, и ночью' (Т 27). Часто йэмэ стоит в начале предложения, связывая его содержание с предшествующим контекстом: Йэмэ нэ иш йарлыг йардыкасар коп иши йорык болгай 'И если на него возлагается какая-либо работа или поручение, все эти дела ему удаются' (ТБ 18). Йэмэ амты болсун эсэру 'И теперь пусть будет [у него] здоровье' (Ман. I, 27, II).

Разделительные отношения передаются союзом азу 'или', сочетанием азу с частицей йэмэ, частицей ап, сочетанием ап и йэмэ. Иногда азу и ап в предложении повторяются. Азу улуг бачаг күн азу кичиг бачаг күнкэ кылсар 'Если совершит это в день великого поста или в день малого поста' (ТТ II А, прим.62). Азу эдиз тагта эрсэр азу эдиз эвте эрсэр 'Находится ли он на высокой горе или в высоком доме' (Уйг. II, 38, 79). Азу йэмэ ким кэлигмэ өдте 'Или же во время, которое наступит позднее' (СА 50). Ап айаглыг ап айагсыз улуг кичиг ким эрсэрлер 'Как достойные уважения, так и недостойные уважения, великие и малые, кто бы ни был' (ТТ УЦ, 40, 77). Ап йэмэ көзүнүр өдте ап йэмэ ким кэлигмэ өдлэртэ 'И в настоящее время и в будущее после времени' (СЗБ 528, 2).

Подчинительные союзы

Собственно подчинительных союзов, т.е. слов, полностью лишенных самостоятельной семантики и выступающих только в служебной функции в качестве подчинительных союзов, в языке ПДТН нет. В функции подчинительных союзов используются вопросительные слова ким 'кто', калы 'как' (см. раздел "Сложноподчиненное предложение", с.179).

Данные языка ПДТН показывают, что система союзов в тюркских языках относительно позднего происхождения. Слова, используемые в языке ПДТН в качестве союзов, представляют собой час-

тицы или вопросительные местоимения. Союз азу нетюркского происхождения.¹¹⁹ В современных тюркских языках значительная часть союзов — это слова иноязычного происхождения, проникшие в тюркские языки вместе с арабо-иранской лексикой. В тех тюркских языках, которые не заимствовали этой лексики, например в якутском языке, система союзов еще находится в процессе становления. Многие союзы сохраняют тесную связь с другими частями речи. Так, противительный союз баран 'но' — это деепричастие ан сложной глагольной формы, образованной сочетанием глаголов буол- 'быть', 'стать' и бар- 'уходить'. Связь этого союза с глагольной формой ощущается очень ясно.¹²⁰

ЧАСТИЦЫ

Частицы занимают промежуточное положение между союзами и наречиями. В языке ПДТН четкую границу между союзами и частицами провести часто нельзя. Ряд частиц используется в функции союзов (например, йэмэ). По своему происхождению частицы связаны с различными частями речи. Так, частица му (вопросительная частица) представляет собой древнее вопросительное местоимение. Вопросительная частица гу также связана с вопросительным местоимением (вопросительным местоимением ка).¹²¹

Частицы делятся на усилительные (а), ограничительные (б) присоединительные (в), вопросительные (г).

а) Ок / Ок: Ол ок тун 'В ту же ночь' (Т 42). Мунта ок 'Здесь же' (ТТ X, 543). Анчулайу ок 'Именно так' (Уйг. II, 37, 58). Анта айгучи бэн ок эртим 'Тогда и советником был я же' (Т 5). Тәңри оглы йэмэ мэн ок эрүр мэн 'Также и сын божий именно я' (Уйг. I, 7, 12).

Күк: Бизни өлүртэчи күк 'Он ведь нас убьет' (Т 30).

Йэмэ: Аңар аңча кийа йэмэ коркматын 'Ничуть не боясь его' (ТТ X, 351). Аңча йэмэ алита али эрмэз 'Он несколько не силь-

¹¹⁹ Ш е р б а к А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана, с.195.

¹²⁰ У б р я т о в а Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка, с.228.

¹²¹ Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание, с.76-78.

ний из сильных' (Уйг. III, 32, 6). Кай йәмә орунта 'В любом месте' (СА 51).

Такж: Кылмайук айнг кылычларыг икиләйү такы кылмаз мән 'Трехи, которые я не совершил, я не совершу и впредь' (СЗБ 138, 3).

б) Кна, кыйа / кийә, кына, кынья (в рунических текстах). Улуг иркин аз кынья эрин тәзип барды 'Великий иркин бежал только с немногими воинами' (Кб 34). Аз кынья түрк бодун йорыйур армиш 'Туркский народ в небольшом только количестве коцует' (Т 9). Мән әмти өлүр мән сиз йалаууз кыйа калыр сиз 'Теперь я умираю, вы остаетесь совсем одни' (КП 40, 3). Бир кийә амрак оглум 'Мое единственное дорогое дитя' (КП 25, 4). Ном элигиниң тәрин йөрүги бир кийә йолатгучы әрсәр 'Если доведет до их ушей хоть раз (единственный раз) глубокое толкование сутри' (СЗБ 87, 21). Йагук кына 'Совсем близко' (Уйг. IV, А 272). Аз кыйа өңрә йорыйу турсунлар 'Пусть они пройдут немного вперед (совсем немного)' (СЗБ 615, 13). Йақылмаз кына 'Совсем не распространяется' (СЗБ 4, 5).

в) Частица йәмә может выступать и в качестве присоединительной: Бу ирк йәмә аңчулайу ок ол 'И это гадание точно такое же' (ТТ VII, 28, 8).

г) В языке ПДТН используются вопросительные частицы му / мү и гу / гү. Частица му выражает общий вопрос: Эрмәз мү 'Не явится ли?' (Уйг. III, 42, 3). Экинги азунта ок му тәгинүр азу бу азунта йәмә мү тәгинмәки бар 'Достигнет ли он этого в следующем существовании или в этом?' (Уйг. IV, С 28). Ол адгү кылыч әрүш му тәтир 'Можно ли назвать эти добрые дела многочисленными?' (Уйг. II, 16, 14). Алкынмаз му ерти 'Разве они не исчезли бы?' (ТТ III, 65). В отдельных случаях частица му может использоваться и в предложениях, выражающих специальный вопрос, т.е. в предложениях с вопросительным словом: Нәмән өтгәй мү мән 'Как мне пройти?' (Хуән 27). Бар му нә 'Может ли это быть?' (букв. 'Что бывает?') (Т 14).

Частица гу / гү употребляется только в рунических текстах. Выражает сомнение и предполагает отрицательный ответ: Бу сабымда игид бар гу 'Разве есть ложь в этих моих словах?' (Км 10). Бөдкә көригмә бәгләр гү йаңылтачы сиз 'Разве вы, беки, появляющиеся престолу, можете впасть в ошибки?' (Км 11).

Близки по значению к частицам модальные слова эринч и эрки. Эринч выражает предположение с оттенком уверенности 'надо думать', 'должно быть'. Особенно часто эринч используется в рунических памятниках. Эринч стоит в конце предложения. Аны үчүн элиг анча тугмыш эринч 'Поэтому, надо думать, они [так] долго имели племенную организацию' (Кс 3). Тәүри умай ндук йар суб баса бәрти эринч 'Видимо, Небо, [богиня] Умай и священная Земля подавили [врагов]' (Т 38). Өзүмин ол тәүри олуртды эринч 'Надо думать, то божество и посадило меня каганом' (Кб 25). Кәнтү билингәй эринч 'Он, конечно, сам поймет' (КП 10, 1). Ол бодисавт эринч 'Он, должно быть, бодисатва' (КП 45, 5).

Эрки выражает предположение с оттенком уверенности (как и эринч). Эрки может использоваться как частица, усиливающая вопрос. Мән кәргәк эртим эрки 'Я должно быть, был нужен' (Уйг. III, 69, 26). Адын савәр амрақыңыз бар эрки 'У вас, надо думать, есть другая возлюбленная' (Уйг. IV, А 145). Канта эрки ол 'Где же он?' (Уйг. III, 45, 6).

Уна 'вот': Уна кыйа өлгәли йатур эрти 'И вот она лежала, готовая умереть' (СЗБ 609, 22).

Муна 'вот': Муна муны билмиш кәргәк 'Вот это следует знать' (ТТ II, В 24). Муна мән сәни өлүрүр мән 'И вот я убью тебя' (Уйг. III, 64, 6).

По своему происхождению эрки и эринч связаны с глаголом эр- 'быть', уна и муна можно рассматривать как вокативные формы указательных местоимений ол 'то' и бу 'это'.¹²²

¹²² G a b a i n A. Alttürkische Grammatik, S.93.

СИНТАКСИС

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Словосочетание представляет собой синтаксическое единство, состоящее из двух компонентов, первый из которых поясняет, уточняет, определяет второй. Каждый из этих компонентов может в свою очередь быть словосочетанием. В языке ПШП, так же как и в современных тюркских языках, поясняющий компонент, как правило, предшествует поясняемому. В зависимости от главного — поясняемого члена словосочетания можно выделить следующие типы словосочетаний: субстантивные словосочетания (главный член — имя существительное или глагольная форма -мак), адъективные словосочетания (главный член — имя прилагательное), глагольные словосочетания (главный член — глагольная форма, кроме формы -мак).¹

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В субстантивном словосочетании зависимый — определяющий член может быть выражен именем прилагательным (а), существительным (б), числительным (в), местоимением (г), предикативными словами бар и йок (д), причастиями (е), глагольной формой -мак (ж):

¹ Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с.59-63; Тенишев Э.Р. Строй сарыг-ягурского языка. М., 1976, с.124-125.

а) Эдгү кылинч 'Добрые дела' (ТТ УІ, 41). Сарыг алтун уруч кумуш 'Желтое золото, белое серебро' (Т 48). Бир кары окузут 'Одного старого вола' (ТС II, 56). Иань тон 'Новая одежда' (ТТ УІІ, 36, 18). Ырак балык 'Далекий город' (ТТ УІІ, 34, 5). Каганлыг бодун 'Народ, имеющий кагана' (Кб 9). Билигсиз каган 'Неразумный каган' (Кб 5). Иазуксуз тынлыглар 'Безгрешные живые существа' (ТТ IV В, прим. 14). Тамудаки орт иалын 'Адский огонь и пламя' (букв. 'огонь и пламя, находящиеся в аду') (Уйг. II, 87, 61). Иайки уч айларта 'В три летние месяца' (ТТ УІІ, 38, 4).

б) Алтун оргин 'Золотой трон' (ТС II, 1). Капыгчы эр 'При-
вратник' (КП 66, 1). Тардуш бодун 'Тардушский народ' (Кб 13). Уйгур йаринте 'Из земли уйгуров' (Су 1). Түргөш каган 'Тюркеш-
ский каган' (Кб 53). Макайт элиг 'Государь Макайт' (КП 4, 2). Сумир таг 'Гора Сумеру' (ТТ III, 54). Сагак ыгач 'Ореховое дере-
во' (ТС II, 86). Эр ат 'Мужское имя' (Кб 31). Таври йари 'Место
где обитают боги' (Ман. I, 13, 6). Кудуг сувинта 'В колодезной
воде' (ТТ УІІ, 42, 7). Бу битиг идиси 'Обладатель этого писания'
(Ман. I, 21, 0). Улуг эчимниң амрак кунчуй 'Любимая жена моего
старшего брата' (Уйг. III, 83, 13). Эжүк сөгүтнүн бутыкы 'Ветвь
деревна Амока' (Уйг. II, 24, 3).

в) Эки ай 'Два месяца' (МЧ 17). Үчүнч ай 'Третий месяц'
(УСп 40, 10). Бешер йүз йәкләр 'По пятьсот демонов' (СЗБ, 456,
14).

г) Бу ырк 'Этот оракул' (ТТ УІІ, 29, 3). Ол төзүн эр 'Тот
благородный мужчина' (Ман. I, 5, 12). Кемаг тынлыглар 'Все жи-
вые существа' (КП 47, 6).

д) Бар кучин үнтүрүп 'Собрав всю свою силу' (Уйг. I, 43,
11). Йок чыганы бодун 'Неимущий народ' (Км 10).

е) Йол йанымшы киши 'Человек, сбившийся с пути' (Уйг. III,
50, 7). Ам бүшөрдэчи от 'Огонь, на котором можно приготовить пи-
щу' (ТТ УШ, М 22). Учугма тындыг 'Летающие живые существа' (Ху-
аст. 94). Бу ыркыг ырклагучы киши 'Человек, который гадает по
этому оракулу' (ТТ УІІ, 28, 9). Тапынгу йүкүнгү эрдини 'Драго-
ценность, достойная уважения и почитания' (Уйг. I, 8, 18). Дун-

гулуу бурвач 'Чаша, предназначенная для омовения' (ТТ УШ, С 8).
Отунтук отунчум 'Просьба, с которой я обратился' (Т 15).

ж) Амранмак низваны 'Страдания от любви' (ТТ Х, 526). Аз-ланмак сакнычын кэтирип 'Отбросив алчные помыслы' (СЗБ 266, 20).

АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В адъективном словосочетании зависимый – определяющий член выражается с помощью количественного слова, передающего значение характеристики степени, интенсивности качества: Бу там эртиңу агыр туруп 'Этот камень очень тяжелый' (Уйг. I, 8, 4). Коп түрлүг иш 'Самые разнообразные дела' (ТТ УП, 12, 6). Айың билге 'Очень мудрый' (КП 74, 5). Кадыр кыныг көңүл 'Весьма ревностные чувства' (ТТ IX, прим. 63).

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В глагольном словосочетании зависимый член выражается различными падежными формами имен и сочетанием имени с послелогом (а), именем числительным (б), именем прилагательным (в), деепричастием (г), наречием (д), частицей (е):

а) Эдгү кылыңч кылгыл 'Твори добрые дела' (ТТ I, 111). Кан олурупан орду йапымыш 'Хан, сев на престол, построил дворец' (ТС II, 41). Йылкысын барымын кызын кудузын кэлүртүм 'Их табуны, их скот, их девиц и женщин я привез [к себе]' (МЧ 15). Эки оглыма йабогу шад ат бэртим 'Двум сыновьям моим я дал титулы ябогу и шада' (МЧ 19). Баңа айды 'Он сказал мне' (Т 31). Ол йаңаларга көмэн аш йуттуруп 'Заставив тех слонов проглотить пищу, подвергающую их действию чар' (СЗБ 605, 12). Алку тынлыг оглани ада-сыз улуг кутрулмакка тэгсүнлэр 'Дети всех живых существ пусть беспрепятственно достигнут великого освобождения' (Уйг. I, 15, 4). Тенрилигангөрү барды 'Он пошел по направлению к храму' (Ман. I, 33, 15). Алтуң йышда олуруң 'Селится в Алтуаской черни' (Т 31). Тенрилиг куртга йуртда калмыш 'Умирающая старуха осталась в кочевье' (ТС II, 18). Өгсүз болуп йерде камчыты 'Потеряв созна-

нае, он упал на землю' (Уйг. Ш, 60, 7). Идишитэ аяакыта Они
канча барыр мән 'Куда я пойду еще от моего сосуда и моей чаши'
(ТС II, 63). Хормузта таңриг тамудан йокару агтурты онтурти. Они
предоставили возможность богу Ормузду подняться вверх из ада и
выйти [из него]' (Ман. I, 13, 19). Алтун куругсакымн кылыч
кәсипән 'Мое золотое чрево разрезав мечом' (ТС II, 12). Өртчә
кызып кәлти 'Они пришли, пламенея, как огонь' (Т 40). Үзүксү
низваннар бирлә сүңүшмәк бчәшмәк 'Непрестанно сражаться и бо-
роться со своими страстями' (Ман. Ш, 12, 13). Алтун өргин Үзә
олурупан 'Сидя на золотом троне' (ТС II, 11).

б) Аңау йана Үч мин йүкүнтиләр 'Они поклонились еще три
тысячи раз' (Хуән, прим. 1859). Бу битигиг үч ката оқысарлар
'Боли прочтут эту книгу три раза' (ТТ VI, 435). Бир йылга Они
йолы сүңүшлүмүз 'В один год мы сразились пять раз' (Кб 44). Үч
гүн кабылып сүләлим 'Объединившись втроем, отправимся в поход'
(Т 2). Бирәр бирәр адакин бап кәмишип йүңин кыркарлар 'Связав
ноги у каждой [овцы] в отдельности, ее бросают [на землю] и
стригут шерсть' (Ман. Ш, 33, 4).

в) Түпүткә кичит тәгмәдим 'Я немного не дошел до Тибета'
(Км 3). Камаг номлариг калысназ өткүрү топулу билмиш башгунмын
'Полностью и глубоко познавший и изучивший все трактаты' (Уйг.
I, 13, 5).

г) Йаглыг камыч булуңн йалгайу тирлимиш 'Полизав краш кон-
ша с маслом, она ожила' (ТС II, 18). Мунча сөзләп өнүп барды
'Сказав так, он отправился' (Хуән 81). Артамаднн уз бүтәр 'Не
портясь, отлично созреет' (Уйг. I, 27, 6). Укгалн кәлти 'Они
пришли, чтобы подчиниться' (БК 28). Катиг кәртгүнчлүг болмагнн-
ча оңаргалы болмаз 'Пока не будет твердо верующим, нельзя бу-
дет исправить [его]' (Хуән прим. 1870). Йәмә алканур эркән кә-
ңүлүмүзни сакынчмызны таңригәрү тутмадымыз эрсәр 'Если мы пр-
воздзянии хвалы не направляли свои сердца и помыслы к богу' (Ху-
аст. 159). Ачсар тосик өмәз сән 'Если ты голоден, ты не думаешь
о сытости' (Км 8).

д) Катыгды ба 'Крепко привяжи' (ТС II, 19). Ном эрдиниг тав-
ратн бититгил 'Вели быстро переписать эту драгоценную книгу'
(СЗБ 18, 19). Түкәти тәгүрсәр 'Если он полностью предоставит'

(уйг. II, 15, 13). Кин яна эдгү болур 'Затем снова будет хорошо' (ТС II, 89).

е) Аңар аяча кыйа йәмә коркматын 'И ничуть не боясь его' (ТТ X, 351).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По цели высказывания предложения делятся на повествовательные, вопросительные, модальные и восклицательные. Структурно предложения делятся на простые и сложные.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В языке ПЦП преобладают повествовательные предложения, что обусловлено характером памятников (в них в основном сообщается какая-либо информация). Повествовательные предложения могут быть положительными (а) и отрицательными (б):

а) Игиң агригың ачыды 'Болезни у тебя обострились' (ТТ I, 49). Ит күндә ада болур 'В день собаки будет несчастье' (ТТ УІ, 32, 16). Көртлә көркия ачгай балгүртгәй 'Он явит свой прекрасный образ' (Ман. I, 11, 4). Бу ырк түз ол 'Это гадание истинно' (ТТ УІ, 29, 3). Миң табылку түмән болты 'Тысяча иволг стала десятью тысячами' (ТС II, 49). Иәр тәңри төрүмшә бай йәмә бар йок чыгай йәмә бар 'С сотворения неба и земли есть богатые, есть и бедные' (КП 5, 8).

б) Эдгү кылмадым 'Добра я не делал' (уйг. II, 78, 40). Яна корка түшәр нәң булмаз 'Он снова терпит убыток и ничего не находит' (ТТ УІ, 14). Тагта уз йок 'В горах нет прохода' (ТТ УІ, 42, 8).

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вопросительные предложения можно разделить на предложения, содержащие общий вопрос (а), частный вопрос (б) и специальный вопрос (в):

а) Общий вопрос употребляется, когда говорящий что-либо сообщает и хочет получить положительный или отрицательный ответ. Структура общего вопроса такая же, как повествовательного предложения. Он передается с помощью частиц му и гу (в рукописных надписях), следующих после сказуемого: Мени сэвэр мусиз 'Любите ли вы меня?' (КП 6, 5). Бу сабымда игид бар гу 'Разве есть ложь в этих моих словах?' (КМ 10). Эрмэз мұ 'Разве не является?' (Уйг. Ш, 42, 3). Мәңзи анча кыйа йәмэ тагшилмәди артамадын турмаз му 'Разве его приятная красота не сохранится, не изменяясь и не портясь?' (Уйг. Ш, 23, 3).

б) Частный вопрос относится к одному из элементов высказывания, относительно которого говорящий хочет получить положительный или отрицательный ответ. Структура вопроса такая же, как и повествовательного предложения. После слова, к которому относится вопрос, ставится частица му: Экинти азуита оқ му тагинур азу бу азуита йәмэ мұ тагинмәки бар 'Достигнет ли он этого в следующем существовании или в этом?' (Уйг. IV, с 28).

в) Специальный вопрос ставится для того, чтобы получить определенные сведения и выражается с помощью слов с вопросительным значением, например нәгү 'что?', 'почему?', нәчүкин 'как', нәкә? 'почему?' Нәгү күтәр сизләр 'Что вы ждете?' (Уйг. I, 43, 7). Йәмэ нәчүкин болурлар тәңриләрниң эркилиги 'Так почему же они будут владыками богов?' (Уйг. I, 24, 13). Нәкә йыглау бушушлут кәлтиң 'Почему ты вернулся печальный и плачущий?' (КП 5, 2).

МОДАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В языке памятников могут быть выделены следующие виды модальных предложений: предложения, выражающие возможность и невозможность совершить действие (а), предложения, выражающие желание (б), предложения, выражающие долженствование (в). Модальные предложения могут быть вопросительными.

а) Эдгү айыг кылынчыг адыртлагалы уйур 'Могут различать хорошие и плохие деяния' (Уйг. III, 5, 12). Йәр алтынкы агылыкларыг көргәли утачы болтай 'Он будет (букв. 'окажется') способным видеть подземные клады' (СЗБ 444, 4). Шумчу йәкләр ада ту

да кылу умаз 'Демоны не смогут причинить вреда (несчастья)' (ТТ УП, 28, 23). Ёру болмаз 'Он не сможет подняться' (Хуэн 1870). Тэбрэйу йорыйу умады 'Он не мог двигаться' (КП 37, 2).

б) Ёгум отын алайын 'Да получу я наставления своей матери' (ТС II, 90). Тар кэми булайын 'Найду-ка я узкую ладью' (СЗБ 613, 21). Йэркэ кирейин эрти 'Пусть я бы вошел в землю' (Уйг. I, 37, 17).

в) Долженствование в языке ЦДТН выражается с помощью форм -мыш и -мак (в манихейских текстах) в сочетании со словом кэргэк 'нужный', 'необходимый': Муны билмыш кэргэк 'Вот это следует знать' (ТТ II, В 24). Түтсүлүг дугта кыйурмыш кэргэк 'Нужно сжечь на жаровне для воскурений' (ТТ V, А 130). Бир йылкы йазукумузны бошуйу колмак кэргэк эрти 'Нужно было просить о прощении наших грехов за год' (Хуаст. 192).

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В языке ЦДТН могут быть выделены следующие виды восклицательных предложений: побудительные предложения (сказуемое выражается формами повелительного наклонения и формой желательного наклонения 1-го л.мн.ч. -(а)лым (а), восклицательные предложения с вопросительными словами, например, нэлүк 'как?', нэчэ 'сколько?', нэкэ 'почему?', 'зачем?' (б), восклицательные предложения с междометиями (в):

а) Эдгүти ётүн 'Хорошенько молись!' (ТС II, 29). Көңүлүңни ёгрүнчлүг кылгыл 'Сделай радостным свое сердце!' (ТТ I, 12). Би-зиңэ ном номлаң 'Проповедуйте нам закон!' (КП 49, 5). Бэг йутуз бирлен болвун 'Бек пусть будет вместе с женой!' (ТТ УП, 26, 15). Амрак оглумнуң исиг ёзиңэ ада туда тэгүрмэгийл 'Не подвергай опасностям жизнь моего любимого сына!' (Уйг. III, 47, 21). Этүзкэ ада кылмазун 'Пусть не причиняют телу вред!' (Ман. III, 12, 5). Издэлим 'Давайте искать!' (СЗБ 620, 13).

б) Көнъэки нэлүк тонгай 'Как может замерзнуть его сосуд!' (ТС II, 88). Күн сайу нэчэ йавлак сакныч сакнур биз 'Ежедневно сколько мы бываем обуреваемы дурными помыслами!' (Хуаст. 197). Нэкэ тэзэр биз 'Зачем нам бежать!' (Т 38).

в) Ай мени агулут йылан тикти 'Ой, меня укалила ядовитая змея!' (Уйг. Ш, 88, 14). Айа ачыг эмгек э 'О тяжкие страдания!' (ТТ X, 409).

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Простые предложения в языке ПДТН в зависимости от наличия главных членов можно разделить на двусоставные и односоставные. Двусоставные и односоставные предложения могут быть нераспространенными (второстепенных членов предложения нет) и распространенными (имеются второстепенные члены предложения). Простые предложения могут быть полными, если все члены предложения выражены отдельными словами, и неполными, если какой-либо член предложения не выражен отдельным словом, но легко восстанавливается по контексту. В двусоставном предложении подлежащее и сказуемое выражены отдельными словами или же подлежащее выражается показателем лица при сказуемом.

Главные члены простого предложения

Подлежащее, выраженное формой основного падежа, имеет нулевой показатель падежа. В функции подлежащего могут использоваться неглагольные субстантивы — имена существительные и глагольные субстантивы (а), неглагольные и глагольные адъективы (в этом случае они обозначают носителя признака и субстантивируются) (б), числительные (в), местоимения (г), субстантивное словосочетание (д). В субстантивном словосочетании зависимый член словосочетания (определение) может быть выражен именем прилагательным, именем существительным, числительным, местоимением, причастием, глагольной формой -мак:

а) Күн тогди 'Взошло солнце' (ТС II, 39). Бурканлар бу ном битигиг батугулуги бармыкадылар 'Будды самоотверженно проповедовали эту книгу' (УСп I06, 31). Эби он күн бйрэ үркүн барман 'Его семейство за десять дней до того испугалось и бежало' (МЧ 31). Алынча анчулайу келмишлер бирле тулушмак болур 'С одной стороны, состоится встреча с Так-пришедшими' (Уйг. II, 35).

б) Балыкдакы татыкмыш тагдакы эмиш 'Жители городов (бука. 'находившиеся в городах') поднялись в горы, а жители гор (бука. 'находившиеся в горах') спустились вниз' (Кб 12). Балыкта улушта тургучу куврак катылмазун 'Живущие в городах и селениях не должны причисляться к общине' (УСп 88, 33).

в) Бу икегу бэглериңе айытмадын эр эбчи болмышлар 'Эти двое, не поставив в известность своих беков, поженились' (УСп 73, 5). Бириси урук үзө бойунымын бады 'Один из них веревкой обвязал мою шею' (СЗБ 7, 19).

г) Мэн элиг этмиш мэн 'Я создал племенной союз' (ТС II, 73). Өзүм амты ачынур мэн 'Теперь я сам каюсь' (СА 35). Барча иб-рүглүг ол 'Все они имеют объяснение' (Хуэн II2).

д) Иаш от бнди 'Выросла зеленая трава' (ТС II, 82). Бу лабайнын үни үкүш тынлыгларка эшидилүр 'Звук этого рожка слышен многим живым существам' (ТТ VII, 28, 30). Тоңузун азыгы сынмыш 'Клык кабана сломались' (ТС II, 10). Үч айлар атанур күз бдлер тэп 'Три месяца считаются осенним периодом' (СЗБ 589, 10). Бу урук түз ол 'Это гадание истинно' (ТТ VII, 29, 3). Узун йашайур тынлыглар аз 'Существ. живущих долго, мало' (ТТ VI, 021). Бу-күн күнкэ таги могочлар отка тапырмак тылтагы бу эрүр 'Это является причиной поклонения магов огню вплоть до сегодняшнего дня' (Уйг. I, 9, 4).

Глагольное сказуемое выражается простыми и сложными формами изъявительного наклонения (а), формами повелительного (б), желательного (в), условного (г) наклонений:

а) Анчып барс йылка чик тапа йоридым 'После этого в год тигра я пошел против чиков' (МЧ 19). Алтун туйуглуг адгырлык йарагай 'Пригодится табун жеребцов с золотыми копытами' (ТС II, 7). Тенри айгын түкети ишлэйүр биз 'Мы в совершенстве исполняем волю бога' (ТТ II, А 3). Кырк йашта атка тэгдэчи 'Он достигнет известности в сорок лет' (ТТ VII, 17, 24). Уна кыйа бдгали йатур эрти 'И вот она лежала, готовая умереть' (СЗБ 609, 22).

б) Кэнтү өзүң бэглиг эр таплагыл 'Ты сам почитай знатных людей' (Уйг. II, 21, 14). Күнтэмек мэниң эвимтэ аманзулар 'Ежедневно пусть они питаются в моем доме' (ТТ I, прим.160).

в) Каным сабын тыңлайын 'Я хочу услышать слова моего отца' (ТС II, 90). Бурканлар билдигиңе тагынәлим 'Мы хотим постигнуть знания будд' (ТТ VI, 380).

г) Түтүш кәриш кылмасар сән 'Если ты не затеешь спор и споров' (ТТ I, 180).

В языке ПДТП можно выделить следующие типы именного сказуемого:

1. Именное сказуемое, выраженное неглагольным субстантивом (именем существительным), глагольным субстантивом (именем действия с субстантивным значением), местоимением и числительным (с субстантивным значением). Этот вид именного сказуемого характеризует субъект путем установления тождества с другим предметом, обозначаемым именным сказуемым, или путем указания на то, что субъект относится к категории предметов, обладающих определенными признаками. Данный тип именного сказуемого можно назвать субстантивным.

2. Именное сказуемое, выраженное неглагольным адъективом (именем прилагательным), глагольным адъективом (именем действия со значением признака), словами бар 'есть', 'имеется', йок 'нет', 'отсутствует'. Этот вид именного сказуемого характеризует субъект путем указания на его признак. Данный тип именного сказуемого можно назвать адъективным.

3. Именное сказуемое, выраженное именем в местном падеже или именем в сочетании с послелогом. Данный тип именного сказуемого можно назвать обстоятельственным.

В функции глагольной связки в языке ПДТП используются глаголы, которые частично сохраняют свое самостоятельное лексическое значение. Эти глаголы выражают возникновение признака, переход из одного состояния в другое (бол- 'становиться'), сохранение прежнего состояния (эр- 'быть', тур- 'стоять', кал- 'оставаться'), название (атан- 'называться', сан- 'считаться'), проявление признака (көзүң- 'казаться'). В языке ПДТП именное сказуемое в большинстве случаев передается сочетанием имени и личного местоимения (в 3-м л.ед. и мн.ч. личное местоимение обычно опускается). Глагол-связка употребляется только в том случае, если требуется передать дополнительный оттенок значения - временной, модальный или соответствующий лексическому

значение глагола-связки. Следует полностью согласиться с тем, что "предикат совсем не обязательно должен передаваться с помощью глагола и совсем не обязательно должен содержать "универсальный динамический признак".² Об этом убедительно свидетельствуют данные древнейших тюркских памятников. В языке ПДТГ глагольная связка используется не чаще, чем в современных тюркских языках.

1. Субстантивное сказуемое: Биз динтар биз 'Мы - манихейцы' (ТТ II, А 4). Тәңри элимкә элчиси эртим 'Я был правителем у моего божественного племенного союза' (Е I, 2). Азмышларка Йолчи Йэрчи болтуңуз 'Ты (букв. 'Вы') стал проводником для заблудших' (ТТ III, 69). Субы селәңз эрмиш 'Водой у них была Селенга' (букв. 'Их вода была Селенгой') (МЧ 2). Кымыш ишимин бүтүрдәчи дарнысы бу эрүр 'Способствует завершению выполняемого мной дела вот эта формула' (заклинание) (букв. 'Формула, способствующая завершению выполняемого мной дела - вот это') (Уйг. I, 33, 16). Йәккә амшусы бу эрүр 'Жертвенная пища демонам - вот это' (ТТ VII, 25, 9). Тәгин Йэрчи авычга бирлә икигү калтылар 'Принц и старик-проводник остались вместе оба' (КП 36, 1). Субстантивное сказуемое может быть выражено и субстантивным словосочетанием: Сиз улуг эчимниң амрак кунчуй сиз 'Вы любимая жена моего старшего брата' (Уйг. III, 83, 13).

2. Адъективное сказуемое выражается неглагольным адъективом (а), глагольным адъективом - именем действия со значением признака (б), словами бар, йок (в):

а) Йазуклуг биз 'Мы грешны' (Хуаст. 205). Барча йөрүглүг ол 'Все они имеют объяснение' (Хюән II2). Бөгүлүк ардемкә тидыгсыз эрүр 'Он безграничен в мудрости и добродетелях' (Куан. 138). Ыз Иашы узун болур 'Жизнь его будет долгой' (Уйг. II, 49, 27). Кишин бушушлуг кадгулуг турур 'Твоя жена печальна и грустна' (ТТ I, 216). Сиз йалануз кыйа калыр сиз 'Вы остаетесь совсем одни' (КП 40, 3).

² Г у з е в В.Г. Парадигма финитных форм имен как категория сказуемости. - В кн.: Тюркологический сборник. 1976. М., 1978, с.245.

б) Эдгү өгиллериң өргөттүрүгди сиз 'Ты (букв. 'Вы') учишь своих благоразумных' (Ман. III, 24, 7).

в) Именное сказуемое, выраженное словами бар и йок, мы относим к разновидностям адъективного сказуемого, так как в языке ПДТЯ адъективный характер этих слов ощущается достаточно сильно, они могут использоваться в качестве определений: Бар иллик көк калк йүзінтэ 'Перед лицом всего необъятного неба' (букв. 'синего эфира') (ТТ III, 129). Йок чыга: тынлыглар үкүш 'Бедных и немущих живых существ много' (ТТ I, 024). В позиции именного сказуемого бар и йок могут также сочетаться с глаголами-связками: Эвимдэ йэма үкүш такыгу кушлар бар эрүр 'В моем доме имеется много кур' (Ман. I, 37, 15). Эртмиш өдүн бир улуг балык бар эрти 'В прежние времена был один большой город' (Ман. III, 14, 13). Йок болмазун 'Да не погибнет' (Кб II).

3. Обстоятельственное сказуемое: Бэг тамгасы алигиндэ 'Печать правителя в твоих руках' (ТТ I, 129). Тамтурмыш йула йа-лыны тэг 'Подобен пламени зажженного факела' (Уйг. I, 45, 14).

Второстепенные члены простого предложения

Под определением мы понимаем второстепенный член предложения, выражающий признак субстантивного понятия, передаваемого определяемым. Таким образом, под определением как членом предложения следует понимать приименное определение. В качестве определяемого выступает неглагольный субстантив - имя существительное или глагольная форма -мак, субстантивный характер которой выражен сильнее, чем у других функциональных форм глагола.

В функции определения могут использоваться: А) имена существительные и форма -мак, Б) имена прилагательные, В) имена числительные, Г) местоимения, Д) глагольные формы со значением признака действия (причастия). Таким образом, можно выделить две основные группы определений - именные (А - Г) и глагольные (Д).

А. Определение, выраженное именем существительным и формой -мак, представляет собой зависимый член словосочетания, традиционно называемого в тюркологии изафетом. Существует три типа изафета.

Изафет I. Первый компонент (определение) – в форме основного падежа, второй компонент (определяемое) никаких показателей не принимает; связь компонентов словосочетания обусловлена только позиционно. Определение в составе изафета I обозначает: вещество (а), занятие (б), пол (в), объект сравнения (г), меру (д), степень родства (е), имя собственное (ж), родовое понятие (з), характерный признак предмета (и), название (определяемое – носитель названия) (к), племенную принадлежность (л), потенциальное действие (определение – форма -мак) (м), субъект обладания (н).

а) Алгун örgin 'Золотой трон' (ТС II, I), Тамир казгук 'Железный кол' (ТТ VI, В 42).

б) Борлукчы эр 'Виноградарь' (КП 79, I). Капыгчы эр 'Привратник' (КП 66, I). Удчы эр 'Пастух' (КП 67, 6). Кэйикчи эр 'Охотник' (Уйг. III, 57, 3).

в) Ури огул 'Сын' (Е 48, 9). Тили киши 'Женщина' (Ман. III, 22, 7). Тили тынлыг 'Женщина' (ТТ VII, 27, I3). Эркэк йунт 'Конь' (ТС II, 36). Эркэк базагу 'Бычок' (ТС II, 6I).

г) Тэңри мани бурхан 'Божественный (подобный небу) проповедник Мани' (Ман. I, 23, 2).

д) Бир бадыр айак 'Одна чаша вина' (Рах. I, I6). Йети ту-тум талкан йети танчу йигли бышыгы эт 'Семь горстей жареной муки, семь кусков сырого и вареного мяса' (ТТ VII, 24, 9).

е) Өгүм катун 'Моя мать – катун' (Кб 3I). Эчим тэгин 'Мой старший брат – принц' (КП 28, 8). Синлим кунчуй 'Моя младшая сестра – принцесса' (Кб 20). Эчүм апам бумын каган истэми каган 'Мои предки Бумын-каган и Истэми-каган' (Кб I).

ж) Макарач тамгачы 'Хранитель печати Макарач' (Кб 53). Озмыш тэгин 'Принц Озмыш' (МЧ 9). Бимбазари элиг бег 'Правитель Бимбазари' (ТТ X, 82).

з) Эр ат 'Мужское имя' (Кб 3I). Йол тэңри 'Бог судеб' (ТС II, 2). Боди сөгүт 'Дерево бодхи' (Хуэн 3I6). Артуч сөгүт 'Можжевельное дерево' (ТТ I, I65). Йагак ыгач 'Ореховое дерево' (ТС II, 86).

и) Эдгүлүк сув 'Океан добра' (СЗБ II2, I4).

к) Сумир таг 'Гора Сумеру' (ТТ II, 54). Йетиген судур 'Сутра Йетиген' (ТТ VII, 40, I35). Тардуш бодун 'Народ тардуш' (Кб I7). Токуз огуз бодун 'Народ токуз огузов' (Кб 44).

л) Түргеш каган 'Тюркешский каган' (Кб 53).

м) Бошунмак билиг 'Знание об освобождении' (Ман. III, 7, 6).

Кутрулмак йол 'Путь спасения' (Кп 52, 1).

н) Лу каны эрдэнилик балык орду 'Город и дворец, украшенный драгоценностями, царя драконов' (Кп 39, 3).

Изафет П. Первый компонент - в форме основного падежа, второй компонент принимает аффикс принадлежности 3-го л. Определение обозначает: родовое понятие (а), причину или источник того, что выражено определяемым (б), событие, которое произошло в период времени, выражаемый определяемым (в), название народа или племени (г), потенциальное действие (д), субъект обладания (е), носителя признака (ж), целое (определяемое - часть целого) (з), субъект действия (и):

а) Тэнри йери 'Страна богов' (Ман. I, 13, 6). Браман огушнта 'Из касты браманов' (Уйг. II, 35, 33). Кыз этүзинте 'В образе девушки' (ТТ УП, 52, 137). Кудуг суы 'Колодезная вода' (ТТ УП, 42, 7). Кэйик оглы 'Молодая газель' (букв. 'детеныш газели') (ТС II, 68).

б) Амранмак низваны 'Страдания от любви' (ТТ X, 526). Кадыр йавлак кэйикдэр адасы 'Опасность, исходящая от хищных зверей' (СЗБ 325, 20). Өлүм каршысы 'Опасность смерти' (ТТ УП, 24, 7).

в) Өлүм күни 'День смерти' (Ман. III, II).

г) Он ок каганы 'Каган народа десяти стрел' ('родов') (Т 19). Он уйгур эли 'Союз десяти родов уйгуров' (ТТ IX, 90). Уйгур йеринте 'Из земли уйгуров' (Су I). Кыркыз оглы 'Сын кыргызов' (Су 2).

д) Азланмак сакынчы катерип 'Отбросив алчные помыслы' (СЗБ 266, 20). Коркмак үркмак көңүллэрин богурурлар 'Они унимают свое чувство страха' (СЗБ 291, 4).

е) Каңым каган сүси 'Войско моего отца - кагана' (Кб 12). Али эр оглы 'Сын богатыря' (ТС II, 84). Дулар каны кунчуы 'Принцессы царя драконов' (Кп 43, 4). Беш тэнри йаруы 'Свет пяти богов' (Хуаст. 170). Бу битиг идиси 'Обладатель этого писания' (Ман. I, 21, 0).

ж) Тай билгэ тутук йаблакин үчүн 'Из-за низости Тай Билге-тутука' (МЧ 17).

з) Тыт сөгүт бутыкы 'Ветвь лиственницы' (ТТ I, 163).

и) Ол сув булгакы 'То волнение воды' (Ман. III, 10, 11).

Изафет III. Первый компонент – в форме родительного падежа, второй компонент принимает аффикс принадлежности 3-го л. Аффикс принадлежности может отсутствовать, что часто наблюдается в рунических надписях. Определение обозначает: субъект обладания (а), носителя признака (б), целое (определяемое – часть целого) (в), субъект действия (г), объект действия (д).

а) Бу лабайнын үни 'Звук этого рожка' (ТТ УII, 28, 30).

Кайу кишиниң йылкысы 'Скот какого-либо человека' (ТТ УII, 27, 17). Үчүнчи эң кичиг оғлынын аты 'Имя третьего, самого младшего сына' (СЗБ 608, 4). Каганың ичреки бөдизчи 'Придворные мастера кагана' (Км I2). Йэгин силиг бэгиң кадимлиг торыг ат 'Оседланый гнедой конь Йэгин Силиг бека' (Кб 33).

б) Бу йэтиген судурнуң йэгин адрук эшитип 'Услышав о достоинствах сутры йэтиген' (ТТ УII, 40, 135). Ол барснын ачын турукын эмгэкин толгакын тэтрү көрүп 'Ясно увидев муки и истощенность той тигрицы' (СЗБ 612, 14).

в) Эжүк сөгүтүнүң бутыкы 'Ветвь дерева Ашока' (Уйг. II, 24, 3).

г) Арсланларнын йорыгын йорууп 'Идя поступью львов' (Уйг. I, 39, 1).

д) Ном элигиниң тариң йөрүти 'Глубокое истолкование сутры (букв. 'предводителя учений')' (СЗБ 87, 21).

Определение может быть выражено именем существительным в сочетании с аффиксом падежа или послелогом: Куйда кунчуйума адырылтым 'Я разлучился со своими принцессами, находящимися в покое' (Е IO, 1). Тэңри тэг тэңриде болмыш түрк билгэ каган 'Подобный небу, рожденный на небе турецкий Бильге-каган' (Км I).

Б. Определение – имя прилагательное. Определение выражается качественными и относительными прилагательными. Качественные прилагательные (а) очень часто не имеют особых морфологических показателей, относительные прилагательные (б) всегда производные (образуются с помощью аффиксов -лыг, -сыз, -кы):

а) Көк линхуа 'Голубой лотос' (КП 38, 1). Яшың кайа 'Селеная скала' (ТС II, 78). Иаслак киши 'Плохие люди' (Кб 39) Эдгү кылыңч 'Доброе деяние' (ТТ УI, 41). Ачыг эмгэк 'Тяжелые страда-

ния' (Ман. I, 9). Узун сансар ичинте 'В долгой сансаре' (Уйг. III, 76, 15).

б) Прилагательные с аффиксом -лыг обозначают обладание тем, что выражено исходной основой: Күлүг каган 'Знаменитый каган' (Кб 4). Алтун башлыг йылан 'Змея с золотой головой' (ТС II, 12). Йашлыг көз 'Слезящиеся глаза' (Уйг. III, 35, 34). Прилагательные с аффиксом -сыз обозначают отсутствие того, что выражено исходной основой: Билигсыз каган 'Неразумные каганы' (Кб 5). Бу өгсүз этүзте 'В этом неразумном теле' (Ман. I, 9, 2). Көзсүз киши 'Слепой человек' (КП 74, 5). Прилагательные с аффиксом -кы передают пространственные и временные значения: Табгачкы бөглэр 'Беки, находящиеся в Китае' (Кб 7). Йайкы үч айларта 'В три летние месяца' (ТТ VII, 38, 4). Кышкы үч айларта 'В три зимние месяца' (ТТ VII, 38, 7).

В языке ЦДТП аффикс -лыг очень часто указывает на атрибутивную связь компонентов словосочетания. Слово, оформленное аффиксом -лыг, соответствует первому компоненту изафета: Абамулуг улуг мөңгү нирван 'Великая вечная нирвана будды Абаму' (СЗБ 699, 24). Күмүшлүг струк 'Серебряный остров' (КП 36, 5). Алтулуг эрдинилик чачак 'Золотой драгоценный цветок' (СЗБ 620, I). Тамирлиг таг 'Железная гора' (Уйг. II, 25, 26). Өлүмлүг саккыч 'Мысль о смерти' (Ман. III, 19, 5). Йагышлыг таптыгмыз 'Наша служба, связанная с жертвоприношениями' (СЗБ 29, 8). Өкүнмеклиг өрт 'Огонь раскаяния' (Уйг. III, 5, I). Этүзи агрымалыг ийиг 'Недуг, связанный с болезнью тела' (Уйг. II, 68, I).

В современных тюркских языках отношения, передаваемые с помощью аффикса -лыг в приведенных примерах, обычно выражаются изафетными словосочетаниями. Таким образом, в языке ЦДТП аффикс -лыг имел ярко выраженную синтаксическую функцию, являясь очень часто лишь средством указания на то, что исходная основа является определением. Отношение же компонентов такого словосочетания зависело от их семантики.

Определение может быть выражено прилагательным, сочетавшимся с существительным или местоимением в дательном или местно-исходном падежах (с аблативным значением): Сизлэргэ тәгимлиг иш 'Дело, касающееся вас' (СЗБ 405, 3). Кишиде адрук бәкрәк эр 'Че-

ловек (муж), отличный от других, более сильный, чем остальные люди' (КП 66, 5).

В. Определение – имя числительное. В качестве определения могут использоваться числительные количественные (а), порядковые (б), разделительные (в):

а) Беш сүңүш 'Пять битв' (КЧ 17). Йети бөри 'Семь волков' (Е 11, 10). Алтымыш ат 'Шестьдесят лошадей' (Е 41, 9).

б) Онунч ай 'Десятый месяц' (УСп 21, 1). Алтынч тегзинч 'Шестой свиток' (СЗБ 458, 14).

в) Үчәр ката 'По три раза' (Уйг. I, 29, 15). Бәшәр бакыр 'По пять бакыров' (Рах. II, 4, 25).

Г. Определение – местоимение. В качестве определения могут использоваться личные (а), указательные (б), выделительные (в), вопросительные (г), неопределенные (д) и обобщающие (е) местоимения:

а) Мәниң эвимтә 'В моем доме' (ТТ I, прим. 160). Бизин кулагымыз 'Наши уши' (Ман. III, 26, 2) (Личное местоимение в позиции определения всегда оформляется аффиксом родительного падежа).

б) Бу ырк 'Это гадание' (ТС II, 89).

в) Кәнтү бодунум 'Мой собственный народ' (Кб 44). Өз тапныча 'По твоей собственной воле' (ТТ I, 6).

г) Не каганка 'Какому кагану' (Кб 9). Каяйу киши 'Какой человек' (Ман. III, 20, 4).

д) Ким кайу киши 'Какой-либо человек' (СЗБ 478, 18).

е) Камуг ташларын 'Всех камней' (ТБ 12). Камаг адатын 'От всех опасностей' (ТТ I, 181).

Д. Определение – причастие: Өдсүз олур тынлыглар 'Безвременно умирающие живые существа' (ТТ У1, 022). Көрүр көзүм 'Мои видящие глаза' (Кб 50). Беш көзүмнәз тутулмаз йавлак билиглар 'Пять невидимых и неуловимых дурных знаний' (Ман. III, 19, 15). Йол йаңылмыш киши 'Человек, сбившийся с пути' (Уйг. III, 50, 7). Йаңы тоғмыш ай тәңри 'Только что народившееся божество – месяц' (СЗБ 347, 15). Каганладук каганны 'Своего правившего кагана' (О 2). Бурсаң дуврагларның агзыңа киргү йәм ичим 'Пища и напитки, предназначенные для питания монашеской общины' (букв. 'ю-

торные должны войти в рот общины') (ТТ IV, А 38). Ам бүшәрдечи от 'Огонь, на котором можно приготовить пищу' (букв. 'который может приготовить пищу') (ТТ VIII, М 22).

Прямое дополнение обозначает предмет в широком смысле этого слова, на который направлено действие или который является результатом действия. Прямое дополнение оформляется основным падежом имени, если слово, находящееся в позиции прямого дополнения, имеет отвлеченно-предметное значение или обозначает неопределенный предмет, и винительным падежом, если это слово обозначает определенный предмет.

В функции прямого дополнения используются слова с субстантивным значением, а также и субстантивные словосочетания. В зависимости от семантики прямого дополнения и глагола прямое дополнение может иметь ряд оттенков значения и обозначать: предмет, на который направлено действие и в котором не происходит никаких изменений (а), предмет, на который непосредственно направлено действие, вызывающее в нем изменения (б), предмет, который является результатом действия (в), внутренний объект действия, если слово в позиции прямого дополнения имеет ту же основу, что и глагол (г), предмет, на который направлено действие, со значением места (д):

а) Ылан кўнте кыз ташкарсар йарашмаз 'Не годится отправлять невесту к жениху в день змеи' (ТТ УП, 39, 6). Бу сўт элт 'Веди это войско' (Т 32). Көк линхуа көргэй сиз 'Вы увидите голубой лотос' (КП 38, 2). Кичиг оглан йәл тартсар 'Если маленького мальчика поразит нечистая сила' (ТТ VII, 27, 8). Онар эркә бир бир эр аның башы урты 'Для каждого десяти человек он назначил главой по одному человеку' (ТТ II, А 91). Сизни ынча сәвәр мән 'Так я Тебя люблю' (КП 6, 6).

б) Көңлүңиз өгрүнчлүг кылгыл 'Сделай радостным твое сердце' (ТТ I, 12). Йана ыгачаг өртәйүр 'Снова воспламеняет дерево' (Ман. I, 7, 3). Сүсин анта өлүртүм 'Его войско я там уничтожил' (БК 26).

в) Чыт анта токытдым 'Я повелел возвести там стену (вал)' (МЧ 20). Кан олурупан орду йапмыш 'Хан, сев на престол, построил резиденцию' (ТО II, 41). Өргин анта йаратытдым 'Там я велел воздвигнуть трон' (МЧ 21).

г) Аб абласар 'Когда устраивали облавную охоту' (КЧ 9).
Бизиңе ном номлаң 'Проповедуйте нам закон' (КП 49, 5). Йама
йүкүнч йүкүнчиләр 'Они также поклонились' (Уйг. I, 6, 16). Миң
йыл түмен күнки сакынч сакынурлар 'Они думают вечные думы (букв.
тысячелетние, десятилетиячные думы)' (ТТ VI, 311).

д) Кара кумуг олурур эртимиз 'Мы жили в Кара-Куме' (Т
7). Аны субуг баралым 'Отправимся по реке Аны' (Т 27).

Косвенное дополнение представляет собой второстепенный
член предложения, относящийся к глаголу и выражаемый всеми па-
дежами, кроме основного и винительного, а также сочетанием име-
ни с послелогом. По форме косвенное дополнение в языке ЦШТЦ, как
и в современных тюркских языках, часто совпадает с различными
типами обстоятельств. Различие между косвенным дополнением и
обстоятельством в этом случае заключается в том, что косвенное
дополнение передает объектные значения, а обстоятельство — об-
стоятельствственные. Следует отметить, что иногда граница между
косвенным дополнением и обстоятельством может быть проведена
лишь условно. В функции косвенного дополнения используются сло-
ва с субстантивным значением и субстантивные словосочетания. В
составе глагольного словосочетания косвенное дополнение явля-
ется одним из видов зависимого члена. Косвенное дополнение мо-
жет выражать различные объектные значения в зависимости от фор-
мы падежа, послелога, семантики косвенного дополнения и глаго-
ла. Ниже рассматриваются основные значения, передаваемые кос-
венным дополнением:

а) Объект, обозначающий лицо или предмет, на который на-
правлено действие, выражается формами дательного падежа: Кага-
ныма өтүнтүм 'Я обратился к моему кагану' (Т 12). Бу түрк бо-
дунка йариклыг йагыг кэлтүрмэдим 'К этому тюркскому народу я не
приводил врагов, облаченных в кольчуги' (Т 54). Өтрү мэн йана
оларка йалбару ынча тэп тэдим 'Затем я, снова умоляя их (букв.
'обращаясь к ним с мольбой'), так сказал' (СЗБ IO, II).

б) Объект, обозначающий лицо или предмет, в пользу или во
вред которому совершается действие, выражается формой датель-
ного падежа и сочетанием имени с послелогом тада: Көк тэңиңи
түркүмэ бодунума казгану бэртим 'Их голубых белок я добыл для
моих тюрков, для моего народа' (БК X в, 12). Сизлэр мэңиң эдгү-

луг инимке басутчы болуңлар 'Будьте вы помощниками моему добро-
му делу' (Уйг. III, 14, 15). Тәһрикә йазынып 'Погрешив перед бо-
гом' (Хуаст. 128). Өтүг савка йорыма 'Не иди наперекор прось-
бам' (ТТ I, 35). Эки отуз йашыма табгач тапа сүләдим 'На двад-
цать втором году я ходил войной на табгачей' (БК 25).

в) Объект чувства выражается формой дательного падежа: Өг-
мишке йәмз сәвинмәдин 'Не радуясь и похвале' (Уйг. III, 73, 21).
Мунча үкүш тылыңга нәзә үз буз кылтымиз әрсәр 'Сколько бы мы
ни питали ненависти к столь многим живым существам' (Хуаст. 113).
Кин кәлигмә өдтеки айыг йавыз түш бәргүсидә артукрак корксар
бәлиңләсәр 'Если они боятся возмездия в будущем' (С 93). Анын
сәзиндим инимке 'Поэтому я подозревал своего младшего брата'
(СЗБ 619, 4).

г) Объект мысли выражается сочетанием имени с послелогом
тәһәрә: Тавар тәһәрә көрсәр 'Если загадают относительно имуще-
ства' (ТТ VII, 29, 15).

д) Реальный субъект действия при глаголах в форме понуди-
тельного залога, образованных от переходных основ, и глаголах
в форме страдательного залога выражается формой дательного па-
дежа и именем в сочетании с послелогом үзә: Согдак табгачка сә-
ләңәдә бай балык йашыты бәртим 'Согдийцам и табгачам я дал
приказ на берегу Селенги построить город Байбалык' (МЧ 44). Ты-
лыг огланьна бултурайны нирваныг әң түпинтә 'И наконец я за-
ставляю людей достигнуть нирваны' (ТТ VII, 40, 142). Төрт түрлүг
шымнуларка чалсыкмаз бастыкмаз 'Они не будут разбиты и подав-
лены четырьмя родами демонов' (ТТ V, В 29). Бу әтүә әрсәр си-
ңирин тамырына йөргәлмиш сөнүкләр улагы үзә тутузмыш ол 'Что ка-
сается этого тела, то оно сплетено жилами и сосудами и поддер-
живается соединением костей' (СЗБ 614, 11).

е) Объект, обозначающий источник, выражается формами мест-
но-исходного и исходного падежей: Тәһрим биз камаган ашнуку сүр-
канларта әдгү ном бошгут күчлүг дарни болтумуз 'О боже, от пре-
них будд мы все получили хорошее учение - магическую формулу,
обладающую силой' (ТТ VI, 365). Тохры тылнитын түрк тылынча
агтармыш майтришимит ном 'Сутра, переведенная с тохарского язы-
ка на турецкий язык, называемая Майтрисимит' (УСп 94, 9).

ж) Состояние, в котором субъект действия перестал находиться, выражается формами местно-исходного и исходного падежей: Торт улуг эмгэктэ куртулалым 'Освободимся от четырех великих страданий' (Ман. II, II, 5). Багда бокагуда йэмэ ол тн-лыг бошунур куртулур 'Те живые существа избавятся от оков' (Куан 40). Оларны барча биргэрү бэк чык эмгэклэринтин бошутун 'Освободив их всех вместе от страшных страданий' (СЗБ II 7, 22).

з) Объект, изолируемый от других аналогичных предметов, выражается именем в сочетании с послелогоми адны, өңи 'кроме': Мунтада адны тагы өңи аш ичкү йок 'Кроме же этого, другой пищи [у них] нет' (СЗБ 610, 16). Мунтадан өңи бэртин сиңар хоруг бурхан үнин эшиттим 'Кроме этого, я услышал глас бога Хоруг, доносящийся со стороны юга' (Ман. III, 23, 9).

и) Сопутствующий субъект действия выражается формами дательного и инструментального падежей и именем в сочетании с послелогом бирлэ: Чача сәңүңкә сүңүшдүмүз 'Мы сразились с Чача-сенгуном' (Кб 32). Орту йәрлэ магакә сокушмыш 'В середине пути он встретился со змеей' (ТС II, 74). Улуг эркин аз киньә эрин тәзип барды 'Великий иркин бежал только с немногими воинами' (Кб 45). Әдиз бирлэ сүңүшдүмүз 'Мы сразились с эдизами' (Кб 45).

Обстоятельство образа действия выражает качественную характеристику действия, способ совершения действия, признаки и действия, сопутствующие поясняемому действию, объект, с которым сравнивается действие. Обстоятельство образа действия выражается именем прилагательным (а), наречием (б), формами основного, инструментального и сравнительного падежей (в), именем в сочетании с послелогом (г), именем в сочетании с деепричастием болуп (д), именами числительными собирательными и разделительными (е), деепричастиями (ж):

а) Бунусуз улгатым 'Я вырос без горя' (Е 7, 2). Магат элдәки тынлыгларның исиг өз коркынчларын калсынз таркарайын 'Рассею-ка я совершенно (букв. 'без остатка') опасения за свою жизнь живых существ в стране Магадха' (ТТ X, 129). Ол камыш-лыг арыгга таврак бартылар 'Они быстро поехали к той реке, поросшей камышом' (СЗБ 625, 6).

б) Ном эрдиниг тавраты бититгил 'Вели быстро переписать эту драгоценную книгу' (СЗБ 18, 19). Катыгты ба 'Крепко привязывай' (ТС II, 19). Алын ичкүсин тонни тонангусин түкати тэгүрсар 'Если он полностью предоставит ему пищу, питье и всякую одежду' (Уйг. II, 15, 13). Тавгач тылынтин икилэйү түрк тылыча актармыш 'Он снова перевел с китайского языка на тюркский' (Уйг. I, 14, 6).

в) Түпүт канка йалабач бардым 'Я ходил послом (в качестве посла) к тибетскому хану' (Е 29, 8). Тәркин муны санчыңлар би-чиңлар 'Колите, режьте его быстрее' (Уйг. I, 43, 7). Улут үйүн маңрады 'Он закричал громким голосом' (Ман. I, 6, 10). Алтун куругсакымни кылычын кэсипән 'Разрезав мое золотое чрево мечом' (ТС II, 12). Өртчә кызып кэлти 'Они пришли, пламенея, как огонь' (Т 40).

г) От бирлэ кайындурмыш исиг сувут йүз сәкиз ката арвап чопунта кодул 'Прочитав сто восемь раз заклинание над вскипяченной на огне горячей водой и вылив ее в сосуд для омовления' (СЗБ 478, 4). Бириси урук үзә бойунумын бады 'Один из них обвязал веревкой мою шею' (СЗБ 7, 19). Рақшалар тәг катыг үнин кыкыра тәгирмиләйү авлайурлар 'Они собираются вокруг, крича громкими голосами наподобие демонов' (Уйг. IV, С 90). Йәл тәг таврак йүгүрүп 'Побежав быстро, словно ветер' (ТТ X, 295).

д) Элтин әлкә тыңчы пахуайчы болун йордым әрсәр 'Если я ходил из страны в страну в качестве лазутчика' (Уйг. II, 78, 37).

е) Үчәгүн кабынып сүләлим 'Объединившись втроем, отправимся в поход' (Т 21). Бирәр бирәр адакын сап кәмшип йүнин кыр карлар 'Связав ноги у каждой [овцы], в отдельности, ее бросают [на землю] и стригут шерсть' (Ман. III, 33, 3).

ж) Йаруку йалтрийу карарыгт алку кәтәрти 'И его свет, засияв, полностью прогнал мрак' (ТТ VI, 422). Колулап тыңлагыл 'Ты выслушай, внимательно вдумываясь' (Уйг. III, 79, 9). Йайлыг тагыма агыпан йайлайур мән 'Я провожу лето, поднимаясь на свое летнее пастбище в горы' (ТС II, 96). Коркматын айманматын олу-рур 'Он сидит, не испытывая страха' (ТТ X, 338).

Обстоятельство места указывает на то, где совершается действие или проявляется признак (1), куда направлено действие (2), откуда исходит действие (3).

1. Место, где совершается действие или проявляется признак, выражается формой дательного падежа (а), формой местного падежа (б), формой инструментального падежа (в), именем в сочетании с послелогом (г), наречием (д):

а) Күнәшкә олурур ол 'Он находится на солнце' (ТС II, 88).

б) Агылынта йылкы болзун 'Да будет у тебя скот в твоём загоне' (ТС II, 71). Ииртинчүтеки тынлыглар йинтәм нирванта тогузлар 'Пусть находящиеся в мире существа постоянно возрождаются в состоянии нирваны' (ТТ III, 167).

в) Ол йолы йорысар унч 'Той дорогой идти можно' (Т 24).

г) Талуй ичинте йокадты 'Они погибли в океане' (КП 53, 8). Алтун örgin үзе олурупан 'Сидя на золотом троне' (ТС II, 1). Кәндик алтын маң болсар 'Если родинка будет под пупком' (УСп 42, 6).

д) Иай анта йайладым 'Там я провел лето' (МЧ 20).

2. Место, куда направлено действие; выражается формой дательного падежа (а), формой дательно-направительного падежа (б), формой местного падежа (в), сочетанием имени с послелогом (г), наречием (д):

а) Ирак балыкка барыр 'Пойдет в далекий город' (ТТ VII, 34, 5). Эсри мага йалым кайка öнүп бармыш 'Пестрая земля поднялась на крутую скалу' (ТС II, 75).

б) Тәңрилигигәрү барды 'Он пошел по направлению к храму' (Ман. I, 33, 15). Тәңри йәриңәрү капагын ачты 'Он открыл врата в страну богов' (Ман. I, 13, 6).

в) Сән нәлүт кәлтүн бизинте 'Почему ты пришел к нам?' (Ман. I, 33, 20). Йәрде камылты 'Он упал на землю' (Уйг. III, 60, 7). Химаваңт таг кысылынта кирип барды 'Он вошел в ущелье горы Химаваңт' (Уйг. II, 26, 3).

г) Алтунлуг örgin үзе олурты 'Он сел на свой украшенный золотом трон' (ТТ II, А 68). Öтрү тәгин балык ичинте кирти 'Затем принц вошел в город' (КП 41, 7). Суь кум алына илинсәр 'Если вода задержится под песком' (ТТ I, прим. 130). Тәмир капыгына тәги әртимиз 'Мы преследовали [их] до Темир-Калыга' (Т 45).

д) Илгәрү шантун йазыкка тәги сүләдим 'Вперед (на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины' (Км 3). Такы ичкәрү киртиләр 'Затем они вошли внутрь' (СЗБ 609, 15). Башын

Йокару көтүрүп 'Подняв голову вверх' (Ман. I, 6, I).

3. Место, откуда исходит действие, выражается формой место-исходного падежа (а), формой исходного падежа (б), именем в сочетании с послелогом (в), наречием (г):

а) Кыргызда Янтымыз 'Мы вернулись от киргизов' (Т 29).
Куруг кайата сув акар 'Из-под сухой скалы потечет вода' (ТТ VII, 29, 13).

б) Эдиз орунларынын ордуларынын тайсарлар 'Если они ниспровергаются со своих высоких тронов' (ТТ I, прим. 46). Огуз-дантан көрүг калти 'От огузов пришел лазутчик' (Т 8).

в) Күн ортуда сыңар йэл турсар 'Если поднимется ветер с юга' (Ман. III, IO, 8).

г) Өзгөн йагмур өдинчэ үстүрти коды төкүлүр 'Переменчивый дождь будет литься в свое время сверху вниз' (Уйг. I, 26, 15).

Обстоятельство времени указывает на определенный момент или отрезок времени без указания на начало или конец времени или продолжительность протекания действия (1), на продолжительность времени совершения действия (2), на начало времени действия (3), на конец времени протекания действия (4).

I. Определенный момент протекания действия выражается формой основного падежа (а), формой дательного падежа (б), формой местного падежа (в), формой инструментального падежа (г), именем в сочетании с послелогом (д), наречием (е), деепричастиями (ж):

а) Түн улысыкым кэлмэди 'Ночью не приходил мой сон' (Т 12).
Эрте күн таврак буян кыл 'Утром побыстрее совершай благодеяние' (ТТ I, 171). Лу күн йеник болуп йунд күнтэ инч болур 'В день дракона станет легко, а в день лошади [все] успокоится' (ТТ VII, 25, 21).

б) Анчып барс йылка чик тапа йоридым 'После этого в год тигра я пошел в поход против чиков' (МЧ 19). Үч Йогирмикэ иңир-тэ көзүнүр 'Покажется в тринадцатый день на рассвете' (ТТ VII, I, 22).

в) Йилан күнтэ кыз ташкарсар йарашмаз 'Не годится отправлять невесту в день змеи' (ТТ VII, 39, 6). Кырк йашта атка таг-дэчи 'Он достигнет известности в сорок лет' (ТТ VII, 17, 24).

г) Анчып ол йыл күзүн илгэрү йорндым 'Затем осенью того же года я двинулся на восток' (МЧ 20). Күн орту өдүн орту күн йыңак йүзленип 'В полуденное время, повернувшись в южном направлении' (ТТ V, А 88). Кышын кытань тапа сүлөдим 'Зимой я выступил с войском против киданей' (БК Ха 2). Яйын сүлөдим 'Я выступил с войском летом' (БК 39).

д) Эби он күн өнрә үркүп бармыш 'Его семейство за десять дней до того испугалось и бежало' (МЧ 31). Аш кылу түкәтмиштә кин он күн эртмәз кинә 'Не прошло после совершения свадебного пира еще и десяти дней' (СЗБ 4, 15).

е) Ашнуча йарашурин йарашмазын әдгүсин йавлакын айтмагу-лук ол 'Прежде следует спросить, подходящий или неподходящий, хороший или плохой' (УСП 58, 18). Амты өлтүм 'Теперь я умер' (Су 8). Анта тәркин кан сарыгын отин әмләмиш кәргәк 'Тогда нужно быстро лечить лекарствами от крови и желчи' (Рах. II, 3; 130).

ж) Мунча сөзләп онүп барды 'Сказав так, он отправился' (Хуэн 81). Ат үзә бинтүрә карыг сөклүм 'Приказав сесть на коней, я проложил дорогу через снег' (Т 25). Иатып удыйур әркән әртиңү йавыз тұл түшәди 'Когда она спала, она увидела очень плохой сон' (СЗБ 620, 17). Күн тогуру сүңүшдүм 'Я сразился при восходе солнца' (букв. 'когда восходило солнце') (МЧ 13).

2. Продолжительность времени совершения действия выражается формой основного падежа (а), формой дательного падежа (б):

а) Он уйгур токуз огуз үзә йүз йыл олуруп 'Властвуя над он-уйгурами и токуз огузами сто лет' (МЧ 3).

б) Бир йылка бәш йолы сүңүшдүмүз 'В один год мы сражались пять раз' (КБ 44).

3. Начало времени действия выражается именем в сочетании с послелогом бәрү (а) и деепричастием (б):

а) Өгүм каңым сөндә бәрү мени сәзмәз эрти 'Моя мать и мой отец с давних пор не любили меня' (КП 56, 7). Илкисизтә бәрү ол айыг кылынч йок 'С давних пор нет таких тяжких грехов' (ТТ IV, А 23).

б) Иыллар айлар эртгәли үр кәч болты 'Давно прошли годы и месяцы' (букв. 'с тех пор как прошли годы и месяцы, много времени') (Хуэн 25).

4. Конец времени протекания действия выражается именем в сочетании с послелогом тәги (а) и деепричастием -гинча (б):

а) Бүкүн күнкэ тэги могочлар отка тапнимак тылтагы бу эрүү 'Вплоть до сегодняшнего дня это является причиной поклонения могов огню' (Уйг. I, 9, 5).

б) Катны кэртгүнчлүг болмагыпча оңаргалы болмаз 'Пока не будет твердо верующим, нельзя будет исправить [его]' (Хуэн, прим. 1870).

Обстоятельство цели обозначает цель, с какой совершается действие, и выражается формой дательного падежа (а), именем в сочетании с послелогом үчүн (б) и дееспричастиями -у и -галы (в).

а) Чыгань эр оглы казганьча бармыш 'Сын бедняка отправился на заработки' (ТС II, 45). Ёңтүн кадин сатыгка йулугка барсар бай болур 'Если кто пойдет на восток и запад для торговли, он станет богатым' (КП I3, 8). Ташкару илинчүке атлантурты эрти 'Его отправили на прогулку за город' (КП I, 1). Илинчүке барты 'Он отправился на прогулку' (СЗБ 608, 8).

б) Караңку карарыгыг таркаргу үчүн тэгзину йорыр '[Солнце] обходит [материки], чтобы рассеять мрак и тьму' (Хуэн 185). Ким ёзүтин үчүн эдгү уруг сачсар 'Если кто разбрасывает хорошие зерна ради своей души' (Ман. III, II, I4).

в) Тоган ёгуз кушы кушлау бармыш 'Сокол отправился охотиться на речных птиц' (ТС II, 65).

Бир ёдүн кийе арукын тынтургалы йатды 'На один момент он прилег, чтобы прошла его усталость' (Уйг. III, 88, 8).

Обстоятельство причины обозначает причину действия и выражается формой дательного падежа (а), формами местно-исходного и исходного падежей (б), формой инструментального падежа (в), именем в сочетании с послелогам үчүн и үзе (г):

а) Эл улуш ыракыча эдгү савын эшидгэли болмаз биз 'Из-за отдаленности [наших] стран мы не можем слышать хороших вестей' (Хуэн 1870).

б) Бурханның йеме күчинте күсүнинте магад улуштакы калгулары калысиз тарыкзуи кэтзүн 'Благодаря могуществу будды пусть без остатка рассеются и пройдут печали страны Магадха' (ТТ X, 246).

Булар дчин карышмагын үкүш иглэр төрчийүр 'От столкновения их друг с другом возникают многочисленные болезни' (СЗБ 366, 7).

в) Ёз исиг ёзўмкә коркынчын муна мән сәни өлүрүр мән 'Из-за страха за свою собственную жизнь я тебя убью' (Уйг. III, 64, 6). Тўн кўн сәни умунун саңа амранмакын өлүр мән 'Ночью и днем, надеясь на тебя, из-за любви к тебе я умираю' (Уйг. III, 82, 28).

г) Кара бодун кән. ўнўн кутсувы ўлүгсузи ўчўн йок чыгай болур 'Из-за того, что сам простой народ несчастен, он становится бедным' (ТТ VI, 12). Тай билгә тутук йаблакын ўчўн бир әки атлыг йаблакын ўчўн кара бодунум өлтўн 'Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых людей ты, мой простой народ, погиб' (МЧ I7). Ёвкә низваны ўза кутуруп өгсүз көңүлсүз әртиләр 'Придя в бешенство, из-за расположенности к раздразнению, они потеряли рассудок и лишились чувств' (ТТ III, 30).

Обстоятельство меры и степени обозначает меру и степень совершения действия и выражается именем числительным количественным (а), сочетанием имени числительного количественного с именем существительным со значением меры и количества (б):

а) Камагы өш отуз сўләдимиз 'Всего мы ходили в поход двадцать пять раз' (Кб I8). Аңайу йана ўч миң йүкүнтиләр 'Они погонились еще три тысячи раз' (Хуән, прим. I859).

б) Бу ном битигиг ўч ката окызун 'Эту книгу пусть прочитают три раза' (УСп 58, 22). Бир йылка өш йол сўнүшдүмүз 'В один год мы сражались пять раз' (Кб 44).

Обстоятельство условия обозначает условие, при котором совершается действие, и выражается формой -сар: Усар или йоккып-айым 'Если сможем, уничтожим правителя' (Т II). Сув тамыры курисар йаш йавышгу курныйур 'Если засохнет канал, засохнут зеленые листья' (ТТ I, 55).

Развернутые члены предложения

В языке ПДТН, начиная с наиболее древних, рунических, памятников используется развитая система развернутых членов предложения. В тюркологических исследованиях конструкции, для которых мы применяем термин "развернутые члены предложения", называются по-разному: придаточными предложениями, зависимыми трансформами.³ Мы употребляем термин "развернутые члены пред-

³ С е в о р т я н Э. В. О некоторых вопросах сложно-подчиненного предложения в тюркских языках. - ИСГТН, III,

ложения" по двум причинам: во-первых, он позволяет лучше подчеркнуть отличие данного типа конструкций от придаточных предложений в индоевропейских языках, во-вторых, этот термин имеет длительную традицию в тюркологии.

Под развернутым членом предложения мы понимаем глагольную форму, имеющую собственный субъект действия. Развернутый член предложения образует дополнительный центр предикации, что отличает его от простого члена предложения, выраженного глагольной формой. Под развернутым членом предложения мы понимаем не только те глагольные формы, субъект действия которых выражен внешними средствами — отдельным словом или аффиксом принадлежности при глагольной форме (как это имеет место в зависимых трансформках), но также и глагольные формы, субъект действия которых не выражен внешними средствами.

Структура развернутых членов предложения совпадает со структурой придаточного предложения. Однако между развернутыми членами предложения и придаточными предложениями есть и определенные различия в способах выражения предикатной части и в некоторых случаях субъектной части дополнительного центра предикации, образуемого развернутым членом предложения и придаточным предложением. В придаточном предложении субъектная и предикатная части выражаются теми же средствами, что подлежащее и сказуемое самостоятельного предложения. В развернутом члене предложения предикатная часть выражается формами -р (1), -мыш (2), -дук (3), -йук (4), -гу (5), -сык (6), -гулук (7), -гма (8), -мак (9) и деепричастиями (10). В отличие от сказуемого придаточного предложения предикатная часть не может выражаться сочетанием глагольной формы с предикативными показателями и глагольными формами -ды, -гай, -дачи. В то же время предикатная часть иногда выражается деепричастиями, которые не могут выступать в функции сказуемого придаточного предложения.

с.122-134; Г р у н и н а Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. — ИСГЯ, III, с.135-163; Е с е н о в Х.М. Синтаксис предложений с зависимыми конструкциями в казахском языке. — Алд. Алма-Ата, 1975, с.34-42; Г а д ж и е в а Н.З. Основание пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с.235-334.

Субъектная часть развернутого члена предложения может обозначаться косвенно: на субъект действия указывает аффикс принадлежности при имени, определяемом развернутым членом, или определение при этом имени, выраженное другим именем в родительном падеже.

1. Бу мэниң сэвэр амрак этүзүмнн титэр мэн йдалайур мэн 'Я отказываюсь от этого моего любимого тела' (бука. 'тела, которое я люблю') (СЗБ 616, I). Ичкерүлүг эдгү йэмишиг кушлар артагыр үчүн туркару кынка тэгинур мэн 'Из-за того, что птицы портят хорошие плоды в дворцовом саду, я все время подвергаюсь наказаниям' (КП 72, 7).

2. Сөзлөмиш савың түтүшлүг 'Сказанные тобой слова враждебны' (ТТ I, 37). Ол сувнуң индин кыдыгыда кэчмишин түшэйур эрсар 'Если он увидит во сне, что перебрался на другой берег той реки' (СЗБ 76, I). Бу кишиниң улугаду йашы калмишта эдгү көрүр 'Когда этот человек вырастет и будет в годах, он увидит добро' (ТТ VII, 28, 32).

3. Каганым бэн өзүм билгэ тоньукук өтүнтүк өтүнчүмнн эшитү бэрти 'Мой каган выслушал просьбу, изложенную мной самим, мудрым Тоньуюкуком' (Т I5). Он чакшапты тутдукмузта бэрү . . . түкэти тутмак кэргэк эрти 'С тех пор как мы стали исполнять десять обетов, их надо было исполнять полностью' (Хуаст. I48). Казгантукун үчүн удуг өзүм казгантукум үчүн эл йэмэ эл болты бодун йэмэ бодун болты 'Так как он приобретал, так как я сам приобретал, и племенной союз стал племенным союзом, и народ стал народом' (Т 55).

4. Кылмайук айыг кылынчларыг икилэйү такы кылмаз мэн 'Грехи, которые я не совершил, я не совершу и впредь' (СЗБ I38, 3). Тэңрикэ йагыш айык бэрмэйукка башын көзин агрытур 'Когда кто-нибудь не приносит божеству жертвы и не блюдет обетов, это причиняет ему боль в голове и глазах' (ТТ VII, 25, I).

5. Йана элтү баргу йантут билиг колты 'Он попросил еще ответное письмо, которое надо было отнести' (Хуэн I857). Куткаргу тынлыгларыг таптукта котмадин камыгуны куткартыңыз 'Когда Ты нашел живые существа, которых надо было спасти, Ты всех их спас без исключения' (Ман. III, 47, I). Сэниң балыктамы иг тога кэтгүси йок 'Не исчезнут в твоём городе болезни' (Уйг. I, 45, 4).

6. Вусанги олурсук төрү бар эрти 'Был закон о том, как следует соблюдать пост' (Хуаст. 175).

7. Бу адатын озгудук йолуң орукуң көзүңмэз 'Не видно путей спасения для тебя от этого бедствия' (букв. 'путей, на которых ты мог бы спастись') (ТТ I, 20). Нэз мәниң ишлэгүдүк ишим ишлэгүдүк өдтө йайылмасун 'Пусть мои дела, которые мне следует делать, не рассеиваются в то время, когда их следует делать' (ТТ УШ, Е 42).

8. Алку йок курут элиг тагма орунке тагдилер 'Все достигли места, которое называют "властелин пустоты"' (ТТ VI, 425).

9. Мунуң экин арасынта арыг тогум ажунуг булмакы тапмакы болур 'Между этими двумя жизнями он сможет получить жизнь с благородным рождением' (Уйг. II, 36, 43). Йамэ адынагука бошгут бошгурмакын савэр 'Он также любит обучать других' (Ман. III, 21, 2). Булар ичин каришмактын үкүш иглер төрчийур 'От столкновения их друг с другом возникают многочисленные болезни' (СЗБ 366, 7).

10. Эки йаңика күн тогуру сүңүшдүм 'Второго числа на восходе солнца (букв. 'когда восходило солнце') я сразился' (МЧ 13). Култэгин эбиг башлайу кытымз 'Мы отпустили Коль-Тегина, чтобы он начальствовал дома' (Кб 48). Калты балык канагда олурур эр-кэн кан удчыс баш йүз уд сүрэ өнти 'Когда он сидел у ворот города, вышел пастух хана, гоня пятьсот коров' (КП 64, 7). Кэчэ йарук батур эрикли сүңүшдүм 'Вечером на закате солнца (букв. 'когда заходило солнце') я сразился' (МЧ 13). Эринч тиши барс энүклэгели йэти күн болмыш 'С тех пор как эта несчастная тигрица родила детенышей, прошло семь дней' (СЗБ 610, 2). Тамутакы өрт йалын такы өнмөзкэн өртлүт йалынларта такы аганмазкан өкүнэлим 'Покаемся, пока не поднялось адское пламя и не сверглись мы в огненное пламя' (Уйг. II, 89, 62).

Глагольная форма, образующая дополнительный член предикации, выступает в предложении в функции подлежащего (1), дополнения или обстоятельства (2) приименного определения (3):

1. Глагольная форма - подлежащее. Субъект действия выражается именем и/или аффиксом принадлежности при глагольной форме: Мәниң йамэ киши этүз болмышы йоклук болсун 'И также пусть прекратится мое существование в виде человеческого тела' (Уйг. III, 32, 17). Улуг нирваның булмакы олур 'Он достигнет ве-

ликой нирваны' (букв. 'будет его достижение великой нирваны') (Уйг. II, 46, 59). Сәниң балыктакы ир тоға кәтгүси йок 'Не исчезнут в твоём городе болезни' (Уйг. I, 45, 4).

2. Глагольная форма – дополнение или обстоятельство. Глагольная форма выступает в функции дополнительного центра предикации, если ее субъект действия не совпадает с подлежащим предложения (а) или совпадает с ним, но выражается аффиксом принадлежности при глагольной форме (б). Субъект действия представлен именем в основном падеже и соответствующим аффиксом принадлежности при глагольной форме или только аффиксом принадлежности при глагольной форме:

а) Ол кан йок болтукда кәсрә эл йитмиш ыгынмыш качымыш 'После смерти того хана' (букв. 'после того как тот хан умер'), люди, входившие в племенной союз, исчезли, разбежались' (О I). Тәңри йарлыкадукин үчүн каган олуртум 'Так как небо сооблаговолило, я сел каганом' (Км 9). Казгантукын үчүн удуг өзүм казгантукум үчүн эл йәмә эл болты бодун йәмә бодун болты 'Так как он приобретал, так как я сам приобретал, и племенной союз стал племенным союзом, и народ стал народом' (Т 55).

б) Билмәз билигин билтүкимин өдүкимин бунча битиг битидим 'Знания, которые не знает [народ], то, что я знал, то, над чем размышлял, я так написал' (КЧ 28). Сәбдүкимин йәйүр мән 'Я ем мое любимое' (букв. 'то, что я люблю') (ТС II, 5).

3. Глагольная форма – приименное определение. Глагольная форма в функции определения образует дополнительный центр предикации, если ее субъект действия не совпадает с определяемым. Субъект действия выражается именем в основном падеже (а). На субъект действия может указывать имя в родительном падеже, выступающее в качестве определения к имени, определяемому глагольной формой, и соответствующий аффикс принадлежности при определяемом (б). Если имя – личное местоимение, оно может опускаться. Субъект действия не выражается внешними средствами (отдельным словом или аффиксом принадлежности при определяемом), если на него указывает контекст (в), если действие приписывается неопределенным лицам (г), если глагольная форма выражает объективную возможность или долженствование (д):

а) Тәңри унамадук абынчу катун болзун 'Пусть неудобная богу наперсница станет госпожой' (ТС II, 57). Байатын бәруки сиз-

лэр өтүнмий тушка утлыка тэгтэйлэр 'Они достигнут того благополучия, о котором с недавних пор вы просили' (СЗБ 473, 7).

б) Бу маний өтүгүмий йоксуз куруг кылмаң 'Эту высказанную мной просьбу не делай тщетной и пустой' (Уйг. I, 31, 7). Кылмыш ишиң йагылыг 'Совершенные тобой дела враждебны' (ТТ I, 37).

в) Курьгару барыгма бардыг бардук йарда элгүт ол эринч 'Ты много ходил на запад. Там, где ты ходил, вот что ты видел хорошего' (букв. 'твое хорошее было этим') (Кб 24).

г) Кызыг ташкармыш күйтэ бу ном битигиг үч ката окысун 'В день, когда отправляют невесту, эту книгу пусть прочтут три раза' (УСп 58, 22).

д) Адиртлагулук балгү бар 'Есть примета, по которой различают' (могут различить) (ТТ I, 71). Куткаргу тыныгыларыг тап-тукта котмадын камыгуны куткартыңыз 'Когда Ты нашел живые существа, которых надо было спасти, Ты всех их спас без исключения' (Т III, 61).

В историческом плане развернутые члены предложения ("зависимые трансформы") исследованы Н.З.Гаджиевой.⁴ По ее мнению, зависимые трансформы явились результатом преобразования ранее самостоятельных предложений, причем зависимые трансформы возникли относительно недавно. Н.З.Гаджиева пишет: "Процесс трансформации, хронологически совпадающий с процессом развития сложного предложения, связан с развитием письменной речи".⁵ Между тем уже в древнейших тюркоязычных памятниках мы находим вполне сложившуюся систему развернутых членов предложения, которая, несомненно, сформировалась задолго до создания первых письменных памятников. Материал ряда современных тюркских языков убедительно свидетельствует о том, что нельзя связывать появление зависимых трансформ с развитием письменной речи. Письменный якутский язык сформировался фактически только после Октябрьской социалистической революции, хотя попытки создания письменного якутского языка относятся к началу XIX в. (количество грамотных до Октябрьской революции было столь незначительно, что говорить о существовании письменного якутского языка в дореволю-

⁴ Г а д ж и е в а Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с.207-334.

⁵ Там же, с.396.

ционный период нельзя). Между тем уже в середине XIX в., как показывают исследования О.Бётлингга,⁶ система развернутых членов предложения (включая и зависимые трансформы) была вполне развита в якутском языке и имела такой же характер, что и в современном якутском литературном языке. Сказанное полностью относится и к тувинскому языку. В тувинском языке уже в конце XIX в. система развернутых членов предложения сложилась полностью⁷ и не отличалась от системы развернутых членов в современном тувинском литературном языке. До Октябрьской революции тувинский язык не был письменным.

Таким образом, система развернутых членов предложения, включая зависимые трансформы, сложилась в тюркских языках в очень отдаленную эпоху. Процесс ее формирования нельзя связывать с развитием письменной речи. Сопоставление языка древнейших памятников с данными современных тюркских языков позволяет сделать вывод о том, что развернутые члены предложения — очень устойчивая синтаксическая структура. В современных тюркских языках мы находим ту же систему развернутых членов предложения, что и в древнетюркских памятниках. При этом субъект действия развернутого члена предложения выражается теми же средствами.

Однородные члены предложения

Для характеристики однородных членов предложения в агглютинативных языках целесообразно использовать термин "замкнутые и незамкнутые ряды однородных членов".⁸ Два однородных члена, связанных соединительным союзом, или сочетание нескольких однородных членов, в котором два последних связаны соединительным союзом, образуют замкнутый ряд. Замкнутый ряд образуют и однородные члены предложения, соединенные противительным или одиночным разделительным союзом. Замкнутые ряды не могут до-

⁶ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, I-II, СПб., 1848-1851, s. 372-390.

⁷ К а т а н о в Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, с. 909-933.

⁸ М а й т я н с к а я К.Е. Венгерский язык, ч. III. М., 1960 с. 231-232.

полняться другими однородными членами. Незамкнутые ряды однородных членов образуются однородными членами, либо не связанными союзами, либо связанными повторяющимися соединительными или разделительными союзами.

В языке ПДТП однородные члены обычно образуют незамкнутые ряды. Однородные члены чаще всего соединяются без помощи союзов. Собственно соединительные союзы, т.е. слова, единственная функция которых заключается в соединении однородных членов, в языке ПДТП отсутствуют. В языке ПДТП, как правило, аффикс падежа повторяется при каждом из однородных членов. В современных тюркских языках аффикс падежа часто опускается при всех однородных членах, кроме последнего, если на каждом из них не сохраняется логический акцент. Данное явление можно объяснить тем, что в языке ПДТП связь определения, выраженного именем существительным с именным определяемым (изафет), в ряде случаев не выражается внешне, посредством каких-либо морфологических показателей. Два имени существительных или два субстантивных словосочетания, непосредственно примыкающие друг к другу, могут находиться как в сочинительной, так и в подчинительной связи, если первый компонент не имеет аффикса родительного падежа. Тенденция к выражению различных значений различными формальными средствами и делает необходимым повторение одинаковых падежных аффиксов при каждом из однородных членов. Повторение одинаковых падежных аффиксов является средством выражения сочинительной связи формальными средствами. В дальнейшем в тюркских языках связь в изафете стала выражаться более широко внешними средствами - аффиксом родительного падежа при определении. Необходимость в повторении одинаковых падежных аффиксов при каждом однородном члене поэтому отпала, а тенденция к экономии языковых средств привела к тому, что одинаковые падежные аффиксы при однородных членах, кроме последнего, стали опускаться.

В языке ПДТП однородные члены, выражаемые существительными и (реже) прилагательными, часто оформляются посредством аффикса -лы. Аффикс -лы используется, если необходимо подчеркнуть тесную связь между однородными членами. Большей частью аффиксом -лы оформляются однородные члены, выражаемые словами-антонимами, часто сопоставляемыми в речи: Тэңрили йерли Небо

и земля', тәһрилли йәкли 'Боги и демоны', йаруклы каралы 'Свет и тьма', күнли айлы 'Солнце и луна', эдгүли айыглы 'Хорошие и дурные', отлы сувлы тәг 'Подобно огню и воде', инилли эчили 'Младшие братья и старшие братья'. Широкое употребление аффикса -лы можно объяснить тем, что он являлся средством формального различения между сочетанием однородных членов и атрибутивным словосочетанием, т.е. был формальным средством выражения сочинительной связи.

В языке ЦИТТ можно отметить следующие виды однородных членов предложения.

Однородные подлежащие: Оглы йутуз коп өгирәр 'Сын его и жена премного радуются' (ТС II, 44). Йаруклы каралы калты катымыш 'Как смешались свет и тьма' (Хуаст. I35). Бу йәрли тәһрилли кәң алкыг 'Эта земля и это небо обширны' (ТТ VI, 24I). Адгүли тоңузлы арт үзә сокушмыш 'Медведь и кабан встретились на перевале' (ТС II, IO).

Однородные сказуемые: Өпишти кучушты ыглашты 'Они поцеловались, обнялись и заплакали' (КП 52, 8). Бу мунча түрлүг йавдак билиг алку алкынур сөңәр амрылур 'Вот такие различные дурные знания все исчезнут, прекратятся, успокоятся' (ТТ VI, 75). Өлүрүр тәрисин сүрәр кан өгүз акитар '[Люди] убивают [животных], сдирают с них шкуры, проливают кровь рекой' (КП 3, 4).

Однородные определения: Йогурунчсуз улуг өң көртүкүг йогуруп 'Пройдя через непреодолимую, огромную, снежную лавину' (ТТ VI, прим. II5). Улуг кичиг камаг бодун той капыгыңа таги бардылар 'Большой и малый, весь народ дошел до ворот [города]' (ТТ II, А 65). Учсуз кыдыгсиз үлгүсиз буйан эдгү кылыңч 'Бесконечное, безмерное, благодатное, доброе деяние' (СЗБ 584, I2). Эдгүли айыглы номларыг чыңгарып адыртлап 'Различая хорошие и дурные дармы' (ТТ V, В 77).

Однородные дополнения: Эбин баркын йылкысин йулмадим 'Их жилища и табуны я не захватил' (МЧ I4). Тәһридеки күнкә йәрдеки элимкә бөкмәдим 'Находящимся на небе солнцем и жизнью с моим племенным союзом на земле я не наслаждался' (Е 7, 3). Бурканка номка бурсаң динтарларка йаздым йаңылтым эрсәр 'Если я грешил против будды, учения и благочестивых проповедников' (Уйт. II, 77, I6). Элкә канка бәгкә ишикә йәринүр бәкиләүр 'Он выражает недовольство государством, ханом, бека, женой бека' (ТТ VI, I8).

Однородные обстоятельства: Ўстўнтан калыктан ўн кэлти 'Сверху, с неба, дошел один звук' (Ман. III, 23, 4). Отлы сувлы тэг тутўшлўт болурлар 'Все они становятся враждебными, как огонь и вода' (ТТ VI, 64). Тай билге тутук йаолакни ўчўн бир эки атлыг йаолакни ўчўн кара болунум ўлтўн 'Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых людей, ты, мой простой народ, погиб' (МЧ I7). Кўн йэме тўн йэме йэлў бардымыз 'Мы мчались и днем и ночью' (Т 27). Йыглайу йалгару ўкўнў бошўну кшанти ўтўнтилэр 'Плача, умоляя и рассказываясь, они обратились с покаянием' (ТТ IV, А I4). Йырг таглайу эсиркейў йыглайу тэгрэ толы турурлар эрти 'Восхищаясь песней, сочувствуя и плача, они толпились вокруг' (КП 7I, 4).

Из современных тюркских языков аналогичный способ оформления однородных членов предложения используется в якутском языке, где одинаковые падежные аффиксы повторяются при каждом из однородных членов, а однородные члены предложения, тесно связанные по смыслу, могут соединяться с помощью аффикса -лаах, соответствующего аффиксу -лы в языке ПДТН.⁹ Аффикс -лаах употребляется для оформления однородных членов предложения, обозначающих понятия, часто сопоставляемые или противопоставляемые в речи: обоньордоох эмээхсин 'Старик и старуха', кыһыннаах сайын 'Зима и лето' (-доох и -наах – фонетические варианты аффикса -лаах). ПДТН – тэһрилли йэрли 'Небо и земля', инили эчили 'Младшие братья и старшие братья'.

Порядок слов в предложении

Обычный порядок слов в предложении

Обычный порядок слов в предложении в языке ПДТН такой же, как и в современных тюркских языках:¹⁰ сказуемое находится в абсолютном конце предложения, определение предшествует опреде-

⁹ Уорятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.;Л., 1950, с.230-232.

¹⁰ Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.;Л., 1960, с.394-396.

ляемому. Указанный порядок слов может измениться, если требуется выделить в смысловом отношении какой-либо член предложения (обособление, инверсия). Если нет необходимости в выделении какого-либо члена предложения, порядок членов предложения следующий.

При наличии в предложении прямого и косвенного дополнений прямое дополнение следует за косвенным: Бимбазари элигкэ аркыш бѣтүрүп инчэ тѣп бѣтүг ытдылар 'Они послали вестника к правителю Бимбасара и передали ему следующую просьбу' (ТТ X, 44-45).

Обстоятельства образа действия (обобщающее), цели и причины непосредственно характеризуют сказуемое и располагаются перед ним: Тѣңри айгын түкѣти ишлэйүр биз 'Волю бога мы исполняем неукоснительно' (ТТ II, А 3). Эр абка бармыш 'Мужчина отправился на охоту' (ТС II, 17). Тѣңрили йѣкли недѣ бѣтрү сүрүшмиш 'Отчего стали потом враждовать боги и демоны?' (Хуаст. 134).

Обстоятельства места и времени располагаются перед сказуемым, если характеризуют непосредственно действие: Йай анта йай ладым 'Я там провел лето' (МЧ 20). Мэн амты блүр мэн 'Теперь я умираю' (КП 40, 3).

Если обстоятельства места и времени характеризуют все предложение, они находятся в абсолютном начале предложения: Эвимдѣ йѣмѣ үкүш такыгу кушлар бар эрүр 'В моем доме также имеется много кур' (Ман. I, 37, 15). Тоңуз-күндѣ йылкысы карасы блүр 'В день свиньи будет падеж его скота' (ТТ VII, 33, 19).

При наличии нескольких обстоятельств порядок следования их определяется следующим правилом: общее предшествует единичному, так что каждое последующее должно быть включено в целое, которое поясняется предыдущим. Поэтому первое место занимает обстоятельство времени, за ним следует обстоятельство места: II бѣрѣ эртмиш бѣдѣ бу чамбудивип улушта махаради атлыг элиг кан бар эрти 'В прошлые времена в этой стране Индии был царь - правитель по имени Махаради' (СЗБ 607, 8).

Описанный выше порядок слов характерен для повествовательной речи, в которой порядок членов предложения обусловлен в значительной мере синтаксической функцией слов в предложении. В этом случае прямое дополнение располагается непосредственно пе-

ред сказуемым. Если возникает необходимость выделить какой-либо член предложения логически, то он перемещается на место прямого дополнения и занимает позицию непосредственно перед сказуемым. Например, логически могут быть выделены подлежащее или косвенное дополнение.

Логическое ударение падает на подлежащее: Номуг төрүт киши этар 'Человек создает правила и законы' (ТТ VI, 35).

Логическое ударение падает на косвенное дополнение: Түргәш каганың кызын эртиңү улуг төрүн оглума алы бертим 'Я взял, соблюдая самый торжественный порядок, дочь кагана тургешей в жены моему сыну' (БХ Хб, 9).

И н в е р с и я

При инверсии нарушается правило, по которому поясняющий уточняющий элемент предшествует поясняемому, уточняемому, а сказуемое занимает конечную позицию в предложении. Можно отметить следующие случаи инверсии:

1. Логическое ударение падает на действие, выражаемое сказуемым. После сказуемого следуют другие члены предложения: подлежащее (а), прямое дополнение, выражаемое формой винительного падежа (б), косвенное дополнение (в), обстоятельство, выражаемое различными падежами, кроме основного, сочетанием имени с послелогом, деепричастием (г).

а) Йәмә йәгәтти йарук күн 'И светлый день ододел' (Ман. III, 19, 10). Башланды йәти пагарлының йәмә бәш түрлүг мончукуң ташларын эрдәми бәлгүлүг саблар 'Начались слова, описывающие достоинства семи планет, а также пяти видов драгоценностей и драгоценных камней' (ТБ 2).

б) Кәлүртүм өк түрк бодунуг өтүкән йәркә 'Я привел туркский народ в землю Отюкен' (Т I7). Укуп бүтүрдүм кәртү орунуг туйм-кыг 'Я постиг познание истины' (СЗБ 308, 3).

в) Йүкүнүр мән рәтнадиви атлыг буркан кутыңа 'Я поклонюсь его величеству, будде по имени Ратнадхавайя' (Уйг. I, 32, 3). Суй йазук кылур биз йарук тәһриләркә ном кутыңа арыг динтарларка 'Мы совершаем грехи и прегрешения по отношению к светлым богам, к величию писания и святым священнослужителям' (Хуаст. 218).

г) Бизни үчүн башунмак билиг бэрти ном кутина 'Для нас он дал знание об освобождении ради величия учения' (Ман. III, 7, 6). Йэме агазланмыш болты улуг өгрүнчин 'Также было высказано с великой радостью' (Ман. I, 25, 3). Бэн өлтүм тургши эл ичинте 'Я умер в тюркешском племенном союзе' (Э 37, 3). Аллыг чэвишлиг кишилер алдайу турур үскүндэ 'Лживые люди обманывают тебя при тебе же' (ТТ I, 26). Тарыгчыларыг көрүр эрти курут йэриг сувайу ол йэриг тарийу 'Он видел земледельцев, орошающих сухую землю и обрабатывающих влажную землю' (букв. 'когда они орошали и обрабатывали') (КП I, 3).

2. Логическое ударение падает на определяемое в составе субстантивного словосочетания (определение выражено формой родительного падежа): Нэ огурка тэңри тэп аты болур оларнын 'Почему имя у них "бог"? ' (Уйг. I, 23, 17).

Широкое использование инверсии в языке ПДТП говорит о том, что это очень древнее явление. Основные виды инверсии в языке древних памятников такие же, как и в современных тюркских языках, например в турецком языке.

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Односоставное предложение содержит только подлежащее или только сказуемое. Другой главный член не восстанавливается по контексту и не требуется для смысла высказывания. В языке ПДТП выделяются следующие типы односоставного предложения: модально-безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, вокативные предложения.

Модально-безличные предложения выражают объективное долженствование и возможность. Подлежащее отсутствует.

Долженствование выражается сочетанием форм -мыш, -мак и дееспричастия -у со словом кэргэк 'необходимый', 'нужный', а также формой -гу: Аны үчүн ныча билмиш кэргэк 'Поэтому нужно знать следующее' (ТТ VI, 35). Туркару аш ичкү ныча колусынча ашанмак кэргэк 'Пишу следует принимать всегда в одно и то же время' (Ман. III, 12, 2). Анта кин топрак каза там токыйу кэргэк 'Затем нужно копать землю и воздвигать стены' (ТТ VI, 82). Уч ката бурунка тамызгу ол 'Следует закапать в нос три раза' (Рах. I, 127).

Возможность выражается сочетанием глагольной формы -галл с глаголом бол- 'становиться': Катлг кэртгүнчлүг болмагича оңаргалы болмаз 'Пока не будет твердо верующим, нельзя будет исправить [его]' (Хюэн, прим. 1870). Улуг талуу өгүз толу сувуң бир бир тамзым санны санагалы болгай 'Всю воду (букв. 'количество воды') огромного моря можно сосчитать по одной капле' (Усп 89, II).

В неопределенно-личных предложениях субъект действия является неопределенным, неизвестным. Подлежащее в них отсутствует, сказуемое выражено 3-м л.ед. или мн.ч.: Йэмэ ким ёлсар бу битигиг үч ката окызун 'И если кто-нибудь умрет, пусть эту книгу прочтут три раза' (ТТ VI, 280). Йэмэ эринч киши оглы кэнтү көрмөш өтагин эмгэкин атайурлар 'И также называют их бедными детьми человеческими из-за горестей и страданий, перенесенных ими' (Ман. I, 9, 8).

В обобщенно-личных предложениях субъектом действия является любое лицо. Подлежащее в них отсутствует, сказуемое выражено 2-м л.ед.ч.: Түтүш карыш кылмасар сөн өзүңе камаг адатны өзгэй сөн 'Если ты не затеешь ссор и споров, то избавишь себя от всех опасностей' (ТТ I, 180).

К обобщенно-личным односоставным предложениям очень близки двусоставные предложения, в которых подлежащее, хотя и выражено, но мыслится обобщенно. В качестве подлежащего используется существительное киши 'человек' или вопросительное местоимение ким 'кто'. Этот тип предложений широко используется в памятниках: Кайу кишиниң йылкысы үкүш ёлсар бу ву капыгта йапшурсун 'Если у какого-либо человека будет поддыхать в большом количестве скот, то пусть прикрепит на двери этот амулет' (ТТ VII, 27, I7). Кайу киши кэнтү этүзин үзэ арклиг болуп эл хан төрүсин тутмыш 'Тот человек, кто над своим телом имеет власть, следует закону правителя' (Ман. III, 20, 4). Ким тэрс көрүм өритсөр анын эми йүрүнтэги али алдагы йок 'Нет тому целительных средств и способов к спасению, кто поддерживает еретические взгляды' (ТТ IV, 444, прим. II). Бу дийан сакынчлыг кишиг ким көрсар бурканыг көрмөш тэг сөвөр таплайур 'Тот, кто увидит этого человека, погруженного в созерцание, будет любить и почитать его, словно он видел будду' (ТТ V, A III).

Вокативные предложения выражают обращение, побуждение, сожаление. Они состоят из одного слова и включают в свой состав усилительно-вокативные частицы и междометия: Ай йэклар 'Эй, демоны!' (Уйг. I, 40, 10). Ай могочлар 'О маги!' (Уйг. I, 7, 10). Муң ай муң ай 'О горе! О горе!' (СЗБ 623, 9).

НЕПОЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Неполное предложение – это такое предложение, в котором на отсутствующий член предложения указывает только контекст. Неполные предложения употребляются преимущественно в диалогической речи. Тексты древнетюркских памятников представляют собой в основном образцы повествовательной речи, но в них довольно часто используются неполные предложения без прямого дополнения: Ичикдиң ичикдүк үчүн тәңри өлүтмиш эринч 'Ты подчинился. Так как ты подчинился, небо, надо думать, [тебя] поразило' (Т 3). Эр кугу кушка сокушмыш кугу куш канатыңа уруп анын калды барыпан өгиңе каныңа тәгүрмиш 'Муж повстречался с лебедем. Лебедь посадил [мужа] на свои крылья и, взлетев с ним, отправился и доставил [его] к матери и отцу' (ТС II, 53). Бу ырк битиг эдгү ол ынчып алку кэнтү үлүги эркиг ол барс йыл экинти ай бәш йәгирмикә тайгунтан манистантакы кичиг динтар буруагуру эшидишчимиз исиг саңун итә чук үчүн битидим 'Эта гадательная книга хороша. Так все властны распоряжаться своей долей. В год тигра, второго месяца, пятнадцатого числа, я написал [Гадательную книгу] для находящихся в обители Тайгунтан слушателей, младших священнослужителей и буруа-гуру Исиг-сангуна и Итечука' (ТС II, 101-103). Он ай элтди өгүм оглан тогдум 'Моя мать носила [меня] десять месяцев. Я родился мальчиком' (Е 29, 5).

Частое использование в языке ПДП неполных предложений с опущенным прямым дополнением обусловлено тенденцией к экономии языковых средств: опускается все, что не является абсолютно необходимым для понимания смысла сказанного.

Сложносочиненное предложение

В языке ЦДТН используются бессоюзные сложносочиненные предложения. Между простыми предложениями, входящими в состав сложносочиненного предложения, могут быть соединительные (1) и противительные (2) отношения. Связь между простыми предложениями обусловлена только контекстом.

1) Кэйик йэйү табышган йэйү олурур эртимиз бодун богзы ток эрти 'Мы жили, питаюсь оленями и питаюсь зайцами, народ был сыт' (Т 8). Агылым он йылкым сансыз эрти 'Моих загонов для скота было десять, скота у меня было без числа' (Е 47, 5). Иним йэти урым үч кызым үч эрти 'Моих младших братьев было семь, моих сыновей – трое, моих дочерей – три' (Су 6). Каганка кыркыз бодуну ичикди йүкүнти йантымиз көгмэн йышыг эбириү кэлтимиз 'Кыргызский народ подчинился кагану, повиновался ему, и мы вернулись, обойдя Кёгменскую чернь' (Т 28). Озмыш тэгин кан болмыш конь йылка йордым 'Озмыш-Тегин стал ханом, и в год овцы я пошел в поход' (МЧ 9).

2. Эки ай күтдүм кэлмэди 'Два месяца я ждал, но они не пришли' (МЧ 17).

3 функции сказуемого последнего предложения в составе сложносочиненного предложения может использоваться деепричастие -ц: Тэври буркан бу ном йарлыг йарлыкап камаг калыи куврат эртиңү өгүнчүлүг савинчлиг боду тэгиниш көңүллэри көгүзлэри билге билиглэри йаруды йашуды 'Божественный будда проповедовал это учение, и все члены общины пришли в восторженное состояние, засияли, заблистали их умы и знания истины' (ТТ VI, 456). Агзы куруп тили тамгакы катып сав сөзлэйү умадыи кэгинч бөрмэдин шук турды 'Во рту у него высохло, язык отнялся, горло свело, и, не будучи в состоянии признать хоть одно слово, он стоял безмолвный' (СЗБ 624, II).

Сложноподчиненное предложение

В состав сложноподчиненного предложения входит главное и одно или несколько придаточных предложений. Сказуемое в придаточном предложении выражается теми же способами, что и конеч-

ное сказуемое в самостоятельном предложении. Подчинение придаточного предложения главному осуществляется с помощью союзных слов тэйн, тэп, тэпэн (1), аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа при одном из членов придаточного предложения (2), позиционно (3), с помощью послелога (4), посредством выражения сказуемого придаточного предложения формой -сар (5), с помощью вопросительных слов (6).

1. Подчинение осуществляется с помощью союзных слов тэйн, тэп, тэпэн, представляющих собой деепричастия глагола тэ- 'сказать'. Первоначально слова тэйн, тэп, тэпэн были средством связи прямой речи с речью автора. В этой функции они используются и в языке ПДТП: Бу нэ сав эрки тэп тэди 'Что это за слова? - Сказала она' (СЗБ 622, 3). Однако в дальнейшем они утратили свое знаменательное значение и уже в древнейших памятниках используются в качестве союзных слов. Если сказуемое придаточного предложения именное или если глагольное сказуемое придаточного предложения выражается формами изъявительного наклонения, то союзные слова передают изъяснительную связь при подчинении придаточного предложения глаголу восприятия, например, оил- 'знать' (а) и причинную связь при подчинении придаточного предложения глаголу с другим значением (б). Если придаточное предложение подчиняется глаголу восприятия, то союзное слово может опускаться. После сказуемого придаточного предложения, выраженного формами повелительного и желательного наклонений, союзные слова передают целевые отношения (в).

а) Ойрэ нэ бар эрмиш тэпэн билтимиз 'Мы знали, что было раньше' (Хуаст. 134). Ай тэүри кайу раныда кайу йултузда ол билэйин 'Узнаю-ка я, в каком знаке Зодиака, у какой звезды находится божество - луна' (ТТ УШ, I 9).

б) Аркыш ыдмаз тэйн сүлэдим 'Я пошел в поход, так как они не прислали каравана с данью' (БК 25).

в) Когмэн йэр суб идисиз калмазун тэйн аз кыркыз бодунут йаратып кэлтимиз 'Мы пришли и устроили многочисленный народ кыргызов, чтобы не осталась без хозяина земля (страна) Керменская' (Кб 20). Ани анытайин тэп сүлэдим 'Я пошел в поход, чтобы наказать его' (БК 41).

Придаточное изъяснительное предложение может подчиняться существительному со значением, близким к значению глаголов вос-

Зак. 66 XII

приятия: Тамра йорийур күү эшидип 'Услышав весть о том, что он бродит за пределами [своей земли]' (Кб 12).

2. Подчинение осуществляется с помощью аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа при одном из членов придаточного предложения. Аффикс принадлежности указывает на связь придаточного предложения с тем членом главного предложения, которому оно определяет: Куту буйану азумиш эринч йарлыг тынлыг 'Несчастные и бедные существа, счастье и благодать которых уменьшились' (СЗБ 480, 19).

3. Подчинение осуществляется только позиционно. Придаточное предложение располагается перед тем членом главного предложения, который оно определяет. Сказуемое придаточного предложения выражается словом йок 'нет'. Ол амты аныг йок түрк каган өтүкөн йыш олурсар 'Если в Отыкенской черни сидит на престоле тот тюркский каган, у которого нет теперешних недостатков' (Км 3).

4. Подчинение осуществляется с помощью послелога үчүн, сказуемое придаточного предложения выражено словом бар 'есть', 'имеется'. Таңри йарлыкадукин үчүн озум кутум бар үчүн каган олуртум 'По милости неба и потому, что я сам был царственного происхождения, я сел каганом' (Км 9). Кутум бар үчүн улутум бар үчүн өлтэчи бодунуг тиригү игитим 'Так как я был царственного происхождения, так как у меня была удача, я поднял к жизни готовый погибнуть народ' (Кб 29).

5. Подчинение осуществляется посредством выражения сказуемого придаточного предложения формой -сар, а также формой условной модальности. В зависимости от контекста форма -сар и форма условной модальности могут передавать условные (а) и условно-временные (б) значения. Четкую границу между собственно условными и условно-временными придаточными предложениями провести нельзя, в обоих случаях сказуемое придаточного предложения выражается одними и теми же формами. Если в состав придаточного предложения со сказуемым, выраженным формой -сар, входят вопросительные слова, например ким 'кто', из 'что', неча 'сколько', негү 'что', то такого типа придаточные предложения передают обобщающие определительно-объяснительные значения (в).

а) Нема ким олсар бу окитиг үч ката окызун 'И если кто-нибудь умрет, пусть эту книгу прочтут три раза' (ТТ VI, 280).

вводимые словом ким, всегда следуют после главного предложения. Вопросительные слова вводят придаточные предложения определительные (а), дополнительные (б), времени (в), обстоятельства образа действия (г), причины (д), цели (е):

а) Ол ким эртмиш бурканлар номлады 'То, чему учили прежние будды' (ТТ VI, 26). Андаг баг чуг йок ким йөрүлмэгүлүг шәшилмэгүлүг 'Нет таких оков и пут, которые бы не поддавались распутиванию' (СЗБ 165, 21). Йәмә бар ватаг өд калты карарыг туймак синнынтай йәкләр буш йаңы киши бирлә сүнүшүрләр 'А также существует такое время, когда из составной части "мрачного восприятия" возникают демоны и борются с новым человеком' (Ман. III, 18, 6).

б) Өз билэгсиз тәрс кылынчын билмәз укмаз ким мәниң ашну-кы ажуңта кылмыш Өз кылынчым мәни инчә эмгәтүр 'Из-за собственных неразумных, неправильных поступков они не понимают, что их так мучают поступки, которые они совершили в прежних существованиях' (ТТ VI, 15).

в) Калты алты күн эртип барды бәги каңы атлыгы йүәлүти нг-лайу бушану тургуруп нәң унамалы 'Когда прошло шесть дней, его мать и отец, именитые люди и сановники, плача и сокрушаясь, хотели его поднять, но он не соглашался' (КП 20, 4).

г) Калты балык сувинтын адырылып исиг кумта агынамыш тәг йәртә агынайу инча тәп йыглады '[Женщина] билась на земле, как бьется на горячем песке рыба, выброшенная из воды, и так причитала' (СЗБ 626, 11).

д) Көңүли аз когнады ол тылтагын ким инчә эшидти 'Разум его несколько ослабел, потому что он услышал такое' (ТТ II, А 30).

е) Катигланаң ким үркә одугун эрәләр 'Старайтесь постоянно быть обидительными' (букв. 'старайтесь, чтобы вы постоянно были обидительными') (Ман. III, 9, 6).

Придаточные предложения, вводимые словом ким, употребляются в ряде современных тюркских языков, например азербайджанском, гагаузском, киргизском, кумыкском, татарском, тувинском, тюркском.¹²

¹² Г а л ж и е в а И. В. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с. 354-360.

Сложноподчиненное предложение в тюркских языках исследовано А.Н.Кононовым на материале турецкого и узбекского языков.¹³ В языке ЦДТП можно отметить те же типы придаточных предложений, что и в указанных языках. Это свидетельствует об очень древнем происхождении придаточных предложений. Несомненно, что придаточные предложения сложились задолго до создания древнейших памятников, так как уже в языке ЦДТП система придаточных предложений развита в той же степени, что и в современных тюркских языках.

¹³ Кононов А.Н. 1) Грамматика современного турецкого литературного языка. М.;Л., 1956, с.515-546; 2) О бессоюзных сложноподчиненных предложениях в турецком языке. - СТ, 1971, №4, с.3-12; 3) Грамматика современного узбекского литературного языка, с.408-422.

I. Грамматические категории и отдельные грамматические формы в языке ЦДТН обладают двойственным, противоречивым характером.

Двойственный характер категории числа проявляется в том, что форма единственного числа совмещает в себе значения единичности и неопределенной собирательности, а форма множественного числа — значения обычной множественности и расчлененной множественности.

Двойственный характер категории склонения обусловлен следующим: каждый падеж противопоставляется своим ближайшим коррелятам по семантическому признаку и противопоставляется всем остальным падежам в целом по своим синтаксическим функциям. Так, двойственность, противоречивость значений дательного падежа обусловлена тем, что своими обстоятельственными значениями (объект направленности действия в пространстве) он противостоит своим ближайшим коррелятам — местному и исходному падежам, а своими значениями, не связанными непосредственно с понятием направленности действия (объект, вызывающий ответную реакцию, эмоцию, объект со значением причины), дательный падеж противостоит всем остальным падежам как форма косвенного дополнения.

Двойственность категории принадлежности проявляется в способности аффиксов принадлежности выражать как конкретные значения принадлежности, так и отвлеченные значения, указывая на связь определения и определяемого (аффикс принадлежности 3-го л.).

Двойственный характер категории залога проявляется в том, что формы залогов сочетают лексические (словообразовательные) и грамматические (словоизменительные) значения. Аффиксы залогов могут выражать расширение объектных связей глагола (лексические значения) и характеристику субъекта действия, обозначаемого исходной основой (грамматические значения). Например, аффикс взаимно-совместного залога -ш может выражать взаимно-совместные и

совместные значения. В первом случае форма залога имеет лексические и грамматические значения, во втором - только грамматические значения.

Двойственный характер категории наклонения обусловлен следующим: желательное и условное наклонения противопостоят изъявительному наклонению как "идеальные" наклонения и в то же время они могут передавать значения, приближающиеся к значениям изъявительного наклонения. Желательное наклонение в придаточном предложении цели передает будущее время, форма условного наклонения -сар может выражать не только условие, но и временные отношения.

Двойственный характер причастий сказывается в образовании причастиями двух рядов форм (малые ряды). В пределах каждого малого ряда причастие противопоставляется остальным причастиям по своим временным и модальным значениям (семантические признаки). В то же время каждое причастие противопоставляется всем остальным причастиям в целом по своим синтаксическим функциям.

2. Сопоставление языка ЦДТП с современными тюркскими языками показывает, что в тюркских языках действует тенденция к расширению абстрактных значений грамматических форм, к усилению их синтаксических значений. Так, в современных тюркских языках формы родительного и винительного падежей сочетают семантические значения (значение конкретной предметности) и синтаксические значения (родительный падеж обозначает приименное определение, винительный падеж - прямое дополнение). Однако в известных случаях (в позиции "отстоящего" приименного определения и "отстоящего" прямого дополнения) эти падежи указывают только на синтаксическую функцию слова. В языке ЦДТП родительный и винительный падежи, как правило, всегда сохраняют свои семантические значения. Винительный падеж может не использоваться, если слово в позиции отстоящего прямого дополнения не имеет значения определенности. Местный падеж в современных тюркских языках имеет не только обстоятельственные значения, но используется также в качестве формы управляемого дополнения. В языке ЦДТП местный падеж передает только обстоятельственные значения. Причастия в современных тюркских языках могут выражать не только временные значения по отношению к главной глагольной форме, но и указывать на характер связи между причас-

тием и определяемым им существительным. Например, в языке ПДТП причастие -мыш не содержит указания на характер отношения между формой -мыш и ее определяемым. Определяемое при форме -мыш может быть и субъектом действия, выраженного этой формой, и обозначать прямой или косвенный объект действия, а также место и время совершения действия. В современном турецком языке форма -мыш приобрела агентивное значение и указывает на то, что определяемое является субъектом действия, выражаемого формой -мыш. В языке ПДТП форма -дук не указывает на характер отношения между определением и определяемым. В современном турецком языке форма -дык (-дук в языке ПДТП) указывает на то, что определяемое при ней не является субъектом действия.

3. Сопоставление языка ПДТП с современными тюркскими языками позволяет сделать вывод о том, что в тюркских языках происходит развитие противоречивости значений грамматических форм доходящее до противоположности. В языке ПДТП все значения исходного падежа связаны с семантикой отложительности, в современных тюркских языках в процессе развития противоречивости значений исходного падежа он приобрел способность передавать и противоположные значения — значения приложительности.

4. В ходе развития и совершенствования грамматического строя тюркских языков ряд грамматических форм расширяет круг своих значений и передает более тонкие и сложные оттенки значений. Так, в языке ПДТП сложные временные формы представляют собой релятивное употребление простых времен по отношению к фону прошлого. Тенденция к использованию сложных временных форм плана прошлого также и по отношению к моменту речи (индикативно) в языке ПДТП только намечается. В современных тюркских языках все сложные временные формы могут употребляться и релятивно и индикативно, что позволяет передавать очень тонкие оттенки значений.

5. Сопоставление синтаксиса языка ПДТП с синтаксисом современных тюркских языков свидетельствует об очень большой устойчивости синтаксического строя тюркских языков. Так, порядок слов, виды инверсии, система развернутых членов предложения, основные типы придаточных предложений в языке ПДТП те же, что и в современных тюркских языках.

6. Универсальная тенденция к выражению различных значений и к передаче различных функций различными формами проявляется в тюркских языках прежде всего в тенденции к формальной дифференциации субстантивных и адъективных значений. В сфере неглагольных имен эта тенденция ведет к формальной дифференциации имен существительных и имен прилагательных. В языке ПДТП имя могло часто обозначать качество предмета как признак (адъективное значение) и качество предмета как понятие с субстантивным значением. В современных тюркских языках субстантивные и адъективные значения, как правило, различаются формально. В сфере имен действия тенденция к формальной дифференциации субстантивных и адъективных значений ведет к тому, что значение процесса с субстантивным значением и значение признака действия выражаются различными формами. Так, в языке ПДТП формы -мыш и -р имели и субстантивное и адъективное значения. В современном турецком языке эти формы имеют только адъективное значение.

Тенденция к формальной дифференциации различных значений выражается также и в ряде других тенденций. Например, в языке ПДТП приименное неглагольное определение с конкретно-предметным значением и приименное неглагольное определение с отвлеченно-предметным значением могли передаваться одной формой - основным падежом. В современных тюркских языках определение с конкретно-предметным значением обычно выражается родительным падежом, а определение с отвлеченно-предметным значением - основным падежом. В языке ПДТП дательный падеж мог иметь не только адресатные значения, но и локативные, местный падеж с аффиксом -да мог иметь не только локативные, но также директивные и аблативные значения. В современных тюркских языках указанные значения обычно четко дифференцированы формально.

Тенденция к выражению одинаковых или близких значений одинаковыми формами проявляется в утрате продуктивности рядом форм. В языке ПДТП дательно-направительный падеж был продуктивной формой. Близкие значения имел дательный падеж. Инструментальные значения в языке ПДТП выражались инструментальным падежом, а также сочетанием имени с последоком бирле. Деепричастия -п и -пан могли передавать одинаковые значения. В современных тюркских языках формы -гару, -н (инструментальный падеж) и -пан утратили продуктивность.

7. В языке ЦДТН синтетических глагольных форм нет (под синтетическими глагольными формами мы понимаем глагольные формы, в состав которых входят аффиксы, происходящие от самостоятельных глаголов). В тюркских языках на протяжении всей их известной нам истории действует тенденция к переходу аналитических форм в синтетические. В современных тюркских языках эти формы широко распространены. Вместе с тем в тюркских языках можно отметить и тенденцию к сохранению аналитического характера ряда глагольных форм. Так, в узбекском и якутском языках формы сказуемости прошедшего времени и сложные временные формы изъявительного наклонения остаются аналитическими, как и в языке ЦДТН. Тенденция к сохранению аналитических форм обусловлена, по нашему мнению, действием универсальной тенденции к сохранению языком существующего состояния. В целом в тюркских языках в исторически обозримый период (начиная с эпохи создания древнейших памятников) преобладает тенденция к переходу аналитических форм в синтетические.

8. Сопоставление особенностей грамматического строя языка ЦДТН с особенностями грамматического строя современных тюркских языков показывает, что язык ЦДТН имеет ряд черт, сближающих его с современными огузскими (турецким, азербайджанским) и якутским языками и одновременно отличающих его от остальных современных тюркских языков. В языке ЦДТН, огузских и якутском языках существуют продуктивные глагольные формы -мыш и -дук (в различных фонетических вариантах). Якутский язык имеет также ряд признаков, объединяющих его только с языком ЦДТН: аффикс -гар (-гару в языке ЦДТН) в форме дательного падежа имен с аффиксами принадлежности и в составе аффикса сравнительного падежа -даагар, использование формы основного падежа в позиции приименного определения с конкретно-предметным значением, выражение дательным падежом как директивных, так и локативных значений, аффикс частного падежа -да, имеющего партитивное значение (партитивное значение связано с аблативным значением, которое в языке ЦДТН может передаваться аффиксом -да), форма отрицательного аспекта времени -онт (-мыш в языке ЦДТН), образованная посредством аффикса -батах (-мадук в языке ЦДТН), способность некоторых послелогов управлять винительным падежом,

повторение одинаковых падежных аффиксов при каждом из однородных членов.

Следует отметить, что якутский язык имеет особенности, общие только для него и языка древнеуйгурских памятников: широкое использование формы -онт (-мыш в языке ПДТП) в функции приименного определения, субъект действия которого не совпадает с определяемым, а также в функции развернутого дополнения и обстоятельства, сочетание формы -тар (-сар в языке ПДТП), выражающей условие, с личными показателями, восходящими непосредственно к личным местоимениям, использование формы -ай — так называемого наклонения "опасения" (< -гай в языке ПДТП). Следовательно, можно предположить, что якутский язык ближе не к языку орхонских памятников, а к языку древнеуйгурских памятников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
О транскрипции и сокращениях	II

Глава I. ФОНОЛОГИЯ

Гласные	17
Состав гласных фонем	"
Гармония гласных фонем	18
Согласные	20
Состав согласных фонем	"
О глухости и звонкости согласных фонем	21

Глава II. МОРФОЛОГИЯ

Части речи	24
Словообразование имен	25
Имя существительное	"
Имя прилагательное	26
Местоимения	28
Личные местоимения	"
Аффиксы принадлежности	29
Указательные местоимения	30
Вопросительные местоимения	31
Выделительные местоимения	"
Неопределенные местоимения	32
Определительные местоимения	"
Имя числительное	33
Количественные числительные	"
Порядковые числительные	"

Разделительные числительные	34
Собирательные числительные	"
Словоизменение имен	"
Категория числа	"
Категория склонения	40
Формы падежей	"
Значения падежей	41
Система падежей в языке ПДТП	53
Категория принадлежности	65
Глагол	67
Формы словообразования глагола	"
Глагольно-именные основы	"
Формы образования глагольных основ от имен	68
Формы образования глагольных основ от глагольных основ	70
Категория залога	"
Общая характеристика	"
Страдательно-возвратный залог	71
Взаимно-совместный залог	74
Понудительный залог	75
Система залогов в языке ПДТП	78
Формы словоизменения глагола	80
Наклонения	"
Общая характеристика	"
Изъявительное наклонение	"
Повелительное наклонение	88
Желательное наклонение	89
Условное наклонение	90
Причастия	93
Субстантивно-атрибутивные глагольные формы	"
Атрибутивные глагольные формы	97
Использование причастий в предикативной функции	99
Система причастий в языке ПДТП	100
Причастия в языке ПДТП и в современных тюркских языках	103
Перифрастические глагольные формы	105
Субстантивная форма -мак	108

Имена действия, перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных	I09
Деепричастия	I10
Сложные глагольные формы, выражающие характер протекания действия.	I16
Сложные глагольные формы с модальным значением	I19
Наречие	I22
Послелог	I24
Послелог-частица	I24
Послелог-частица, управляющие основным и винительным падежами.	I25
Послелог-частица, управляющие дательным падежом	I27
Послелог-частица, управляющие местно-исходным (в аблативном значении) и исходным падежами.	"
Послелог-имена	I28
Некоторые особенности системы послелогов в языке ЦДТТ	I30
Союзы	I31
Сочинительные союзы	"
Подчинительные союзы.	"
Частицы	I32
Модальные слова	I34

Глава III. СИНТАКСИС

Словосочетание	I35
Субстантивные словосочетания.	"
Адъективные словосочетания.	I37
Глагольные словосочетания	"
Предложение	I39
Повествовательное предложение	"
Вопросительное предложение.	"
Модальное предложение	I40
Восклицательное предложение	I41
Простое предложение	I42
Главные члены простого предложения.	"
Второстепенные члены простого предложения	I46

Развернутые члены предложения	161
Однородные члены предложения	167
Порядок слов в предложении	170
Обычный порядок слов в предложении	"
Инверсия	172
Односоставное предложение	173
Неполное предложение	175
Сложное предложение	176
Сложносочиненное предложение	176
Сложноподчиненное предложение	"
Заклучение	182

ИБ № II94

Кондратьев Владимир Георгиевич
ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ УШ-ХІ вв.

Редактор С.Е.Хазанова
Обложка художника О.Н.Советниковой
Художественный редактор А.Г.Голубев
Технический редактор Г.М.Иванова
Корректоры М.В.Унковская, И.М.Зингичева

Подписано в печать 18.02.81	М-12837
Формат 60x84 1/16.	Бумага тип. № 2.
Уч.-изд.л. 10,47.	Усл.печ.л. II,16.
Заказ № 66	Тираж 984 экз.
	Печать офсетная.
	Печ.л. 12,0.
	Цена I р. 10 к.
Издательство ЛГУ им.А.А.Жданова	
199164. Ленинград, В-164, Университетская наб., 7/9	

Фотоофсетная лаборатория ЛГУ
наб.Макарова,6